

24
R 319
4
R 550
РУССКІЕ БЫВШІЕ

ДЪЯТЕЛИ.

СБОРНИКЪ ПОРТРЕТОВЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ

ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ,

СЪ

КРАТКИМИ БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

Томъ II.

Изданіе А. О. Баумана,

Исаакіевская Площадь, 6.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Въ роскошн. перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

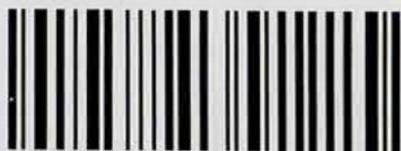
Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7-го Декабря 1878 года.

24878-0

2011137824

I. Филаретъ (Дроздовъ) Митрополитъ Московскій и Коломенскій.....	1
II. Генераль-фельдмаршалъ князь варшавскій, графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій..	31
III. Адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.....	41
IV. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.....	48
V. Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.....	69
VI. Академикъ Михаилъ Васильевичъ Остроградскій	92
VII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.....	100
VIII. Николай Васильевичъ Гоголь.....	111
IX. Михаилъ Ивановичъ Глинка.....	138
X. Василій Андреевичъ Баратыгинъ.....	152
XI. Карлъ Павловичъ Брюлловъ.....	156
XII. Николай Степановичъ Пименовъ.....	162

Смороданъ М. Московскій.

I.

ФИЛАРЕТЪ (ДРОЗДОВЪ)

Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

1782 — 1867.

Преосвященный Филаретъ родился въ городѣ Коломнѣ, Московской губерніи, въ 1782 г. Отецъ его, Михаилъ Дроздовъ, изъ соборныхъ діаконовъ (дѣдъ митрополита Филарета былъ протоіереемъ при Богоявленскомъ соборѣ) поставленный священникомъ Троицкой церкви, въ Ямской слободѣ, противъ желанія прихожанъ, сильно бѣдствовалъ и нуждался, такъ какъ паства его, безъ всякой на то причины, не благоволила къ нему и обходила его своими добродетельными приношеніями. Потому рожденіе сына, нареченнаго при св. крещеніи Василиемъ, лишь только усугубила заботы отца Михаила. Несправедливое предубѣжденіе прихожанъ, однако, мало по малу, благодаря кротости и терпѣнію ихъ новаго духовнаго пастыря, уступило мѣсто самому искреннему уваженію и любви. Когда пришло время позаботиться о воспитаніи Василя, подававшаго самыя блестящія надежды, средства отца Михаила на столько поправились, что онъ помѣстилъ сына въ Коломенскую

семинарію. Успѣхи Василя Дроздова, въ названномъ учебномъ заведеніи, по всей справедливости, могутъ быть названы блестящими. Доказательства тому мы находимъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ 1799 году, когда Каломенская семинарія была переведена въ Калугу, и когда молодой Дроздовъ принужденъ былъ оттуда перейти въ Троицкую-Сергіевскую лавру, для окончанія своего образованія, знанія его оказались на столько значительными, что онъ, не смотря на существующія правила, былъ принятъ на философскій курсъ безъ пониженія.

Въ лаврѣ Василій Дроздовъ пробылъ семь лѣтъ, изучилъ основательно какъ богословскія науки, такъ равно древнія языки, включая и еврейскій. По окончанію курса онъ былъ оставленъ въ лаврѣ въ качествѣ преподавателя еврейскаго и греческаго языковъ, риторики и теоріи краснорѣчія (съ 27-го Ноября 1803). Ректоръ семинаріи, архимандритъ Евграфъ (Музалевскій) заявлялъ начальству, что Дроздову, не смотря на его крайнюю молодость, можно поручить и преподаваніе философіи, но самъ юный наставникъ отказался отъ этой чести.

За время прохожденія академическаго курса, молодой Дроздовъ доставлялъ себѣ лишь два слѣдующія развлеченія: игралъ въ шахматы, да на гусяхъ. Послѣднему искусству научилъ его дѣдъ съ материнской стороны (соборный священникъ, Никита Афанасьевичъ). Другія удовольствія несуществовали для него. Онъ любилъ уединеніе и бесѣды съ товарищами, предпочиталъ бесѣду съ книгами.

Слава объ учености сына отца Михаила достигла

Коломны. Тамошніе горожане явились къ преосвященному просить поставить молодаго Дроздова къ нимъ въ священники. Владыко, однако, отказаль въ просьбѣ. Такой же результатъ имѣла и вторая попытка коломенцевъ. Причина упорнаго сопротивленія высокопреосвященнаго Платона, лежала именно въ томъ высокомъ мнѣніи, какое составилъ онъ о способностяхъ Василя Дроздова.

16-го ноября 1808 г., послѣ вечерни, въ Троицко-Сергіевской лаврѣ постриженъ въ монашество молодой Дроздовъ, подъ именемъ Филарета. Пять дней спустя поставленъ онъ въ іеродіаконъ. Первое слово, говоренное знаменитымъ, въ послѣдствіи, проповѣдникомъ, произнесено имъ 12 января 1806 г., въ годовщину приснопамятнаго освобожденія лавры отъ полчищъ Лисовскаго. Рѣчь эта обратила на себя вниманіе. Вторая рѣчь его „Слово въ великій пятокъ“, произнесенная имъ всего три мѣсяца спустя, является уже вполне выработанной по языку, полной оригинальныхъ оборотовъ, явно свидѣтельствующей о грамадномъ риторическомъ талантѣ оратора. Слава Филарета быстро облетѣла Москву и дошла до Петербурга, гдѣ митрополитъ Амвросій приготавлился открыть Духовную Академію. Наставникъ Филарета, ректоръ Московской Духовной семинаріи, архимандритъ Евграфъ вызванъ былъ на ректорство въ новой Академіи и прибывъ въ Петербургъ, назвалъ перваго изъ имѣющихъ потребоваться отъ Московскаго духовноучилищнаго начальства, іеродіакона Филарета Дроздова, въ наставники философіи. Требованіе поступило къ Митрополиту Платону отъ

Синода, на праздникахъ Рождества (въ декабрѣ 1808 г.) и въ началѣ января 1809 г. будущій святитель былъ уже на пути къ Петербургу, въ которомъ возвысился онъ скоро талантомъ своимъ проповѣдника и ученостью, а въ послѣдствіи испыталъ горечь враждебныхъ навѣтовъ.

Митрополитъ Платонъ, отпустивъ Филарета, не одинъ разъ возобновлялъ ходатайство о возвратѣ его въ Москву, но, безъ успѣха. Въ Петербургѣ Филаретъ на первыхъ же порахъ рукоположенъ въ іеромонахи, получилъ степень бакалавра священнаго богословія въ Академіи, опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и получилъ въ Академіи каѳедру философіи. Однимъ разомъ выдвинулся онъ на видъ и получилъ возможность выказать свои дарованія. Съ перваго шага въ Петербургѣ, извѣстный другъ Сперанскаго, Феофилактъ (Русановъ) архіепископъ рязанскій, принявшій каѳедру словесности въ Петербургской Духовной Академіи, при представленіи ему Филарета ректоромъ Евграфомъ, выказалъ уже нѣкоторое къ нему нерасположеніе. Ученый, или слышій за ученаго, архипастырь предложилъ молодому собрату по каѳедрѣ, въ качествѣ какого-то испытанія, хитрый вопросъ „что есть истина?“ Отвѣтивъ, какъ опредѣляли истину Вольфъ и Лейбницъ, Филаретъ былъ смущенъ настаиваніемъ Феофилакта „что есть истина вообще?“ Видя смущеніе молодаго богослова, благодушный ректоръ Евграфъ, поспѣшилъ вывести его изъ неловкаго положенія словами: „И самъ Христосъ промолчалъ, когда спросили его испытывающіе, что есть истина?“ Принуж-

денный обратит нападенія въ другую сторону, Феофилактъ завелъ рѣчь о языкахъ и услышавъ о знакомствѣ Филарета съ еврейскимъ, посовѣтоваль усвоить знаніе одного изъ новѣйшихъ языковъ. Послѣдовавъ этому совѣту и начавъ заниматься самоучкою французскимъ языкомъ, Филаретъ тѣмъ не менѣе не нашель для себя подходящимъ, предложеннаго Феофилактомъ ученіе Сведенборга. Въ академическомъ правленіи Филарету опять пришлось столкнуться съ Феофилактомъ, поддерживаемымъ Сперанскимъ. Идеямъ преосвященнаго рязанскаго, несмотря на молодость свою, Филаретъ не подчинился и къ партіи его не присталь, ставъ въ холодныя отношенія къ товарищу-земляку, Леониду, едвали не болѣе старавшемуся вредить ему, чѣмъ самъ Феофилактъ. Леонидъ, на примѣръ, назвалъ одою, знаменитую проповѣдь, произнесенную Филаретомъ въ день Пасхи 1811 года, начинающеюся словами— „Христось Воскресе! Такъ, онъ воскресъ, христіане“. Но, въ это время, находя въ Филаретѣ опору отъ посягательствъ властолюбія Феофилактова, митрополитъ Амвросій приняль подъ свою защиту проповѣдника, поручивъ ему написать рѣчь о дѣйствіяхъ Святаго Духа и произнести въ день хромоваго праздника, въ Лаврскомъ соборѣ. Самъ прочитавъ написанную рѣчь, и по произнесеніи, когда Феофилактъ назвалъ эту рѣчь отзывающуюся пантеизмомъ, противопоставиль враждебному отзыву мнѣніе Меодія тверскаго, отозвавшагося, что проповѣдь „достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ“. Пись-

менный отзывъ Меѳодія, о словѣ на день пятидесятницы на текстъ „исполнимая вси Духа свята“, митрополитъ представлялъ Синоду при толкованіи, напечатать ли его, и когда послѣдовало рѣшеніе, еще даль тѣму Филарету самъ—„о брацы грѣха—смерть“. На этотъ текстъ Филаретъ сочинилъ проповѣдь, произнесенную въ 4-е воскресенье по пятидесятницѣ, въ 1811 г., въ присутствіи близкихъ къ Императору Александру I людей: Сперанскаго и князя Александра Николаевича Голицына. Послѣдній былъ восхищенъ даромъ проповѣдника и испросилъ ему первую монаршую награду, наперсный крестъ осыпанный алмазами (30-го іюля 1811 г.). Этотъ годъ должны мы считать особенно важнымъ для великаго духовнаго витія, черезъ недѣлю по полученіи креста наперснаго, возведеннаго въ архимандриты. Замѣчательно, что возведеніе въ ректоры Академіи архимандрита Филарета, предварило только одною недѣлею высылки, изъ Петербурга, покровителя Феофилакта, М. М. Сперанскаго. Филаретъ—ректоромъ Академіи назначенъ 11-го марта 1812 г. (Сперанскій удаленъ на 19-е марта, въ ночь). Въ это время Филаретъ, при посредствѣ оберъ-прокурора, князя А. Н. Голицына, уже извѣстенъ былъ Государю и удостоился чести произнести въ великій пятокъ, въ 1812 году, въ придворной церкви прекрасную проповѣдь. На близость къ Голицыну указываетъ произнесеніе въ теченіе 1812 г. двухъ словъ въ домовой его церкви (при освященіи ея, 10-го октября и въ третій день праздника Рождества Христова). Черезъ посредство князя, дружеское уваженіе ко-

торого къ Филарету неизмѣнилось до самой его кончины, знаменитый ректоръ - проповѣдникъ удостоенъ чести, наравнѣ съ іерархами Феофилактомъ и Меодіемъ, написать для Императрицы Елизаветы Алексѣевны, о разности православной и латинской церкви, въ ученіи вѣры, при запискѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, о раздѣленіи церквей. Здѣсь, въ 8-ми отдѣлахъ и 19-ти членахъ — послѣ краткаго введенія, объяснено Филаретомъ ученіе: объ источникѣ вѣроученія, о Богѣ, грѣхопаденіи, благодати, таинствахъ, церкви и будущей жизни.

„Изложеніе разности между восточною и западною церковью“ относятъ къ концу 1811 года, ставя прежде слово, при отпѣваніи графа П. В. Завадовскаго, а за нимъ уже слово, въ великій пятокъ, въ Придворной церкви. За 1812 годъ кромѣ словъ: въ великій пятокъ, и двухъ въ домашней церкви князя Голицына, имѣется еще слово Филарета „О молитвѣ Господней“, произнесенное 23-го октября. За 1813 же годъ насчитываютъ восемь сочиненій архимандрита Филарета, въ томъ числѣ два слова, изъ которыхъ произнесенное при отпѣваніи тѣла князя Кутузова-Смоленскаго, высоко цѣнилось современными патриотами, также какъ и отвѣтъ на письмо Оленина, которымъ предлагалось написать разсужденіе о „нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ“. Письмо Оленина и отвѣтъ 5-го января 1813 года, напечатаны были въ 13-мъ чтеніи, въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, которой почетнымъ членомъ былъ

ректоръ Духовной Академіи, архимандритъ Филаретъ. По прямой обязанности своей, какъ наставника, онъ написалъ въ это время и на латинскомъ языкѣ лекціи: „введеніе къ книгамъ ветхаго завета“ *) „предположенія относительно производства испытаній“ для комиссіи духовныхъ училищъ. Изъ уроковъ въ Академіи составился „опытъ изъясненія 67-го псалма“.

Не мало хлопотъ и шума надѣлали „примѣчанія“ Филарета и переводъ книги Ансильона „Эстетическія разсужденія“, сдѣланный студентами Спб. Духовной Академіи въ классѣ словесности, завѣдываемомъ Теофилактомъ архіепископомъ рязанскимъ (пропускъ цензора на печатной книгѣ 6-го октября 1813 года). Нельзя сказать, чтобы примѣчанія были безъ задора и натяжекъ; очевидно въ нихъ искали предлога втянуть въ отвѣтственность Теофилакта, неосторожно заставившаго будущихъ духовныхъ ученыхъ переводить сочиненіе, неимѣющее соотношенія къ ихъ прямой профессіи.

Пользуясь обмолвками, Филаретъ казуистически, довольно ловко выставилъ неправославность мнѣній Ансильона, въ чемъ впрочемъ и сомнѣваться даже трудно. Въ настоящемъ случаѣ, ректоръ Академіи только отплатилъ Теофилакту за его недоказанное обвиненіе въ пантеизмѣ проповѣди „на день пятидесятницы“. Разбиратель Ансильона вывелъ у него пантеизмъ, выраженный въ словахъ: „представля

*) «Introductiones in singulos libros veteris testamenti; in supplementum libri classici conscripti».

собою мыслящія существа, входящія въ составъ безконечнаго цѣлаго, мы не можемъ не подлежать его сокровенному и тайному на насъ дѣйствию“. На самомъ же дѣлѣ, у Ансильона особенно правились Теофилакту тѣ идеи, гдѣ больше неопредѣленности, такъ какъ Теофилактъ былъ послѣдователемъ религіознаго мистицизма.

Филаретъ воспользовался темнотою нѣкоторыхъ фразъ и оборотовъ, и въ своихъ примѣчаніяхъ вывелъ изъ нихъ не только еретическія умствованія, но и даже политически-неблагонадежныя идеи. Такъ напри- мѣръ, слѣдующій періодъ: „Кто можетъ презирать все приводящее въ трепетъ толпы народа, кто сдѣлав- шись холоднымъ ко всему, что лично до него касает- ся, умѣлъ посвятить себя какому либо великому пред- мету: тотъ есть истинный герой, каковъ бы не былъ предметъ его дѣятельности.“ Филаретъ истолковалъ восхваленіемъ Наполеона, что въ ту эпоху, напря- женнаго патриотизма, равнялось предательству. При- мѣчанія оканчиваются слѣдующими словами: „Здѣсь выписаны только мѣста, которыхъ несогласіе съ вѣ- рою, нравственностью и гражданственностью безъ затрудненія усматривается, дабы каждый могъ по- вѣрить мнѣніе писавшаго примѣчанія своимъ суж- деніемъ. Кто пожелаетъ разсматривать эстетическія разсужденія съ болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ, для того еще осталось на семь полъ богатая *жита- лжи и заблужденія*“.

Этотъ приговоръ Теофилактъ, естественно, не могъ оставить безъ выраженій. Въ своихъ запис- кахъ, диктованныхъ Филаретомъ, А. Г. онъ утвер-

ждаеть, что положеніе его въ ту пору было очень дурно. Мы, однако, не можемъ въ этомъ отношеніи безусловно согласиться съ нимъ. Положимъ, робкій митрополитъ, одинъ, не могъ считаться надежной опорой; но кромѣ митрополита явнымъ покровителемъ Филарета являлся князь Голицынъ. Феофилактъ же, послѣ удаленія Сперанскаго и разлада съ Амвросіемъ остался вполнѣ изолированнымъ. Доказательствъ тому существуетъ очень много и, между прочимъ, отъѣздъ его въ епархію, равняющійся изгнанію.

Составленіе записокъ о книгѣ Бытія, извлеченныхъ изъ классныхъ лекцій, относится къ 1816 г. Къ той же эпохи, приблизительно, принадлежитъ и его рѣчь произнесенная въ придворной церкви, въ присутствіи императрицы Маріи Федоровны, на текстъ „Царь Иродъ смутился и вся Иеросолима съ нимъ“ излагая поводы смущенія Ирода при вѣсти о рожденіи Мессіи, проповѣдникъ рѣзкими высокохарактерными чертами намѣтилъ пороки высшаго общества. Картина, воспроизведенная имъ показалась чрезвычайно яркою. Императрица Марія Федоровна дважды обращалась къ Голицыну съ вопросомъ: „о чемъ говоритъ проповѣдникъ?“ и Голицынъ не нашелся отвѣтить ея величеству. Послѣ этого эпизода Филаретъ болѣе уже не приглашался въ придворную церковь для проповѣди.

Одновременно съ чтеніями о книгѣ Бытія, вышло начертаніе церковно-библейской исторіи. Отрывки курса нравственнаго, богословія читаннаго Филаретомъ, сохранились въ книгѣ протоіерея Кочетова

„Черты дѣятельнаго ученія вѣры.“ По окончанію втораго академическаго курса, Филаретъ былъ рукоположенъ въ епископы ревельскіе.

Съ этихъ поръ положеніе Филарета упрочивается вполнѣ и ему не приходится болѣе трепетать предъ врагами. Впечатлѣніе отъ вышеупомянутыхъ „примѣчаній“ было такъ сильно, что Феофилакту не оставалось и тѣни надежды побороть своего антагониста. Филаретъ закончилъ борьбу словомъ „Гласъ воиющаго въ пустынь“, въ которомъ окончательно побиваетъ противника. Ко времени возвращенія Александра I въ столицу, Филаретъ стоялъ уже такъ близко къ оберъ-прокурору св. синода, а, черезъ него, и къ самому монарху, что писалъ рескриптъ митрополиту, своему благодѣтелю, и отъ имени послѣдняго, сочинялъ благодарственную рѣчь монарху. По просьбѣ Голицына, Филаретъ бесѣдовалъ съ его племянникомъ, совращеннымъ въ католицизмъ, и достигъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Обстоятельство это съ одной стороны подало поводъ къ тѣснѣйшему сближенію между Филаретомъ и княземъ Голицынымъ, съ другой стороны подали ему поводъ выпустить въ свѣтъ „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной церкви“.

О своемъ архіерействѣ оставилъ преосвященный Филаретъ слѣдующія воспоминанія въ своей автобіографіи: „Послѣ окончанія II курса, прихожу я съ наставниками къ Амвросію послѣ благодарственнаго молебна, чтобы принять благословеніе на отдыхъ. Онъ говоритъ мнѣ: посмотри что я пишу. Онъ писалъ представленіе о томъ, чтобы

меня сдѣлать епископомъ. Я отвѣчалъ: „если вы хотите имѣть меня орудіемъ своихъ дѣйствій, если я вамъ угоденъ, да будетъ воля ваша! Если же хотите наградить меня епископствомъ, то это не награда, а подвигъ. Наградами же я почтенъ прѣвыше моихъ заслугъ“. Ну, ужъ это не твое дѣло, сказалъ митрополитъ Амвросій. Видя что ему скоро придется оставить свой постъ, онъ озаботился архіерействомъ оградить великаго оратора отъ несомненныхъ, съ удаленіемъ его, враждебныхъ нападокъ противной партіи, успѣвшей охладить къ нему расположеніе власть имѣющихъ, кромѣ Голицына. Митрополитъ Михаилъ, въ первое время по вступленіи на митрополию послѣ Амвросія (удаленнаго съ неприятностями), предубѣжденный, какъ видно, дѣйствительно хотѣлъ удалить Филарета, своего викарія, оставленнаго предшественникомъ, въ Каменецъ-Подольскъ. Поэтому случаю Филаретъ продиктовалъ свое объясненіе съ митрополитомъ. — „Я говорилъ, что еще нисколько не тягочусь своимъ положеніемъ, готовъ послужить въ этомъ званіи еще, но если ваше высокопреосвященство имѣете, кого другаго въ виду и желаете меня отпустить отъ себя, для меня слишкомъ много того, что назначаете меня на второклассную епархію. Я буду доволенъ третъеклассною“. Эти слова смиренія обезоружили предубѣжденіе и смѣна съ викарія не состоялась. Михаилъ оставилъ и затѣмъ, уже самъ поддерживалъ Филарета, благоволя къ нему. Доказательствомъ этому можетъ служить назначеніе изъ викаріевъ прямо въ архіепископы, въ

Тверь (15-го марта 1819 г.), вмѣстѣ съ назначеніемъ въ члены св. Синода.

Къ послѣднему времени викаріальнаго служенія въ Петербургѣ, преосвященнаго Филарета, принадлежитъ удаленіе товарища его по Академіи, Иннокентія Смирнова, рукоположеннаго въ епископы Пензенскіе, прямо въ видахъ немилости, по случаю пропущенной имъ, какъ цензоромъ книги Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“. Сочиненіе это направленное противъ мистиковъ, принялъ оберъ-прокуроръ князь Голицынъ прямымъ нападеніемъ на себя и возбудилъ противъ цензора неудовольствіе монарха. Иннокентію предписано было поспѣшно, въ холодную пору, несмотря на болѣзнь, оставить Петербургъ для прибытія, въ епархію, — гдѣ онъ скоро и умеръ. Въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ этаго страдальца злорѣчіе видѣло соучастіе преосвященнаго Филарета, но объясненія его представляютъ дѣло иначе. Именно, онъ сколько могъ, участвовалъ въ ослабленіи силы удара, наносимаго Иннокентію, человѣку высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, но, многого сдѣлать не могъ. Конечно назначеніе въ члены Синода изъ викаріевъ и въ архіепископы, всего лучше доказываетъ участіе оберъ-прокурора въ возвышеніи Филарета, съ которымъ пріязненные отношенія, какъ говорили мы, продолжались до самой кончины послѣдняго, удаленіе же изъ Петербурга ректора-викарія было дѣломъ противниковъ Голицына.

Въ Твери, какъ извѣстно, Филаретъ успѣлъ въ теченіе *ста дней* обозрѣть епархію, въ каждомъ

храмъ ея, говоря слово безъ приготовленія. Ознакомившись съ положеніемъ паствы своей, попечительный архипастырь только принялся было дѣйствовать, какъ, въ сентябрѣ 1820 года переведенъ въ Ярославль, а оттуда, раньше истеченія года — въ Москву, по случаю перемѣщенія преосвященнаго Серафима на Петербургскую митрополию, за смертью Михаила (24 го марта 1821 года).

Филаретъ былъ въ Петербургѣ, во время его кончины и дождался прибытія новаго митрополита.

По смерти Михаила, три мѣсяца прошли до назначенія ему преемника, выборъ котораго, какъ кажется, заранѣе рѣшилъ Аракчеевъ, судя по тому единодушію, съ какимъ дѣйствовали Серафимъ и „безъ лести преданный“, къ низложенію Голицына и уничтоженію всѣхъ его начинаній и предприятий. Что Филаретъ не ожидалъ перемѣнъ, къ лучшему тому доказательствомъ служатъ его слова въ письмѣ къ Гавріилу, бывшему потомъ архіепископомъ рязанскимъ, а въ то время — ректоромъ нижегородской семинаріи: „не епархія, но іерархія сиротствуетъ“. За нѣсколько дней до кончины владыки, одному видѣлся сонъ: „огромный столпъ съ вѣнцомъ на верху, съ громомъ разразился. Господи, Господи! Зданіе и такъ ветхо, *бури съ часу на часъ усиливаются*; и въ сіе время столпъ, на которомъ лежалъ самый сводъ, разрушается! Чего намъ ждать?“ Въ письмѣ же къ нему, отъ 16-го мая 1821 года, у Филарета не менѣе характеристично мѣсто. „Если правду вы говорите, что между любопытными есть столь непроницаемые, которые *дѣлятъ свое лю-*

болыитство между Грузіею и Ярославлемъ: то вы могли бы сказать имъ, что Ярославль въ сравненіи съ Грузіею отнюдь не заслуживаетъ любопытства“. Припомнимъ, что экзархомъ Грузіи, съ 1-го февраля 1819 года, митрополитомъ карталинскимъ, былъ Феофилактъ, на котораго, очень естественно обращали вниманіе всѣ знавшіе силу его партіи.

Съ другой стороны заслуги Филарета были тоже не безъизвѣстны. Полагали, что Ярославль играетъ лишь роль первой ступени къ сану еще болѣе высокому. 19-го іюля 1821 года умеръ Феофилактъ. Можетъ быть причиной тому было назначеніе Серафима преемникомъ Михаилу.

Прибывъ въ августъ того же года въ Москву, Филаретъ, имѣвшій не мало враговъ, испыталъ нѣкоторыя столкновенія съ духовенствомъ первопрестольной столицы. Фотій, между прочимъ, открыто и дерзко порицалъ его покровителя, князя Голицына, и какъ могъ вредилъ архіепископу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ Филаретъ самъ является не правымъ. Такъ, напримѣръ, нападки его на священника Павскаго, за составленное имъ по порученію начальства краткое руководство для преподаванія закона Божія въ ланкастерскихъ школахъ, явно проистекало отъ недоброжелательства къ счастливому сопернику (катехизисъ самого Филарета подвергся гоненіямъ со стороны Аракчеева и его клеветовъ). Павскій, по своему характеру отнюдь не былъ способенъ интриговать противъ кого бы то ни было и если игралъ какую либо роль въ партіи враговъ Филарета, то дѣлалъ это

совершенно пассивно, подъ вліяніемъ и нравственнымъ гнетомъ Фотія, которому необходимо было завлечь въ свою клику челоуѣка съ честнымъ, безупречнымъ именемъ.

Авторъ записокъ о жизни митрополита Филарета, Сушковъ, безпрестанно ссылающійся на слова и мнѣнія самого высокопреосвященнаго, говоритъ *): „понятно, что жалкая бездарность жужжала на него, но непонятно, какъ люди почтенные, каковы *Феофилактъ, Павскій и Шишковъ* *возставали на митрополита*. Слова эти не болѣе какъ отголосокъ мнѣнія самого Филарета и придавать имъ значенія мы не можемъ. Аракчеевъ со своими клеветами, по смерти Михаила, выбралъ подходящаго по своей покорности, Серафима, готоваго все выполнить, что будетъ рѣшено. Кротость же его и неспособность къ задору, восполнялъ съ лихвою дерзкій монахъ Фотій, открыто называвшій врагомъ православія синодскаго оберъ-прокурора и публично отказавшій ему въ благословеніи.

Судя по этому, Филарету приходилось ожидать сильныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны противниковъ, т. е. всей Аракчеевской партіи съ митрополитомъ во главѣ. Хлопоты Аракчеева увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Фотій получилъ аудіенцію у императора и подготовилъ рѣшительный приступъ митрополита, за которымъ послѣдовало освобожденіе Голицына отъ должности оберъ-прокурора Синода. Поводъ къ открытому нападенію на него были

*) Стр. 102, Зап. о жизни и врем. Святит. Фил. М. М.

проповѣди Госнера, представленныя Императору Александру I, до того странными и вредными, что невольно поколебали его довѣрія къ способности Голицына занимать съ пользою ввѣренный ему постъ. Служба по народному просвѣщенію, послѣ университетскихъ исторій, навязанныхъ довѣрчивому министру фанатиками и возбудившихъ ропотъ въ обществѣ, тоже оказалась неудобною, и въ виду неудовольствія нескрываемаго государемъ, Голицынъ уступилъ свое мѣсто Шишкову, дѣятельному члену Аракчеевской клики, не понимавшему впрочемъ, что онъ служить ея орудіемъ. Вмѣстѣ съ оставленіемъ Голицынымъ министерства и оберъ-прокурорства, на одиноко стоявшаго Филарета послѣдовало самое несправедливое изъ гоненій. Московскій іерархъ составилъ на ту пору свой образцовый учебникъ катехизическаго ученія православной восточной церкви, дѣйствуя съ прежнею энергіею, на пользу народнаго образованія. Уже народное образованіе получило отъ ученаго іерарха: „таблицы чтенія изъ священнаго писанія“ (1819 г.), „Чтенія изъ 4-хъ евангелистовъ и изъ книги дѣяній апостольскихъ, для употребленія въ гражданскихъ училищахъ, изд. Главн. Правлен. Учил. (1820 г.), „Чтенія изъ книгъ Священнаго писанія ветхаго завѣта, составленныя и переложенны съ еврейскаго подлинника, въ слѣдствіе высочайшей воли, для употребленія въ училищахъ“ (1822 г.). И за ними вслѣдъ явился „Христіанскій катихизисъ православныя католическія восточныя грекороссійскія церкви“ (1823 г.), вызвавшіе пожалованіе ордена Св. Александра Невскаго, при все-

милостивѣйшемъ рескриптѣ (2-го іюня 1823 г.), гдѣ сказано, что орденъ жалуется „за начертаніе по духу православной восточной церкви и *въ разумъ евангельской истины*, катехизиса *одобреннаго Св. Синодомъ*“. Чего же болѣе для признанія православнымъ учебника прошедшаго черезъ разборъ Синода, хранителя святости вѣры? Но не прошло полуторыхъ лѣтъ, какъ по письму свѣтскаго лица (Шишкова), къ другому (Аракчееву), еще меньше способному разсудить правильно ли думаетъ самъ писавшій, его частное мнѣніе „что унижена будто бы *святость* церковнаго языка, переложеніемъ съ него въ катехизисѣ Символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей на разговорное нарѣчіе, почему-то показавшееся извѣтчику „*простонароднымъ*“, получивъ силу на столько, что высочайше повелѣно печатаніе и разсылку катехизиса Филарета приостановить, а изъ училищъ и семинарій, его отобрать.

Письмо Шишковъ написалъ 2-го ноября 1824 г., и это повелѣніе Митрополиту Серафиму уже сообщено 21-го ноября. Какъ это сдѣлалось и какіе мотивы выставили выше Филарета, для убѣжденія Монарха въ необходимости подобной мѣры, остается неизвѣстнымъ, но ясно видна тутъ рука Аракчеева и Магницкаго. Для Филарета это былъ ударъ тяжелый и неожиданный, такъ какъ не далѣе минувшаго года, онъ настолько казался довѣреннымъ лицомъ у своего Монарха, что ему поручено было составленіе очень важнаго акта, каковъ проектъ Манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича. Понимая всю силу темной партіи, успѣв-

шей извратить и представить вреднымъ настолько чистое и святое дѣло какъ катехизическое ученіе, Филаретъ, при извѣстїи о запрещенїи его учебника, не хотѣлъ молча покориться незаслуженному униженїю. 8-го декабря 1824 г., онъ написалъ старшему члену Синода, Митрополиту Серафиму. Въ письмѣ этомъ, указавъ, что „написать катихизисъ препоручилъ ему Святѣйшій Синодъ, по предложенїи самаго Серафима, что написавъ 1-ю часть, онъ ему же самъ читалъ“ и въ главномъ получилъ утвержденїе, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, по сдѣланнымъ замѣчанїямъ, исправилъ, „что потомъ, при новомъ и долгомъ разсатриванїи Серафимомъ же“, каждое слово и выраженїе, которое подвергалось замѣчанїю, исправлено съ одобренїя „его же“. Засимъ, писалъ Филаретъ, катехизисъ внесенъ въ Святѣйшій Синодъ, который, одобривъ оный, испросилъ на изданїе онаго Высочайшее повелѣніе.... Такимъ образомъ, катехизисъ, въ составленїи котораго я былъ орудїемъ, сперва при мнѣ, а потомъ въ отсутствїи моемъ утвержденъ вашимъ высокопреосвященствомъ и Святѣйшимъ Синодомъ.... и сіе совершенное утвержденїе оглашено передъ церковью.... Непонятно, кѣмъ и какъ, и почему приведено нынѣ въ сомнѣніе дѣло, столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на землѣ.... Если сомнительно православїе катехизиса, столь торжественно утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православїе самаго Святѣйшаго Синода? Допущенїе сего сомнѣнїя не потрясетъ ли іерархіи до основанїя, невозмутитъ ли мира церкви? Непроизведетъ ли тяжкаго пер-

ковнаго соблазна? Судъ, который надъ дѣяніемъ Святейшаго Синода произнесетъ *одинъ священникъ* (если правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катехизисѣ синодально утвержденномъ) увѣритъ ли всю церковь и не обнаружитъ ли только разрушеніе іерархическаго порядка, чрезъ допущеніе тако-го суда“.....

Въ письмѣ отъ 13-го декабря, Филаретъ сообщаетъ, что до него дошла молва о запрещеніи его проповѣди, произнесенной въ день Благовѣщенія (25-го марта 1824 г.), въ Чудовомъ монастырѣ. Провѣдь эта была у Серафима, имъ исправлена и имъ же написано было къ Филарету собственноручно, „проповѣдь вашу на Благовѣщеніе я читалъ; она, по моему мнѣнію его, самая лучшая изъ проповѣдей вашихъ“. Послѣ сего, писалъ Филаретъ, если должно что защищать, то нужно защищать сужденіе первенствующаго члена Синода противъ возраженія одного свѣтскаго человѣка, который, по своему произволу, произвелъ себя, не только въ богослова, но и въ судію вѣры и церкви“.

Представляя затѣмъ опроверженіе мнимой неточности по поводу выраженнаго въ проповѣди невѣденія Іосифа о тайнѣ бого-невѣсты, Филаретъ ссылается на ученіе Златоуста и на акаѳистъ поемый въ церкви, восклицая: „если св. Златоустъ правъ, если акаѳистъ священъ, то и согласная съ ними проповѣдь, вашего высокопреосвященства одобренная, одобрено въ совершенную сообразность съ ученіемъ православной церкви. Повторяю тоже, что писалъ къ вашему высокопреосвященству по случаю катехизиса, т. е.

если сквозь дѣло хотятъ явить лице — пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достовѣрность церковнаго правительства, чтобы возмущали миръ церкви?“

Въ декабрѣ же написалъ на оба письма отвѣтъ свой Серафимъ, въ которомъ подтверждая свое прямое участіе въ утвержденіи катехизиса, и твердую увѣренность въ православіи его ученія, находилъ „что до православія катихизисовъ вашихъ никто не малѣйше не коснулся... равно достоинство или важность Святѣйшаго Синода, ни мало симъ случаемъ не унижены“, что все дѣло вышло изъ за изложенія по русски Символа и десятисловія, а почему русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ катехизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе со славянскимъ языкомъ.... тогда какъ русскій языкъ удерживается въ священныхъ книгахъ Поваго Завѣта и въ псалмахъ? На сей и на другія многія вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснить намъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе, скоро, по моему мнѣнію, настанетъ.... Я чувствую, что положеніе ваше тяжело и скорблю о семъ отъ всего сердца, что *не имѣю возможности облегчить васъ отъ бремени.* Итакъ *потерпи*, пастыръ добрый, — *терпѣніе не посрамитъ*; оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна *вамъ будетъ*, что я имѣлъ случай и самъ подъ собою до-
знать.

Желая видѣть въ этомъ изъясненіи тотъ смыслъ,

который хотѣлъ придать сообщенію писавшей, нельзя не пожалѣть о роли первенствующаго члена Святейшаго Синода, который невинно гонимому можетъ только рекомендовать терпѣніе. Увѣренность Серафима, что изъясненіе будетъ возможно, скоро не слѣдуетъ ли понимать, что онъ надѣялся повернуть дѣло также, какъ удалось ему низвергнуть Голицына? Но едва ли при жизни Александра I могущество Аракчеева возможно было поколебать, когда и дружба къ Голицыну, не спасла его отъ опалы у того самаго монарха, религіозныя чувства, котораго такъ были близки сердцу подданнаго. Если эта связь пошатнута Аракчевымъ, не желавшимъ имѣть совмѣстника во вліяніи на Благословеннаго, то чего могъ ожидать Серафимъ, со всею тонкостью своей тактики, идя противъ Аракчеева. Не могло этаго не представиться и митрополиту; а если представлялось, не могло быть искреннимъ обѣщаніе перемѣны обстоятельствъ, которымъ подчивалъ онъ Филарета, прописывая какъ лучшее лекарство—терпѣніе. Уничженіе своихъ мнѣній и авторитета Синода Серафимъ не хотѣлъ видѣть въ вопросѣ о катихизисѣ, дѣлая изъ него только личный вопросъ для составителя. На сторону его, какъ бы склоняясь, онъ указываетъ, но бессмысленность повода остановленія печати катихизиса, а въ примѣръ приводитъ употребленіе живаго разговорнаго языка въ переводѣ Новаго Завѣта и псалмовъ, въ изданіи Библейскаго общества. Между тѣмъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ Библейскаго общества, съ удаленіемъ Голицына, не самъ ли же Серафимъ трудился о за-

крытіи его и положеніи подъ спудъ русскаго переложенія книгъ Священнаго писанія. Въ это время, именно вопросъ о закрытіи Библейскаго общества, былъ пущенъ въ полный ходъ: стало быть ссылка на славянофила Шишкова, — оказывавшагося безъ вѣдома своего покорнымъ орудіемъ въ выполненіи плановъ на столько же аракчеевскихъ, какъ и митрополитскихъ, — по меньшей мѣрѣ выказываетъ двоеудіе писавшаго, которое сквозило изъ-за дурно прикрываемаго источника холоднаго соболѣзнанія. Серафимъ ни словомъ не упомянулъ, что не было разбирателя катихизиса — священника, — что прописываетъ въ первомъ письмѣ Филаретъ и этимъ самымъ даетъ возможность московскому іерарху остаться при своемъ мнѣніи о соучастіи въ комплотѣ противъ него лицъ бѣлаго духовенства. Въ перечнѣ враговъ московскаго митрополита, поименованъ одинъ бѣлый священникъ — Павскій. Вѣрно онъ подозрѣвалъ его въ неприязни къ себѣ, или нѣтъ, но довольно знать это подозрѣніе, чтобы въ двукратномъ возбужденіи бури противъ этаго почтеннаго ученаго, мы приняли эти попытки прямымъ слѣдствіемъ отплаты за катехизисъ.

Скорой кончины монарха никто не думалъ предвидѣть, и тогда, какъ тяжелая вѣсть о болѣзни Благословеннаго смутно пронеслась по Россіи. Между тѣмъ за первую вѣстью о болѣзни и потомъ объ улучшеніи состоянія царственнаго больнаго, внезапно явилась эстафета, сообщая, что „Ангель отлетѣлъ на небеса!“ — въ ту пору, когда престолонаслѣдіе Николая никому не было извѣстно. Манифестъ Але-

ксандра I, 16-го сентября 1823 г. въ трехъ экземплярахъ, подписанный покойнымъ Государемъ, переданъ въ пакетахъ за печатью его въ Сенатъ, Государственный Совѣтъ и въ Московскій Успенскій соборъ, съ порученіемъ вскрыть по смерти, прежде всякаго другаго дѣйствія,—но это приказаніе оставалось неисполненнымъ въ Петербургѣ по вечери 13-го декабря 1825 г., а въ Москвѣ, Филаретъ заставилъ генераль-губернатора исполнить это 18-го декабря, когда привезенъ въ древнюю столицу уже манифестъ новаго Императора. Прочтеніе манифеста Александра I успокоилъ народъ, уже приведенный къ присягѣ Константину Павловичу, отрекшемуся отъ короны, предоставивъ ее Августѣйшему брату. Въ этомъ эпизодѣ, начавшемъ новое славное царствованіе въ Москвѣ, Филаретъ московскій игралъ видную роль. Онъ вышелъ изъ алтаря Успенскаго собора и на амвонѣ на аналой положилъ ковчегъ съ царственными актами. По одну сторону аналая сталъ московскій военный генераль-губернаторъ, по другую привезшій манифестъ Николая I, въ Москву, графъ Комаровскій. Изъ ковчега вынулъ конвертъ и изъ него манифестъ и Голицынь съ Комаровскимъ засвидѣтельствовали подлинность подписи Александра I. Затѣмъ прочитанъ манифестъ Александра I, отреченіе Константина и манифестъ Николая I. По прочтеніи сего послѣдняго, Филаретъ произнесъ: „По уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому дана она“,—іерархъ осѣнилъ народъ на три стороны крестомъ и выговорилъ

слова новой присяги:— „Я нижепоименованный обещаюсь и клянусь“....

Присяга состоялась и 22-го августа 1826 года, возведенный въ этотъ день въ митрополиты московскіе, Филаретъ говорилъ рѣчь Императору Николаю Павловичу, при вступленіи его въ Успенскій соборъ для священнаго коронованія. Этому же монарху, вслѣдъ за коронованіемъ произносилъ рѣчи, полныя высокаго краснорѣчія, сильнаго и трогаящаго, митрополитъ Филаретъ: сентября 25-го въ Сергіевской лаврѣ, сентября 28-го въ Чудовомъ монастырѣ совершивъ молебствіе о побѣдѣ, одержанной надъ персіянами; ноября 20-го въ Успенскомъ соборѣ, въ день возшествія на престолъ, на текстъ „сотвори мнѣ величіе Сильный“ и 6-го декабря—въ Маріинской церкви Императорскаго вдовьяго дома, въ день монаршаго тезоименитства. Вообще по 1827 годъ, насчитываютъ 168 сочиненій высокопреосвященнаго Филарета, а рѣчей въ одномъ 1826 году произнесено имъ было 23; да напечатаны: два письма ученыхъ къ предсѣдателю Общества исторіи и древностей и „предписаніе московскому духовенству, по случаю перенесенія тѣла Императора Александра I“.

Возведенный въ санъ Митрополита (1826) Филаретъ въ 1827 году, послѣ трехъ лѣтъ отсутствія изъ Петербурга, въ концѣ мая уже оставилъ свою паству, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Вотъ отъ чего мы имѣемъ только четыре проповѣди въ Москвѣ произнесенныя по 20-е мая, въ этотъ годъ по возвращеніи къ своей паствѣ весною 1828 г., до 8 сентября произнесъ Филаретъ восемь проповѣ-

дей въ Москвѣ, по осень и зиму. Снова уѣхавъ въ Петербургъ. Къ 1828 году относится изданіе его исправленнаго „пространнаго катихизиса“ и краткаго, названнаго „Начатки Христіанскаго ученія“. Рѣчь *О написаніи вновь катихизиса* — послѣ исторіи, ноября 1824 года, заведена была Серафимомъ въ Москвѣ на коронаціи. Вышло изъ этого жаркое объясненіе митрополитовъ между собою, не ограничившееся вопросомъ объ учебникѣ, какъ видно далѣе, но, въ результатѣ — *порученіе поправить* катихизисъ, самому же Филарету. „Когда, послѣ того, — выказалъ самъ онъ о себѣ, — я пріѣхалъ въ Петербургъ, преосвященный Серафимъ встрѣтилъ меня такими словами: если вы будете настаивать на продолженіе перевода священнаго писанія, я выйду въ отставку“. Поставивъ вопросъ такъ, Серафимъ, конечно заставилъ уступить Филарета, сказавшаго — „я недошолъ до такого безумія, чтобы считать служеніе вашего высокопреосвященства излишнимъ для церкви“. И потомъ прервалась бесѣда, не поселивъ въ обоихъ митрополитахъ, желаніе сойтись ближе.

Между тѣмъ явилось обстоятельство, вызвавшее новыя разсужденія о переводѣ и Священнаго писанія, въ Синодскомъ засѣданіи. Поступилъ въ Синодъ по Высочайшему повелѣнію проектъ объ улучшеніи духовнаго управленія, составленный Мердеромъ воспитателемъ наслѣдника престола, Государь сочувствовалъ идеѣ: прекратить злоупотребленія вкравшіяся въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ Аракчеева. Прямо стать противъ проекта, значило навлечь неудовольствія и нареканія на Синодъ, гдѣ

первенствовали Серафимъ, непосредственный участникъ въ затѣяхъ Аракчеева. Ему труднѣе всѣхъ было выразить противодѣйствіе проекту и онъ очень былъ радъ предложенію Филарета, отозваться частно, съ тѣмъ, чтобы его личное мнѣніе доведено было до Высочайшаго свѣденія. Съ доводами московскаго владыки Его Величество согласился и дѣло кануло въ вѣчность, а былъ поднятъ вопросъ очень существенный: введеніе свѣтскихъ членовъ въ Синодъ, по образцу лютеранскихъ консисторій. Введеніе другаго элемента, въ среду духовную, полагалось въ качествѣ мотива всесторонняго обсужденія предлагаемыхъ мѣръ, которыя направлялись въ пользу цѣлаго общества, а не одной духовной его части. Неудобства могли при этомъ выказаться очень важныя и на нихъ-то больше всего налегали объясненія Филарета, въ его частномъ мнѣніи. Но, будучи правъ вполне въ этомъ вопросѣ, прямо затрагивающемъ духовные интересы и права Синода, владыка московскій простеръ далеко нетерпимость мнѣній, въ дѣлѣ, самомъ по себѣ чистомъ и не дававшемъ повода къ тѣмъ предположеніямъ, какія допускала его ревность, — если и принять былъ источникомъ дѣйствій, здѣсь одно это настроеніе, чисто духовно-каноническое. Мы хотимъ сказать объ огорченіяхъ нанесенныхъ ученому протоіерею Павскому, по поводу конспектовъ его преподаванія Наслѣднику Престола, напечатанныхъ подъ заглавіями: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“. Преосвященный Филаретъ, которому Андрей Николаевичъ Муравьевъ успѣлъ достать не издававшіяся для публики

экземпляры этихъ книжекъ, написаль на нихъ примѣчанія, отличающіяся такими же точно особенностями, какъ и разборъ „разсужденій Ансильона“ противъ Феофилакта рязанскаго. Безъ посторонней цѣли, сами по себѣ, книжки Павскаго, не могли внушить идеи тѣхъ толкованій и находенія мнимыхъ погрѣшностей, которыя набрасывали примѣчанія Филарета на курсъ Павскаго, хотя оговорившагося, что его „Христіанское ученіе“ составлено по утвержденной программѣ и составляетъ только планъ законоученія, а не катихизисъ самый. Прямая цѣль нападенія однако достигнута. Зависть лицъ, видѣвшихъ въ Павскомъ и расположеніе къ нему Императора Николая I для себя невыгоду, успѣла распространеніемъ пристрастныхъ примѣчаній на конспектъ, поселить подозрѣнія въ неправославіи ученія, преподаваемого наслѣднику цесаревичу. Опровергнувъ навѣты примѣчаній, Павскій, тѣмъ неменѣе понималь, что впечатлѣніе ими произведенное, не можетъ быть изглажено его объясненіями, въ виду высокаго авторитета критика и потому просилъ самъ увольненія отъ должности законоучителя Его Высочества, послѣ 8-ми лѣтнихъ занятій съ нимъ, въ 1835 году. Увольненіе это съ пенсіей, дѣлало возможнымъ впредь напасть на ученаго гебраиста съ большею настойчивостью, въ спеціальной средѣ его профессуры за прошлое время. Мы разумѣемъ процессъ о переводѣ съ еврейскаго Ветхаго Завѣта въ классахъ Санктпетербургской Духовной Академіи. Буря возбужденная противъ Павскаго, привлеченіемъ его къ отвѣтственности за чужую вину, возбужденіемъ мотивовъ обвине-

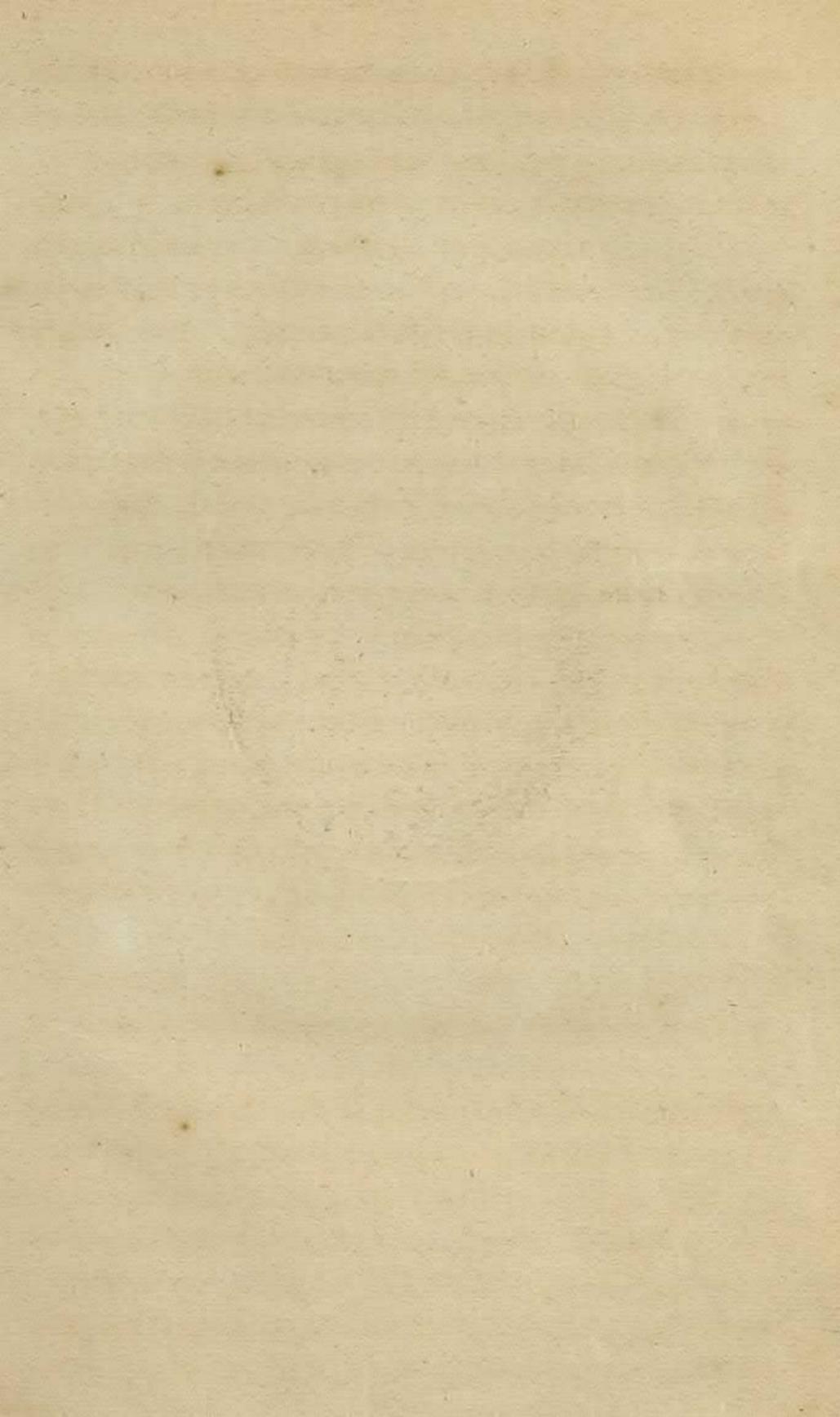
нія и стараніемъ создать изъ него преступленіе умышленное, бросаетъ на самага Митрополита Филарета московскаго нежелательный оттѣнокъ личной мстительности жертвѣ недоразумѣнія. И въ конечномъ результатѣ своемъ, процессъ этотъ, нанесъ дѣйствительную неприятность Филарету, послѣ того, лично не присутствовавшему въ Святѣйшемъ Синодѣ и не выѣзжавшему изъ Москвы. Кромѣ этаго исхода, процессъ противъ Павскаго и самъ по себѣ, выставяетъ въ характерѣ великаго іерарха черты общечеловѣческой слабости, хотя и выкупаемой высокими дѣянїями на пользу церкви, но все же свидѣтельствующей, что борьба со страстью, источники которой шли издалека, и для такого свѣтила было неподсильною.

По окончательному переселенію въ Москву преосвященнаго Филарета, учено-литературная дѣятельность его замѣняется почти исключительно проповѣдническою. Нѣтъ возможности привести здѣсь наименованіе всѣхъ произнесенныхъ словъ. Намъ остается только прибавить, что общей характеристикой его ораторскаго таланта служить ясность, сжатость и сила. Рѣчи его по истинѣ замѣчательны по логическому развитію мысли, по строгой сосредоточенности, никогда не допускавшей ни малѣйшаго отступленія. Онъ пользовался событіями, какъ источниками для аналогій и сравненій, обыкновенно поражающими своей вѣрностью.

Образъ жизни митрополита, до самой его смерти, былъ самый дѣятельный, самый простой. Сколько спалъ онъ, какъ рано вставалъ — о томъ не знали даже и его приближенные. Уходя спать и вставая,

келейникъ всегда заставлялъ преосвященнаго за работою. Въ урочные часы служились утрени, затѣмъ пился чай. Послѣ чая начиналось дѣловое утро, доклады письмоводителя, объясненія съ просителями и пр. Къ третьему часу — обѣдъ, по возможности легкій. Затѣмъ два часа *отдыха*, проводимыхъ за чтеніемъ журналовъ и газетъ. Послѣ отдыха опять занятія и такъ велось до поздняго вечера.

19-го ноября 1867 года этого неутомимато общественнаго дѣятеля и высоко чтимаго святителя не стало. Въ день своей кончины, митрополитъ Филаретъ совершалъ литургію въ своей домашней церкви и, по замѣчанію приближенныхъ, совершалъ ее особенно громко и бодро; нѣсколько часовъ спустя лежалъ уже въ своей комнатѣ почти безъ признаковъ жизни, и вскорѣ предалъ Господу великій духъ свой. По заключенію докторовъ, онъ скончался отъ апоплексіи. Тѣло его было перенесено въ Чудовъ монастырь, а потомъ торжественно погребено въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Керлуо Вупанувиты

II.

Генераль-фельдмаршалъ князь варшавскій,

ГРАФЪ ПВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ

ПАСКЕВИЧЪ-ЭРИВАНСКІЙ.

1782—1856.

Съ именемъ Паскевича связаны почти все блестящія кампаніи, веденныя во времена императоровъ Александра I и Николая. Онъ былъ въ числѣ первыхъ героевъ отечественной войны 1812 года, участвовалъ въ послѣдовавшемъ за нею походѣ противъ Наполеона за предѣлы Россіи, блестяще велъ въ Азіи войны съ Персіею и Турціею, усмиреніе мятежа Польши въ 1830—31 годахъ и Венгерскую кампанію 1849 года. Болѣе 30-ти лѣтъ стоялъ онъ во главѣ русскихъ армій и счастье не измѣнило ему. Только въ Восточной войнѣ, въ 1854 году, престарѣлый фельдмаршалъ дѣйствовалъ менѣе удачно, и то не влѣдствіе успѣховъ непріятеля, а главнымъ образомъ отъ опасенія враждебности Австріи. Отличительныя качества его, какъ полководца, были знаніе военнаго искусства, вѣрное и быстрое соображеніе

ніе обстоятельствъ, желѣзная воля и рѣшительность. Эти качества возвели его на вершину воинскихъ почестей.

Паскевичъ принадлежалъ малороссійской фамиліи: его предки были жалованы малороссійскими чинами еще во время первыхъ гетмановъ; дѣдъ его изъ бунчуковыхъ товарищей былъ переименованъ въ надворные совѣтники, а отецъ служилъ въ малороссійской коллегіи. Родился кн. Иванъ Ѳедоровичъ въ 1782 г. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ нажескій корпусъ, послѣдовательно пожалованъ камеръ и лейбъ-пажемъ, и въ 1800 году вышелъ изъ корпуса поручикомъ въ л.-гв. преображенскій полкъ, съ назначеніемъ флигель адъютантомъ къ императору Павлу. Боевое поприще свое Паскевичъ началъ въ 1805 г., въ войнѣ съ Наполеономъ, но въ битвахъ этого года не участвовалъ. Первое боевое отличіе его было въ турецкую войну 1806—12 годовъ. За участіе въ сраженіяхъ при Чатырь-Джоглу и подъ Измаиломъ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. и шпагу съ надписью „за храбость“. Паскевичъ оставался въ дѣйствующей арміи до 1811 г., служба подъ начальствомъ различныхъ военачальниковъ и постоянно выказывая храбрость, дарованія и дѣятельность. Какъ извѣстно, эта турецкая война не велась непрерывно: походъ 1806—7 годовъ заключился перемиріемъ, но въ 1809 военныя дѣйствія были снова возобновлены. Велѣдствіе этого Паскевичу пришлось заявить свои способности и на поприщѣ переговоровъ. Кн. Прозоровскій неоднократно посылалъ его къ великому визирю и наконецъ отправилъ, съ особенно

важнымъ порученіемъ, въ Константинополь. Турецкій конвой покинулъ Паскевича на дорогѣ, и онъ прибылъ въ мѣсто назначенія съ однимъ только проводникомъ. Здѣсь, въ качествѣ представителя Россіи, онъ сумѣлъ поддержать честь ея въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Порученіе это было настолько опасно, что по окончаніи его, Паскевичу угрожала даже смерть. Къ счастью, онъ успѣлъ уплыть по бурному Черному морю на лодкѣ съ двумя гребцами и добрался до Варны. Въ Варнѣ онъ перехитрилъ турокъ, желавшихъ его задержать, достигъ затѣмъ главной квартиры русской арміи, гдѣ его уже считали погибшимъ, и доставилъ главнокомандующему извѣстія, вслѣдствіе которыхъ военныя дѣйствія возобновились. При штурмѣ Базарджика, Паскевичъ предводительствовалъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ и первымъ ворвался въ городъ. Въ эту войну онъ получилъ цѣлый рядъ орденовъ, между прочимъ, георгіевскіе кресты 4-й и 3-й ст. За участіе же въ разбитіи сераскира подъ Батыномъ, 26-го августа 1810 г., награжденъ чиномъ генераль-маіора. Всѣ эти награды онъ получилъ имѣя лишь 28 лѣтъ отъ роду.

Въ 1811 г. Паскевичу поручено было формирова­ніе въ Кіевѣ орловскаго пѣхотнаго полка, со званіемъ шефа онаго. Затѣмъ онъ командовалъ послѣдовательно бригадою и дивизіею, и въ качествѣ дивизионнаго генерала, принялъ участіе въ отечественной войнѣ 1812 года. Отстаиваніе Смоленска, въ стѣнахъ города, было рѣшено по его совѣту; Паскевичъ долго выдерживалъ здѣсь кровавый, упорный бой. При Бородинѣ онъ защищалъ съ четырьмя полками, въ цен-

трѣ арміи, курганную батарею Раевского и отбивалъ жестокія атаки французовъ, не отступилъ даже тогда, когда батарея была взята, напротивъ, подкрѣпленный Ермоловымъ и Кутайсовымъ, вновь атаквалъ непріятеля. Вполнѣ довѣряя Паскевичу, Кутузовъ возлагалъ на него различныя важныя порученія. Такъ, ему поручено было защищать Дорогомиловскій мостъ — входъ въ Москву, затѣмъ Медынскую дорогу, на которую могли надвинуться всѣ силы Наполеона. Вообще въ отечественной войнѣ имя Паскевича стоитъ на ряду съ самыми славными и дорогими именами героевъ ея. Кутузовъ, представляя своихъ сотрудниковъ императору Александру въ Вильнѣ, указалъ на него, какъ на одного изъ лучшихъ генераловъ, а Паскевичу было тогда всего 30 лѣтъ.

За предѣлами Россіи Паскевичъ покрылъ себя новою боевою славою. Особенно замѣчательны были его дѣйствія при наступательномъ движеніи къ Лейпцигу и въ знаменитой битвѣ подъ этимъ городомъ. За нихъ онъ получилъ отъ короля Пруссіи — орденъ Орла 1-й ст., отъ императора Александра — чинъ генераль-лейтенанта. Кромѣ того онъ отличился въ сраженіяхъ при Арсисѣ, гдѣ сбиль каре маршала Нея, и на Бельвильскихъ высотахъ предъ Парижемъ.

По заключеніи мира, Паскевичъ командовалъ гренадерскою дивизіею, сопровождалъ, въ 1817 г, за границу Великаго Князя Михаила Павловича и командовалъ затѣмъ гвардейскими дивизіями. Въ 1824 г. онъ былъ пожалованъ генераль-адъютантомъ и назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Въ началѣ царствованія императора Николая I,

Паскевичу вновь пришлось участвовать въ битвахъ. Когда персидскія войска въ 1826 г. внезапно вторглись въ наши предѣлы и обложили крѣпость Шушу, императоръ повелѣлъ ему отправиться въ Грузію и дѣйствовать подѣ начальствомъ главнокомандующаго генерала Ермолова. Въ концѣ августа Паскевичъ былъ уже въ Тифлисѣ. Новые лавры вынесъ онъ изъ этой кампаніи, такъ какъ, соединившись съ генераломъ Мадатовымъ и имѣя не болѣе 7-ми тыс. войска при 22-хъ орудіяхъ, разбилъ на голову, 13-го сентября, въ 7-ми верстахъ отъ Елизаветполя, 35-ти тыс. армію персіянъ, подѣ начальствомъ наслѣдника персидскаго престола, Аббасъ-Мирзы. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Кавказа, съ правами главнокомандующаго. Въ персидскомъ походѣ этого года послѣдовали: пораженіе Аббасъ-Мирзы при Джаванъ-Булакѣ, паденіе крѣпостей Аббасъ-Аббада и Сърдаръ-Аббада и взятіе неприступной Эривани. Перейдя, по взятіи послѣдней, Араксъ, Паскевичъ занялъ Тавризь и наконецъ Ардебиль на пути къ столицѣ Персіи—Течераку, что взволновало всю страну, и Аббасъ-Мирза явился къ нему съ покорностью. 10-го февраля 1828 г. былъ подписанъ въ Туркманчаѣ знаменитый мирный договоръ, въ силу котораго, сверхъ уступленія Эривани и Нахичевани, Персія предоставила Россіи исключительное право плаванія по Каспійскому морю и заплатила 10 куруровъ (20 мил. руб. сер.) контрибуціи. За эту войну Паскевичъ получилъ Владиміра 1 ст., Георгія 2 ст., миллионъ руб. и титулъ графа Эриванскаго.

Персидскій шахъ прислалъ ему орденъ Льва и Солнца на брилліантовой цѣпи. Въ слѣдующемъ походѣ противъ Турціи Паскевичъ также блистательно заявилъ себя. При объявленіи войны въ 1828 г. у насъ на Кавказѣ, за обезпеченіемъ границъ, оставалось всего 12 тыс. войска. Противъ насъ было 60 тыс. турокъ, кромѣ курдовъ и лазовъ. Не смотря на такое превосходство въ силахъ, Паскевичъ двинулся на врага по непроходимымъ дорогамъ, при величайшихъ затрудненіяхъ въ продовольствіи, будучи притомъ самъ боленъ.

12-го іюня начался этотъ замѣчательный походъ, въ которомъ подъ смѣлыми ударами русскихъ пали, помимо малыхъ крѣпостей, Карсъ и Ахалцыхъ, взятію котораго предшествовало совершенное разбитіе арміи Кіосъ-Магомета-паши. 5-го октября Паскевичъ возвратился въ Тифлисъ, покоривъ въ столь короткое время 9 большихъ и малыхъ крѣпостей, взявъ 315 пушекъ, 200 знаменъ и бунчуковъ и 8 тыс. плѣнныхъ. За этотъ походъ онъ получилъ — лестный рескриптъ Государя, орденъ Андрея Первозваннаго и 2 пушки изъ числа взятыхъ въ Карсъ. Кромѣ того, храбрый Ширванскій полкъ названъ его именемъ.

Не менѣе замѣчательна была кампанія 1829 года. Порта приготовилась къ самому дѣятельному сопротивленію — смѣнила главнокомандующихъ, объявила поголовное вооруженіе и даже, въ надеждѣ на свои силы, приказала начать наступательныя дѣйствія зимою, не выжидая похода русскихъ, влѣдствіе чего турецкія войска осадили Ахалцыхъ. Но

Паскевичъ не дремалъ. Немедленно двинулъ онъ отрядъ къ Ахалцыху, который разогналъ турокъ и освободилъ крѣпость, а укротивъ внутреннія волненія Кавказа, 19-го мая, снова выступилъ въ походъ. На Саганлукскихъ горахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Карса, стоялъ Гакки-паша съ 20-ю тыс., въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него сераскиръ Гаджи-Салехъ съ 30-ю тыс., а Кіая-Сардаръ съ 15-ю тыс., въ Шушетскихъ горахъ, угрожая нападеніемъ на Ахалцыхъ. Паскевичъ первоначально направился къ этой послѣдней крѣпости. Отъ с. Котанлы онъ двинулъ къ Ахалцыху 7-ми тыс. отрядъ, который привлекъ на себя Кіаю, разбилъ его 2-го іюня при Чабарии, разсѣялъ турокъ и возвратился обратно. Тогда Паскевичъ устремился съ 18-ю тыс. на Гакки-пашу и сталъ тревожить его ложными нападеніями, но лишь только узналъ о приближеніи сераскира, двинулся ему на встрѣчу. Побѣда русскихъ была полная: армія сераскира бѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ 12-ть пушекъ, лагерь и всѣ запасы. Паскевичъ-же, не останавливаясь, обратился на Гакки-пашу разсѣялъ его войско и самого взялъ въ плѣнъ. Уничтоживъ три турецкія арміи, русскіе двинулись на Эрзерумъ, который сдался 27-го іюня, въ день полтавской побѣды. Успѣхи Паскевича въ этомъ походѣ были остановлены только извѣстіемъ о заключеніи адриано-польскаго мира. Трофеи кампаніи — Эрзерумъ, 4 крѣпости, 262 орудія, 65 знаменъ и 10 бунчуковъ. Награды Паскевичу — алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго, Георгій 1 ст., чинъ фельд-

маршала и особенныя воинскія почести по прїѣздѣ его въ Петербургъ.

1830 годъ также богатъ боевою дѣятельностію Паскевича: въ этомъ году онъ предпринялъ на Кавказѣ удачную экспедицію противъ шапуровъ и участвовалъ въ усмирении мятежа Польши. 13-го іюня Паскевичъ прибылъ въ Пултускъ и принялъ послѣ генераль-фельдмаршала гр. Дибича главное начальство надъ войсками. Армія наша страдала недостаткомъ продовольствія и была расположена отдѣльными отрядами отъ Замостья до Вильны. Главныя силы мятежниковъ, подъ начальствомъ Скжинецкаго находились у Варшавы, куда и двинулся фельдмаршалъ. Удачно переправившись чрезъ Вислу, армія его остановилась къ концу августа предъ укрѣпленіями столицы Польши, которыя были чрезвычайно сильны и состояли изъ городского вала, трехъ рядовъ баттарей, составлявшихъ 80 редутовъ и люнетовъ, и баррикадъ на улицахъ. Мятежники клялись умереть подъ развалинами города. Но 25-го августа были взяты штурмомъ укрѣпленія Воли, и варшава покорилась въ день Бородинской битвы. Какъ труденъ былъ этотъ штурмъ, показываетъ наша потеря въ 10 тыс. убитыми и ранеными; самъ Паскевичъ былъ контуженъ. Въ награду за эту компанію онъ получилъ титулъ князя Варшавскаго и былъ назначенъ затѣмъ намѣстникомъ Царства Польскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 18-ти лѣтъ, онъ былъ такимъ-же ревностнымъ слугою престола и отечества на гражданскомъ поприщѣ, какъ ранѣе на военномъ, пока венгерская

кампанія 1849 года не вызвала его вновь на бранное поле. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года императоръ обратился къ императору Николаю, съ просьбою о помощи. Мятежъ въ Венгріи достигъ тогда высшаго развитія. Венгры всюду одолѣвали, даже Вѣнѣ угрожала опасность. Для скораго и рѣшительнаго успѣха, составленъ былъ планъ кампаніи съ 200-ми тыс. войска. Главныя силы русской арміи вошли въ Венгрію двумя колоннами: правая подъ начальствомъ князя Варшавскаго перешла Карпаты отъ Дукль, лѣвая, подъ начальствомъ гр. Ридигера, отъ Неймарка, Въ Дуклахъ австрійское правительство обязалось заготовить сорокадневное продовольствіи зерновой фуражъ для всей почти арміи, но приготовило только на двое сутокъ: если бы не предусмотрительность генераль-фельдмаршала, обезпечившаго довольствіе войскъ средствами Россіи, то положеніе арміи могло бы быть критическимъ, такъ какъ страна была разорена. Вступивъ въ предѣлы Венгріи, войска двинулись внутрь страны. Непритель все отступалъ предъ ними, поражаемый въ различныхъ сраженіяхъ (напр. при с. Галацѣ, Гаркалѣ и др.), пока наконецъ предводитель венгерцевъ Гергейне сложилъ оружіе при Виллагосѣ, 13 августа 1849 г. За эту кампанію Паскевичъ получилъ австрійскіе ордена Стефана и Маріи Терезіи первыхъ степеней, Императоръ же Николай наградилъ его воинскими почестями, присвоенными только особѣ Государя и рескриптомъ, заключавшимся словами „Вашъ другъ“, 5-го октября 1850 г. исполнилось 50-тилѣтіе службы фельд-

маршала, при этомъ Государь лично вручилъ ему въ Варшавѣ фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами. На 72 году отъ рожденія Паскевичъ принялъ личное участіе и въ Восточной войнѣ 1853—56 годовъ. Дѣятельность его въ этой войнѣ ограничилась, впрочемъ, короткимъ временемъ въ апрѣлѣ и маѣ 1854 года, главнымъ образомъ при неудачной осадѣ крѣпости Силистріи. При этомъ онъ не выказалъ обычной своей рѣшительности и энергіи, чему причиной была излишняя въ то время боязнь Австріи и западныхъ державъ. Паскевичъ скончался въ Варшавѣ 20-го января 1856 г. По случаю его смерти, былъ наложенъ 9-ти дневный трауръ на войска. Погребенъ онъ въ своемъ помѣстьѣ, селѣ Ивановскомъ.

Князь Варшавскій былъ женатъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Грибоѣдовой, дочери помѣщика Смоленской губерніи. Онъ имѣлъ сына Θεодора и дочерей: Александру (замужемъ за Балашевымъ), Анну (за княземъ Волконскимъ) и Анастасію (за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ).

Harrell Meyer

III.

АДМИРАЛЪ МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

ЛАЗАРЕВЪ.

(1788 — 1851.)

Лазаревъ, устроитель знаменитаго черноморскаго флота, такъ безвременно погибшаго въ роковую севастопольскую кампанію, былъ изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ личностей своего времени. Изумительно трудолюбивый и одаренный блестящими способностями, онъ оказалъ родинѣ важныя услуги на поприщахъ боевомъ и военно-административномъ, своими же кругосвѣтными плаваніями послужилъ и наукѣ. Административныя способности онъ особенно выказалъ, управляя, въ теченіе 18-ти лѣтъ, черноморскимъ флотомъ, причемъ поставилъ его на ту высоту блеска и достоинства, на которой этотъ флотъ находился предъ войной 1853—56 годовъ. Научныя заслуги адмирала были признаны различными учеными учрежденіями, такъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, Казанскаго университета и др.

Михаилъ Петровичъ родился во Владимірской

губерніи 3-го ноября 1788 года, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, откуда вышелъ, въ 1803 году, гардемариномъ и былъ отправленъ въ Англію, для пріобрѣтенія познаній въ морскомъ дѣлѣ. До 1808 года онъ служилъ на различныхъ судахъ великобританскаго флота, почти постоянно находясь въ морѣ; заграницею же былъ произведенъ и въ чинъ мичмана. Въ годъ возвращенія Лазарева на родину происходила, какъ извѣстно, война со Швеціею и Англіею. Онъ принялъ въ ней участіе и служилъ подъ начальствомъ капитанъ-командора Быченскаго въ эскадрѣ адмирала Ханыкова. Въ эту войну было первое боевое отличіе Михаила Петровича: онъ вызвался, въ числѣ другихъ охотниковъ, идти на помощь кораблю „Всеволоду“, атакованному двумя англійскими кораблями при Балтійскомъ портѣ. Когда корабль нашъ, несмотря на упорную защиту, долженъ былъ сдаться, Лазаревъ попалъ въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, скоро былъ возвращенъ. Въ слѣдующихъ годахъ онъ участвовалъ въ крейсерствѣ по Финскому заливу, а въ 1812 году плавалъ на бригѣ „Фениксъ“, подъ командою лейтенанта Дохтурова, съ десантомъ къ Данцигу.

1-го сентября 1813 г. лейтенантъ Лазаревъ принялъ командованіе надъ судномъ „Суворовъ“, принадлежавшимъ Россійско-американской компаніи, и отправился на немъ въ Ситху. Путешествіе это продолжалось три года и дало ему случай выдвинуться и выказать свои способности. Одинъ изъ эпизодовъ плаванія отлично рисуетъ смѣлый и рѣшительный характеръ будущаго адмирала. Тогдашній началь-

никъ колоній компаніи былъ коллежскій совѣтникъ Барановъ—человѣкъ въ высшей степени самовластный. Выведенный изъ себя поступками Баранова, Михаилъ Петровичъ не задумался самовольно оставить Ситху, для чего въ одну ночь снарядилъ корабль, находившійся разгруженнымъ подъ выстрѣлами батареи. Трудное возвращеніе назадъ, безъ медика, прошло счастливо только благодаря твердости Лазарева и его познаніямъ въ морскомъ дѣлѣ. Россійско-американская компанія сначала протестовала противъ поступка его, но убѣдившись въ дѣйствительной крайности того положенія, въ которомъ находились командиръ и экипажъ „Суворова“ въ Ситхѣ, удалила Баранова.

Въ 1819—21 годахъ Лазаревъ принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи подъ начальствомъ Беллинсгаузена. Экспедиція состояла изъ двухъ судовъ, однимъ изъ нихъ шлюпомъ „Мирный“ командовалъ Михаилъ Петровичъ. Она извѣстна открытіями въ Южномъ полярномъ морѣ, гдѣ Беллинсгаузенъ дошелъ до 70°30' широты, далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, и открылъ много острововъ, давъ почти всѣмъ русскія названія (Петръ I, Александръ I и т. д.). За эту экспедицію Лазаревъ былъ награжденъ чиномъ капитана 2-го ранга, съ ежегоднымъ прибавленіемъ, въ продолженіе всей службы, къ получаемому жалованью, еще таковаго же по чину, въ которомъ возвратился, т. е. лейтенанта.

Въ 1822 году онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата „Крейсеръ“ и отправился на немъ въ третіе (считая и плаваніе въ Ситху) кругосвѣтное путеше-

ствіе. Щегольское состояніе фрегата снова обратило вниманіе на страстно-любившаго морское дѣло командира. По возвращеніи ему были пожалованы орденъ св. Владиміра 3-й ст. и чинъ капитана 1-го ранга, съ ежегоднымъ прибавленіемъ жалованья капитана 2-го ранга.

Въ 1826 году Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ 12-го флотскаго экипажа и извѣтнаго впослѣдствіи корабля „Азовъ“, тогда еще строившагося. Въ 1827 г. онъ служилъ сначала въ эскадрѣ адмирала Сенявина, а затѣмъ, продолжая командовать „Азовомъ“, былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльной эскадры подъ флагомъ вице-адмирала гр. Гейдена, находясь въ которой, принялъ участіе въ знаменитомъ сраженіи при Наваринѣ, гдѣ, какъ извѣстно, 8-го октября 1827 г. была одержана блестящая побѣда соединеннымъ англо-французо-русскихъ флотомъ надъ египетско-турецкимъ. По свидѣтельству гр. Гейдена, Лазареву принадлежитъ первый лавръ этого боя. Въ награду за него Михаилъ Петровичъ получилъ чинъ контръ-адмирала, со старшинствомъ со дня побѣды, англійскій орденъ Бани, французскій — св. Людовика и отъ греческаго короля впослѣдствіи орденъ Спасителя.

Въ 1828—29 годахъ Лазаревъ плавалъ по Средиземному морю и блокировалъ Дарданеллы; въ 1832 году командовалъ 1-ю бригадою 2-й флотской дивизіей и былъ назначенъ начальникомъ штаба черноморскаго флота. Далѣе, въ томъ же году предводительствовалъ эскадрой, посланной на помощь союзной намъ Турціи, произведенъ въ вице-адми-

ралы, а по возвращеніи изъ Константинополя, получилъ званіе генераль-адъютанта. Султанъ пожаловалъ ему осыпанную алмазами медаль въ петлицу и свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Вся дальнѣйшая дѣятельность Михаила Петровича, до самой-его смерти, была посвящена Черноморскому флоту, такъ какъ вскорѣ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность главнаго командира означеннаго флота, а 31-го декабря 1834 года утверждень въ этой должности. Въ 18-ти лѣтнее управленіе свое на Черномъ морѣ, онъ не только ввелъ многоразличныя преобразованія въ судахъ, кораблестроеніи и проч., но и успѣлъ передать служащимъ подъ его начальствомъ тотъ духъ рвенія и любви къ дѣлу, которымъ исполненъ былъ самъ. Одно краткое перечисленіе того, что сдѣлалъ Лазаревъ для знаменитого флота, можетъ показать, какъ велики были заслуги незабвеннаго дѣятеля. Улучшивъ кораблестроеніе, онъ укомплектовалъ число линейныхъ судовъ; усовершенствовалъ артиллерію, введеніемъ многихъ приспособленій и употребленіемъ на всемъ флотѣ орудій новаго литья; устроилъ адмиралтейство въ Николаевѣ, со всеми современными улучшеніями, затѣмъ адмиралтейство въ Новороссійскѣ, а для вновь строившагося въ Севастополѣ выбралъ мѣстность и далъ планы. (Послѣ смерти его, послѣднее названо было Лазаревскимъ). Гидрографическое депо, почти не существовавшее въ 1833 году, было приведено имъ въ полный порядокъ. Въ 1844 году при немъ построено было зданіе бібліотеки для морскихъ офицеровъ, вскорѣ сгорѣв-

шее, но возобновленное вновь въ 1849 году. Имъ же наконецъ устроены и доки, оконченныя въ 1850 г. Самый городъ Севастополь преобразился при Лазаревѣ и былъ украшенъ многими новыми постройками, таковы церковь Петра и Павла, домъ собранія, училище для дѣвицъ и проч.

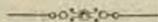
Почти вся должность Михаила Петровича въ Севастополѣ происходила въ мирное для флота время, только въ 1838, 39 и 40 годахъ онъ лично предводительствовалъ эскадрою, доставлявшего десантныя войска на Кавказъ. Своею распорядительностью при высадкахъ, онъ способствовалъ занятію пунктовъ при рѣчкахъ Туапсе, Псезуапсѣ Субаши и др. Укрѣпленіе на рѣчкѣ Псезуапсѣ и названо вслѣдствіе этого въ честь его фортомъ Лазарева.

Такая плодотворная дѣятельность Михаила Петровича поощрялась многочисленными наградами императора. Въ 1834 г. онъ получилъ Владиміра 2 ст., дважды затѣмъ повышена на 1000 р. ранѣ назначенная аренда, въ 1842 г. ему пожалованы брилліантовые знаки Александра Невскаго и повелѣно носить мундиръ 12-го флотскаго экипажа, въ которомъ былъ при Наваринѣ въ 1843 г. — чинъ адмирала, въ 1845 г. при посѣщеніи Государемъ Севастополя и Николаева — орденъ Владиміра 1 ст., а въ 1850 году — Андрея Первозваннаго.

Къ несчастію, безъ устали занимаясь дѣлами, адмиралъ слишкомъ мало дорожилъ своею драгоценною жизнію. Уже въ 1843 г. показались первыя приступы болѣзни, которая въ 1850 г. чрезвычайно

усилилась. Въ Январѣ 1851 г. онъ переселился, по совѣту врачей, въ Одессу, но — замѣчательная сила духа — не смотря на то, что 4 уже мѣсяца не принималъ почти никакой пищи, не оставлялъ своихъ занятій. Наконецъ 15-го февраля 1851 г. императоръ въ милостивомъ письмѣ къ Лазареву просилъ его отдохнуть и поручалъ сдать управление флота и портовъ гр. Борху.

Велѣдъ затѣмъ адмиралъ отправился въ Вѣну совѣтываться о болѣзни со знаменитыми мѣстными докторами. Но было уже поздно: 11-го Апрѣля труженика не стало — онъ умеръ отъ образовавшагося въ желудкѣ рака. Прахъ Михаила Петровича преданъ землѣ въ Севастополѣ.

IV.

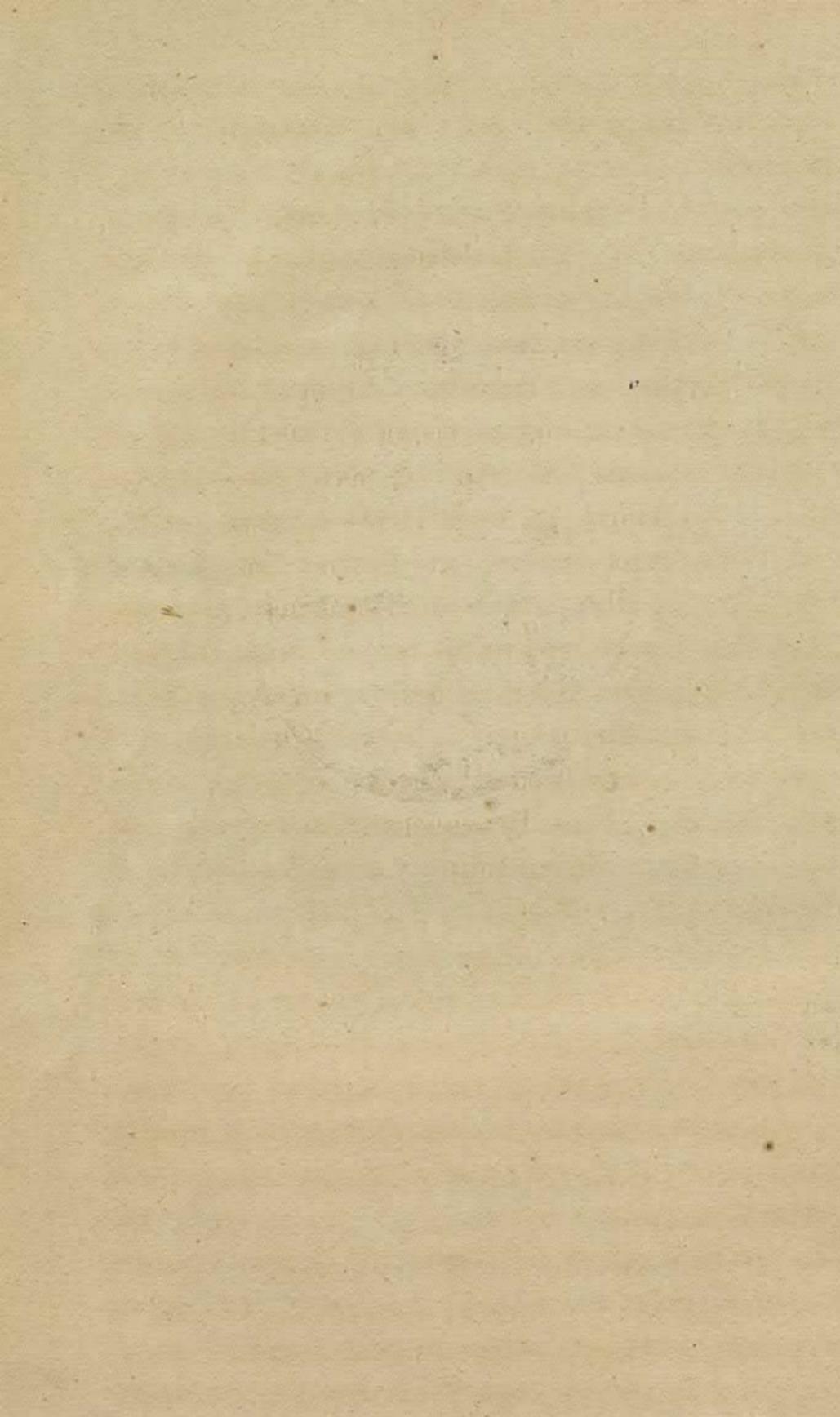
КНЯЗЬ МИХАИЛЬ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ.

(1782—1856.)

Намѣстникъ кавказскій при Николаѣ I, герой отечественной войны, равно искусный полководецъ и администраторъ, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ родился въ ночь съ 18-го на 19-е мая 1782 года, отъ брака генерала отъ-инфантеріи графа Семена Романовича и графини Екатерины Алексѣевны, урожденной Синявиной. Мать, родивъ дочь Екатерину, въ слѣдующемъ году и умерла, осиротивъ супруга и дѣтей (1783 г.). Вступленіе въ міръ сына, графъ Семень Романовичъ встрѣтилъ словами: „рожденіе твое всѣхъ порадовало; веди жизнь такую, чтобы всѣ сокрушались о твоей смерти“, — и слова эти достойный сынъ выполнилъ буквально. Какъ сына вельможи, по обычаю того времени, графа Михаила Семеновича записали въ службу и произвели въ прапорщики еще 4-хъ лѣтъ отъ роду, а 16-ти лѣтъ, Павелъ I пожаловалъ юношу дѣйствительнымъ камергеромъ, но, не желая пользо-

Wm. Napier

ваться незаслуженными отличіями, будущій намѣстникъ Кавказа просилъ какъ милости начать службу съ нижнихъ чиновъ и въ царствованіе Александра I началъ (20-го октября 1801 года) вступленіемъ на дѣйствительную службу поручикомъ въ Преображенскій полкъ, оставаясь по двору камергеромъ, званіе котораго давало генераль-маіорскій чинъ. Желая служить внѣ всякихъ благопріятныхъ вліяній, и неотбывать только время службы, а дѣйствовать съ пользою, по мѣрѣ своихъ способностей, М. С. Воронцовъ 21 года (1803 г.) перепросился въ дѣйствующія войска, въ Грузію, волонтеромъ при корпусѣ. При этомъ отецъ писалъ къ князю П. Д. Циціанову, что имѣя одного сына, онъ желаетъ, чтобы онъ „былъ полезенъ отечеству и для того усовершенствовался“ во всемъ, относящемся къ службѣ. Согласно такому заявленію, князь Циціановъ взялъ съ собою Воронцова въ экспедицію противъ владѣтеля Ганжи (нынѣ у насъ Елизаветполь). На приступѣ, при взятіи съ боя стѣнокъ садовыхъ, за которыми сидѣли защитники (2-го декабря 1803 года). М. С. Воронцовъ командуя ротой, вынесъ изъ боя ранега героя Котляревскаго, а въ 1804 г., находясь въ отрядѣ Гулякова, показалъ храбрость при разбитіи лезгинъ въ Бѣлокалахъ (1-го января), также какъ и 15-го января въ Закаталахъ, гдѣ убить Гуляковъ. Вступая послѣ ганжинскаго похода въ сношенія съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, Циціановъ возложилъ на М. С. Воронцова порученіе вести переговоры о подданствѣ, — очень щекотливое и требовавшее большой проницатель-

ности. Соломонъ собственно хотѣлъ провести мнимымъ подчиненіемъ своимъ Россіи и дѣйствія Воронцова настаивавшаго на подписаніи условій, по которымъ приходилось выполнять обязательство, раскрыли глаза Циціанова, который заставилъ царя, неувертываясь согласиться на предложенія вполнѣ (25-го апрѣля 1804 года). Паденіе Ганжи и подчиненіе Имеретіи вызвали борьбу съ персіянами у Эривани, но бои 19-го іюня и 15-го іюля 1804 г. кончились неудачею Аббаса Мирзы, всеюду. Представляя объ отличившихся въ этихъ славныхъ бояхъ, гдѣ на одного русскаго приходилось по шести и семи непріятелей, Циціановъ писалъ государю о Воронцовѣ, что „дѣятельностью и попечительностью своею замѣняя дряхлость (его), служить большою (ему) помощію и достоенъ быть сравненъ съ его сверстниками“. Это представленіе вызвало пожалованіе Воронцова въ капитаны и награжденіе орденомъ Георгія 4 кл. (24-го августа 1804 года). Въ декабрѣ того же года Воронцовъ совершилъ походъ въ горныя ущелья для наказанія вредившихъ намъ горцевъ, а въ январѣ 1805 года бился въ горахъ противъ возставшихъ осетинъ. Весною 1805 года Воронцова потребовали въ Петербургъ и назначили бригадъ-маіоромъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго, перевезенный въ шведскую Померанію моремъ, и проведенный черезъ Макленбургъ въ Ганноверъ, гдѣ блокирована имъ крѣпость Гамельнъ. Вступивъ непосредственно въ войну съ Наполеономъ, Александръ I осенью собралъ главныя силы наши у Гродно и оттуда въ

октябрѣ двинулъ ихъ на соединеніе съ единственнымъ оставшимся у прусскаго короля корпусомъ Лестока, на Вислѣ, куда шли 150,000 французовъ, по тремъ направленіямъ. Встрѣчать враговъ предстояло корпусу Бенигсена, при которомъ находился М. С. Воронцовъ, въ составѣ отряда О. Толстаго. Воронцовъ отличился въ бою при Пултускѣ и произведенъ въ полковники. Въ этомъ чинѣ, въ 1807 году М. С. Воронцовъ командовалъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка при Гутштадтѣ (24-го — 25-го мая), на рѣкѣ Пассаргѣ, да при Гейльсбергѣ (29-го мая) и Фридландѣ (2-го іюня). Пораженіе наше было причиною Тильзитскаго мира и свиданія Александра I съ Наполеономъ, при которомъ Преображенскимъ батальономъ, начальствовалъ Воронцовъ. Въ 1809 году назначенный командиромъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, Воронцовъ поступилъ въ армію князя Багратіона, дѣйствовавшую противъ турокъ и въ 1810 г. 22-го мая за штурмъ Базарджика произведенъ въ генераль-маіоры и затѣмъ, 23-го іюля выдержалъ отчаянныя нападенія турокъ на нашъ отрядъ, подъ Шумлою, а 26-го августа участвовалъ въ разбитіи визиря при Батинѣ, удостоившись полученія высочайшаго рескрипта и Владиміра 3-й степени, за овладѣніе крѣпостью Систово. Въ октябрѣ же 1810 года отрядъ Воронцова (3,000 пѣхоты и 1,000 конницы) направился изъ Журжево и прошелъ черезъ Плевно, Ловчу и Сельви, уничтоживъ тамъ находившіяся укрѣпленія и взявъ 9 пушекъ у турокъ. За этотъ подвигъ награж-

день М. С. Воронцовъ орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Въ 1811 году, при начальствованіи Кутузова, Воронцову пришлось участвовать въ кровопролитнѣйшемъ бою 22-го іюня, при Руцукѣ, гдѣ визирь вздумалъ взять у насъ эту крѣпость и окружить со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ отступленіе и приперевъ къ Дунаю. Выдержавъ всѣ отчаянныя атаки турокъ, Кутузовъ самъ повелъ противъ нихъ свои силы и прогналъ ихъ въ окопы Кафикиой. Воронцовъ выказавшій въ этомъ дѣлѣ распорядительность, а не одну блистательную храбрость, получилъ шпагу осыпанную брильянтами при рескриптѣ, выясняющемъ самый подвигъ, вызвавшій награжденіе. “ Вы командовали, гласить рескриптъ, двумя кареями съ особеннымъ искусствомъ и, черезъ благоразумныя распоряженія свои, принудили непріятели ретироваться съ потерей. “ Разбитіе при Руцукѣ визиря сопровождалось движеніемъ Кутузова за Дунай по взорваніи и сожженіи крѣпости. Наши расположились у Журжи и, чтобы помѣшать переправѣ визиря, Кутузовъ послалъ Воронцова на устьѣ р. Жію, противъ Оршovy, чтобы тамъ построить батарею и обстрѣливать съ нее Дунай. Турки переправились между тѣмъ у Виддина и противъ нихъ, отъ Краіовы двинулся Зассъ, принужденный выдерживать упорный бой съ превосходными силами непріятели. На помощь бѣдствовавшему Зассу, прибыли съ неимовѣрною быстротою графы Воронцовъ и Оруркъ, но и за подкрѣпленіемъ ихъ, отрядъ Засса оказывался въ четверо слабѣе турокъ. Отъ нападений ихъ наши укрѣпились редутами, тамъ,

гдѣ свободный былъ доступъ между болотами. При Калафатѣ, считая наше укрѣпленіе слабѣйшимъ, турки сами напали на него, съ значительными силами (7-го сентября). Въ дѣлѣ этомъ Воронцовъ командуя правымъ крыломъ Засса, выдерживалъ цѣлый день стремительнѣйшія, учащенные атаки турокъ, несколько неподавшись назадъ. Награждая этотъ подвигъ орденомъ Владиміра 2-й степени, Государь въ рескриптѣ выразилъ благодарность герою. Въ послѣднемъ говорится „командуя 2-мя пѣхотными и казачьимъ полками, отразили сильное стремленіе на васъ превосходныхъ силъ непріятеля, преодолая всякое препятствіе и упорство войскъ непріятельскихъ, обратили оныя въ бѣгство, съ нанесеніемъ жестокаго пораженія и, вообще во всѣхъ случаяхъ ознаменовали себя истиннымъ присутствіемъ духа и знаніемъ военнаго искусства“. Отбивъ атаки турокъ, наши отрядные вожди успѣли постройкою редутовъ и между ними устройствомъ волчьихъ ямъ, запереть турокъ въ ихъ собственномъ лагерѣ. Напрасно бился Измаиль-бей 17-го и 30-го сентября, желая пробиться изъ устроенной ему западни, отбитый всюду, онъ потерялъ энергію, а Кутузовъ велѣлъ Воронцову 7-го октября перейти Дунай у Груи и въ составѣ 6-ти батальоновъ и 17-ти эскадроновъ, при 19-ти орудіяхъ, ударить туркамъ въ тылъ. Октября 8-го, Воронцовъ выполнилъ превосходно порученіе: при деревнѣ Куримбекъ, разбилъ на голову 3,000 турокъ вышедшихъ изъ Виддина и награжденъ за это Георгіемъ 3-го класса. Разбитіе визиря передъ тѣмъ (2-го октября), заставило Измаила-бея вступить съ Зассомъ

въ переговоры, прося, дозволить ему переправиться черезъ Дунай, подъ условіемъ невоевать больше съ ними, но Кутузовъ не соглашаясь на это, еще разъ поручилъ Воронцову, переправясь черезъ Дунай, дѣйствовать на турокъ отъ Ломъ-Паланки. Въ результатъ получилое полное распущеніе войска Измаиломъ, но Воронцову пришлось пробыть за Дунаемъ до 2-го декабря. Переправясь черезъ Дунай и поставя войска на зимнія квартиры. М. С. Воронцовъ отозванъ съ Дуная и къ веснѣ (въ Мартѣ) 1812 г. уже прибылъ во 2-ю армію, собранную для встрѣчи Наполеона, на Волыни, подъ начальствомъ князя Багратіона. Воронцовъ получилъ въ команду сводную Гренадерскую дивизию, въ корпусѣ Бороздина.

При нашествіи Наполеона, вторая армія успѣла соединиться съ первою подъ стѣнами Смоленска, и здѣсь (4-го августа) Воронцовъ со своею дивизіею, участвовалъ въ отбитіи нашими всѣхъ нападеній французовъ, наконецъ увидѣвшихъ невозможность овладѣть Смоленскимъ. Но и мы были не въ состояніи удержать напоръ непріятели, потому Багратіонъ отступилъ къ Дорогобужу, оставивъ въ 4-хъ верстахъ отъ города аріергардъ, подъ начальствомъ князя Горчакова, въ которомъ находился М. С. Воронцовъ. 7-го августа аріергардъ 2-ой арміи во весь день удерживалъ наступленіе враговъ и отступилъ получивъ приказаніе, къ деревни Соловьевой. При Бородинѣ (24-го августа) въ войскахъ Горчакова защищавшихъ Шевардинскій редутъ была дивизія Воронцова и мужественно выполнила долгъ свой, отбивъ всѣ нападенія

французовъ. Редутъ этотъ мы оставили сами 25-го августа и Кутузовъ своднымъ гренадерскимъ батальономъ Воронцова приказалъ на 26-го августа занять Семеновское укрѣпленіе и самъ Воронцовъ укрѣпившій здѣсь свою дивизію, выразился: „что хотя сопротивленіе мое не было продолжительно, но оно прекратилосьъ лишь существованіемъ дивизіи“. Графъ М. С. Воронцовъ былъ раненъ тутъ въ лѣвую ляжку и былъ вынесенъ изъ боя и привезенъ въ домъ свой, въ Москву, въ Нѣмецкой слободѣ. Найдя въ домѣ достаточное число подводъ, высланныхъ изъ деревни его — села Андреевскаго, Владимірской губерніи графъ приказалъ на подводы наполнить какъ можно больше нашихъ раненыхъ и везти къ себѣ. Въ Андреевскомъ, самъ лечась, М. С. Воронцовъ вылечилъ и героевъ Бородинскихъ (до 50-ти раненыхъ генераловъ и офицеровъ и до 300 рядовыхъ). При офицерахъ находилось до 100 деньщиковъ и до 300 лошадей, и все они содержались на графскій счетъ. Лечилъ искусный операторъ Гилтебрандтъ и по выздоровленіи каждый рядовой получилъ кромѣ теплой одеждой по 10 рублей отъ щедротъ графа, отправляясь на службу. Отъ раны при Бородинѣ, Воронцовъ получилъ возможность ходить только къ концу года и явился въ главную квартиру уже въ Вильнѣ. Здѣсь получилъ онъ въ командованіе опять сводную гренадерскую дивизію, въ арміи Чичагова, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Воронцову ввѣренъ былъ отдѣльный летучій отрядъ, составлявшій авангардъ 3-ей арміи. Съ нимъ выступилъ онъ за границу и имѣлъ дѣло съ

французами у Брамбера, занявъ этотъ городъ 7 янв. 1813 г. Оттуда, Чичаговъ послалъ его къ Познани, гдѣ была главная квартира Принца Евгенія де-Богарне. На пути туда 29 января 1813 г. Воронцовъ разбилъ отрядъ польскихъ войскъ у м. Рагазень, (послѣдующій день занявъ Познань 30 января) за что произведенъ въ генераль-лейтенанты. Затѣмъ отрядъ Воронцова обходилъ Магдебургъ, наблюдая за охраненіемъ береговъ Эльбы, отъ Гавельберга до Рослау. Соединясь съ Чернышевымъ, Воронцовъ подошелъ къ Лейпцигу, и взяли бы его вдвоемъ, если бы французы не прислали (26-го мая) увѣдомленія о заключеніи перемирія. Затѣмъ Воронцову ввѣренъ отрядъ изъ 13 батальоновъ, въ числѣ 6179 человекъ принадлежавшій къ корпусу Винценгероде и находившійся въ составѣ Сѣверной арміи, ввѣренной въ команду Бернадота, бывшаго шведскимъ наслѣднымъ принцемъ и потомъ королемъ (Карль Іоаннъ). Графъ Воронцовъ, командуя авангардомъ, имѣлъ въ августѣ 1813 г. дѣло при Ютерболѣ и Шмалькендорфѣ. Отбитіе Нея за Эльбу, вызвало со стороны Наполеона сосредоточеніе силъ у Лейпцига. Воронцову принадлежитъ честь подвиговъ 6 октября. Онъ поддержалъ приступъ Бюлова къ Гримскому (восточному) предмѣстію, и выгналъ оттуда французовъ, потерявшихъ 40 орудій. Черезъ германскія ворота, около полудня и вступили въ Лейпцигъ Императоръ Александръ съ Прусскимъ Королемъ. Воронцовъ получилъ орденъ Александра Невскаго.

Послѣ лейпцигской побѣды, состоя въ арміи Бер-

надота, Воронцовъ занялъ Кассель, а часть отряда его, легкія войска, преслѣдуя Вестфальскаго короля, первые дошли до Рейна. Самъ Воронцовъ, находясь вмѣстѣ съ Бернадотомъ, пройдя черезъ Ганноверъ, оставленъ у Гамбурга, со Строгоновыми удерживая покушенія Даву пробиться. Отвлеченныя въ эту сторону, дивизіи графовъ Орлова и Воронцова вступили во Францію только въ февралѣ 1814 г. Воронцовъ въ отрядѣ Винцегеродѣ былъ при сдачѣ Суассона и лично ввелъ войска въ городскія ворота (19-го февраля). Затѣмъ ему принадлежитъ честь удержанія Наполеона при Краотѣ (22-го и 24-го февраля) гдѣ наши были въ четверо слабѣе. Много легло здѣсь храбрыхъ, но съ прибытіемъ подкрѣпленій силами князя Васильчикова, явилась возможность отойти съ честью, неоставивъ ничего въ жертву неприятелю. Французы потеряли 8,000 челов., мы — 6,000 и это отступленіе покрыло славою графа Воронцова, получившаго Георгія 2 ст. Здѣсь, если бы Влюхеръ не бездѣйствовалъ, Наполеонъ могъ быть совѣмъ и безвозвратно разбитымъ, благодаря стойкости войскъ нашихъ и умнымъ распоряженіямъ Воронцова, успѣху котораго мѣшало несоразмѣрное превосходство силъ неприятеля. Не полная удача здѣсь, была причиною побѣды черезъ день (26-го февраля) при Лаонѣ. За этимъ пораженіемъ послѣдоваль подходъ союзниковъ къ Парижу (17-го марта). Марта 18-го Воронцовъ, стоявшій въ резервѣ у Оберъ-Вилье, послалъ 5 полковъ взявшихъ Ла-Вильетъ и преслѣдовали французовъ до воротъ Парижа, гдѣ вѣлѣно имъ было остановиться. Вечеромъ составлена

была капитуляція о сдачѣ столицы Франціи, и 19-го марта союзники вступили въ нее. Мая 18-го подписанъ миръ и 22-го пошла обратно армія, въ авангардѣ который, въ корпусѣ Ермолова, былъ Воронцовъ, командуя 12-ой дивизіей. Войска наши были уже въ Царствѣ Польскомъ, когда получена вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы (1815). Пришлось вторично идти къ Парижу и вступить въ окрестности его, откуда къ осени опять потянулись домой. Однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ на этотъ разъ условій мира для Франціи, было содержаніе въ теченіе 5-ти лѣтъ гарнизоновъ союзниковъ. Въ 18-ти крѣпостяхъ гарнизонные войска во Франціи отданы въ команду герцогу Веллингтону и въ армію его вошелъ отдѣльный русскій корпусъ, ввѣренный въ команду Воронцова.

Въ бытность во Франціи, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, 20 апрѣля 1819 г. вступилъ въ бракъ съ графинею Елизаветою Ксаверьевною Браницкой, дочерью оберъ-гофмейстерши, графини Александры Васильевны, племянницы Потемкина, урожденной Энгельгардтъ. Проводя до границъ Россіи корпусъ свой послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія во Франціи, — гдѣ память о Воронцовѣ, во всѣхъ имѣвшихъ до него дѣло, сохраняетъ самыя горячія чувства признательности, — графъ Михаилъ Семеновичъ ѣздилъ въ Лондонъ видѣться съ отцемъ и, затѣмъ, назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса (19 февраля 1820 г.). Черезъ три года онъ посвящаетъ свою административную опытность водворенію порядка и благоденствія въ южномъ краѣ,

присоединенномъ къ Россіи трудами дѣда жены его — князя Потемкина. Мая 7-го 1823 г. графъ М. С. Воронцовъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. Двадцать два года дѣятельности здѣсь служатъ, такъ сказать, мирнымъ подготовленіемъ къ кавказскому намѣстничеству, увѣнчавшему его подвиги. Блистательна была его 20-ти лѣтняя боевая карьера, но мирное служеніе въ Одессѣ — при немъ поднявшейся по выбору, по праву выгоднаго положенія на берегу Чернаго моря, принадлежавшую этому городу, — государственная заслуга, оцѣниваемая только по результатамъ процвѣтанія края. Пустынею почти имѣлъ Воронцевъ сѣверное наше Черноморское побережье, а оставилъ областью населенною богатою и имѣющею всѣ средства для дальнѣйшаго развитія, ни чѣмъ не задерживаемаго. По нѣсколько разъ въ годъ объѣзжалъ обширную сторону, ввѣренную его попеченіямъ и каждый пріѣздъ былъ ознаменованъ улучшеніями. Видя по мѣстному положенію возможность высокаго развитія въ Крыму винодѣлія, гр. М. С. выписалъ изъ Франціи, Испаніи и съ береговъ Рейна виноградныя лозы, пригласилъ искусныхъ винодѣловъ и садовниковъ и принялся за дѣло въ широкихъ размѣрахъ, въ своихъ имѣніяхъ заведя опытное винодѣліе. Мы уже пьемъ вина Воронцовскія и не можемъ не сказать, что безъ благотворной заботливости намѣстника-помѣщика, едва ли бы винодѣліе у татаръ привело къ чему-либо подобному настоящему положенію. Очаровательный южный берегъ Крыма,

составляющій самый восхитительный уголокъ въ южной Россіи, до Воронцова не имѣлъ дорогъ; предстояло въ 1825 году еще Императору совершать верхомъ переѣзды. А теперь удобныя пути сообщенія, относятся къ преданіямъ, чуть несказочнымъ прошлое бездорожье.

Тонкорунное овцеводство тоже развитіемъ своимъ обязано почину Воронцова, заслуги котораго уже оцѣнили и Александръ I, передъ кончиною произведя достойнаго сановника въ полные генералы (29-го марта 1825 г.). Воронцовъ изъ устъ Благословеннаго слышалъ лестные отзывы о своемъ управленіи, и только разставшись съ Государемъ получилъ извѣстіе о его болѣзни, а затѣмъ, воротясь въ Одессу, опечаленъ вѣстью о кончинѣ Монарха. Преемникъ Его, въ первые же мѣсяцы своего правленія, выказалъ уваженіе къ административнымъ трудамъ Воронцова, мая 24-го 1826 г. назначивъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Николаю I велѣдъ за коронаціею оказалась надобность готовиться къ войнѣ съ турками. Но, прежде чѣмъ вступить въ борьбу, Государь хотѣлъ испытать надъ турецкимъ правительствомъ силу дипломатическихъ сношеній.

Рибопьеръ и графъ М. С. Воронцовъ, открыли съ турецкими уполномоченными переговоры въ Аккерманѣ и заключили конвенцію, дополняющую условія бухарестскаго трактата, не давая нарушать его постановленія.

За заключеніе конвенціи Воронцовъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго. Заботясь о мирномъ преуспѣянніи страны, графъ Во-

ронцовъ, проводя дороги по сухому пути, завелъ въ 1828 году срочное пароходство по Черному морю, между Одессою и Крымомъ, употребивъ для того коммерческой пароходъ „Одесса“. Изъ этаго развились, съ теченіемъ времени, срочныя отправленія вдоль всего сѣвернаго черноморскаго берега, по Азовскому морю, и непрерывныя сообщенія съ Константинополемъ. На Воронцова возложена была доставка моремъ провіанта войскамъ нашимъ, дѣйствовавшимъ въ 1828 и 29 гг. въ Турціи, а когда контузія въ обѣ ноги, лишила князя Меншикова возможности продолжать осаду Варны, Государь поручилъ тоже графу Воронцову принять команду надъ корпусомъ нашимъ при Варнѣ. 16-го августа 1828 г. Воронцовъ отплылъ изъ Одессы къ Варнѣ, а 27-го августа прибылъ Государь.

Мѣры принятыя Воронцовымъ, не смотря на отчаянныя попытки турокъ вредить осаждающимъ, привели къ взрыву (2-го сентября) части контръ-эскорта приморскаго бастиона крѣпости. Отбивъ наши два штурма, турки 29-го сентября сдали Варну, не могли долѣе обороняться.

Государь наградилъ графа М. С. Воронцова 2-ою шпагою съ алмазами и съ подписью „За взятіе Варны“, и утвердилъ вполне представленіе о наградахъ подчиненнымъ. При этомъ Воронцовъ сказалъ: „что награду подчиненныхъ“ онъ цѣнить выше всего на свѣтѣ, — ни съ чѣмъ не можетъ сравниться блаженство, ощущаемое предоставленіемъ радости другимъ. Находясь въ присутствіи Государя, Воронцовъ повергалъ лично Высочайшему благоусмотрѣнію раз-

личные свои предположенія о благоустройствѣ края и сопровождалъ Государя на корабль „Императрица Марія“ отъ Варны до Одессы. Во время 1½ суточного плаванія, путникамъ пришлось выдержать самую страшную бурю, такъ что корабль пришелъ въ Одессу съ поврежденными почти всеми снастями.

Въ 1829 г. Воронцовъ, снабжая армию провіантомъ, не покидалъ Одессы, въ 1830 году испытавшей бѣдствіе отъ чумы. Дѣятельными мѣрами Воронцова, эпидемія была ослаблена, но дѣло не обошлось безъ сильныхъ потерь и народныхъ волненій. Въ Севастополѣ вспыхнулъ бунтъ и возмущившіеся убили военного губернатора Столыпина. Пришлось Воронцову, уже получившему отпускъ для отбытія за границу — лечить дочь — спѣшить на мѣсто возмущенія и прекратить волненіе, вести слѣдствіе и судъ.

Исполнивъ это, онъ поѣхалъ, но недоѣзжая Вѣны, узналъ о смерти дочери. Въ печали, скорбный отецъ провелъ зиму (1830 — 31) въ Вѣнѣ, а въ маѣ отправился въ Англію и тамъ прожилъ до смерти родителя своего. Тамъ же похороненъ и младшій сынъ гр. М. С. Воронцова.

Воротясь въ Одессу, Воронцовъ занялся устройствомъ Керчи и положилъ начало образованію матросовъ для купеческихъ судовъ, заведя въ городахъ Алешки и Никополѣ вольно-матросскіе цехи. Принимались въ нихъ на 10 лѣтъ и 5 лѣтъ службы, которую и отбывали въ Черноморскомъ флотѣ. Освобожденіе отъ повинностей было очень видимою льготою, привлекавшею молодыхъ людей въ цехи. Въ 1835 году на пустынной косѣ основанъ Воронцовымъ г. Бердянскъ,

а въ 1837 году начаты разрабатываться копи антрацита въ Грушевкѣ. Заботы о народномъ образованіи шли, между тѣмъ своимъ чередомъ и двадцать одинъ годъ въ благородныхъ заботахъ объ общей пользѣ пролетѣли не истощивъ ни силъ, ни энергіи умнаго правителя.

Собственноручнымъ письмомъ 17 ноября 1844 г. Императоръ Николай I, выразивъ графу М. С. Воронцеву свою волю, поручилъ ему управленіе Кавказомъ съ званіемъ намѣстника и неограниченнымъ полномочіемъ. Государь выражалъ надежду, что избранный имъ, не откажется принять возложенный на него санъ и прибавлялъ, что считалъ порученіе дѣломъ, могущимъ продлиться не менѣе трехъ лѣтъ и потому сохранялъ за нимъ главное завѣдываніе Новороссійскимъ краемъ, находя „совершенно возможнымъ“ представить графу намѣстнику „ежегодно проводить по нѣсколько мѣсяцевъ на отдохновеніи, въ Крыму“, въ помѣстьѣ, въ кругу семейства. Вѣрноподанный принялъ съ покорностью волю своего государя и, согласно заявленной въ отвѣтъ его, необходимости личныхъ объясненій по дѣламъ, вызванъ въ столицу, новымъ письмомъ Монарха отъ 8 декабря. Воротился изъ столицы онъ черезъ Москву, считая нужнымъ видѣться тамъ съ А. П. Ермоловымъ и отъ него получить совѣты. Въ мартѣ 1845 г. пароходъ увезъ намѣстника изъ Одессы въ Крымъ, и въ Керчи издалъ замѣчательный приказъ къ войскамъ кавказскаго и 5 корпусовъ. Проѣхавъ вдоль всего восточнаго берега Чернаго моря, намѣстникъ высадился въ Редутъ-Кале и посѣтилъ въ

Зугдиди владѣтеля Мингреліи, черезъ Кутаисъ и Гори, прибылъ въ Тифлисъ въ день Благовѣщенія (25 марта 1845 г.), вечеромъ, при огняхъ иллюминаціи. Тотчасъ по прибытіи, Воронцовъ занялся гражданскими дѣлами и управя самое настоятельное, къ концу мая объявилъ походъ въ гнѣздилище безпокойствъ, гдѣ власть Шамиля, казалась незыблемою. Походъ начался 31 мая и въ теченіе іюня и іюля русскіе проникли туда, гдѣ до тѣхъ поръ не проходила нога наша — въ Чечнѣ. Изъ крѣпости Внѣзапной чеченскій отрядъ, имѣя во главѣ намѣстника, прошелъ въ Буртунай, при Гертме соединился съ дагестанскимъ отрядомъ (3 іюня) и, въ составѣ 21 батальона, 7 ротъ саперъ и стрѣлковъ, 16-ть сотень казачьихъ съ 1000 грузинской пѣшей милиціи, при 46 орудіяхъ двинулся въ Гумберъ, черезъ Мижкаль и Кыркъ. Предъупреждая скопище враговъ, войска быстро захватывали завалы и сбивали горцевъ съ горъ. Общество Анди, заключенное въ ущельѣ, проходъ къ которому защищали завалы, послѣ жаркаго дѣла оставлено намъ. Оттуда Воронцовъ, не глядя на всевозможныя препятствія достигъ до Дурго — резиденціи Шамиля, и овладѣвъ ею, еще съ увеличившимися трудностями прошелъ назадъ, по путямъ и безъ обороны считаемымъ непроходимыми.

Этотъ двухмѣсячный походъ — цѣлая эпопея, гдѣ русское удалство беретъ верхъ надъ возбужденными въ высшей степени фанатиками, оспаривавшими у насъ каждый шагъ, былъ блистательнымъ прологомъ воронцовскаго управленія Кавказомъ. Мило-

стивый рескриптъ монарха, полученный намѣстникомъ въ Кисловодскѣ, былъ лестенъ для вождя и справедливъ. Въ немъ перечислялось все, совершенное избранникомъ, оправдавшимъ монаршее довѣріе. Выраженіемъ его закончилъ Государь и частное письмо къ Воронцову: „Благодарю васъ душевно за новыя ваши подвиги. Я ожидалъ ихъ отъ васъ; вы ихъ исполнили“.... Блистательно начавъ управленіе воинскими подвигами, Воронцовъ отправился въ Севастополь и тамъ увидѣлся съ Государемъ. Результатомъ совѣщаній былъ новый порядокъ администраціи края, раздѣленнаго на 6 губерній: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую, Эриванскую, Ставропольскую, Джаробѣлоканскій округъ и управленіе на восточномъ берегу Чернаго моря. На банковыхъ началахъ образованъ закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія. Учреждена экспедиція при главномъ управленіи края для завѣдыванія государственными имуществами. Изъ 2-хъ казенныхъ палатъ — за Кавказомъ составлена одна. Образована комиссія для приведенія въ ясность дворянскихъ и княжескихъ фамилій въ Грузіи, дворянство тифлисское и кутаисское получило право выборовъ на должности; въ Тифлисѣ заведенъ коммерческой судъ, учреждены дирекціи училищъ, открыты училища; кавказскимъ уроженцамъ предоставлено право воспитываться въ учебныхъ заведеніяхъ имперіи; приняты мѣры къ образованію даже полудикихъ племенъ; заведены благотворительныя учрежденія, открыта въ Тифлисѣ публичная бібліотека, заведена газета „Кавказъ“, образованъ кавказскій

отдѣлъ Географическаго Общества и даны средства печатать произведенія грузинской литературы. Для яснаго и точнаго изображенія территоріи Кавказа, произведена триангуляція и опредѣлены уровни, омывающихъ край морей. Составленіе топографическихъ картъ пошло объ руку съ межеваніемъ и приступлено къ военно-статистическому описанію губерній на Кавказѣ. Улучшеніе путей сообщенія, и особенно проложеніе дорогъ и просѣкъ въ дремучихъ горныхъ лѣсахъ, было одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ управленія Воронцовымъ Кавказа, также какъ устройство мостовъ. Срочное пароходство по Каспійскому морю открыто въ 1846 же году, одновременно съ изслѣдованіемъ р. Кура, въ первый разъ при Воронцовѣ промѣннаго. Украшеніе городовъ тоже не было оставлено безъ вниманія зоркимъ взглядомъ намѣстника; особенно Тифлисъ, при немъ принялъ приличный видъ. Наконецъ, возвысилось благосостояніе сельскаго сословія, начавшаго получать доходы отъ садоводства и шелководства, не забыта и горная часть, и открытъ каменный уголь.

Заботливый правитель, между тѣмъ, не имѣлъ ни одного года спокойнаго отъ волненій, возбуждаемыхъ миридизмомъ, платившимъ за неудачи свои новыми, не болѣе успѣшными вторженіями.

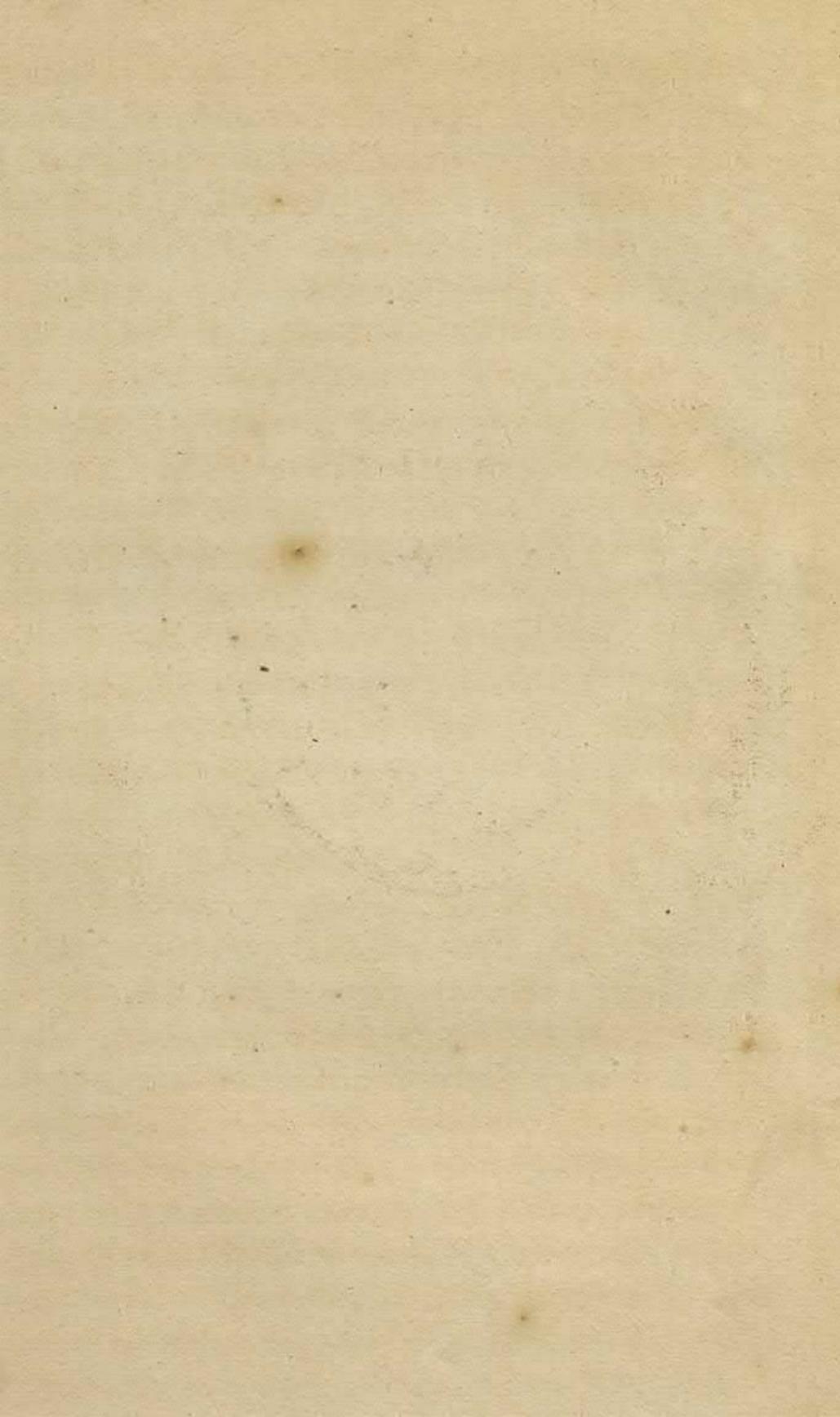
Мстя за разгромъ Дарю, Шамиль въ 1846 г. отврѣся въ Кабарду, весною, но безъ успѣха. Чтобы удержать на будущее время нападенія со стороны Чечни, Воронцовъ 21-го іюля заложилъ Ачхоевское укрѣпленіе (въ Малой Чечнѣ, проведя

тамъ все лѣто). Въ 1847 году самъ намѣстникъ находился при отрядѣ Слѣпцова, отбивавшаго сборища Шамиля, направленные на Сунженскія станицы и былъ при бомбардировкѣ Гиргеболя и взятіи Салты. Въ 1848 г. оставивъ укрѣпленіе Урусъ-Маршанское (3-го августа), а до того былъ при взятіи Гиргеболя. Въ 1850 году, съ 23-го мая по 11-е іюля Воронцовъ былъ на Самурѣ и заложилъ Лучекское укрѣпленіе, и осенью встрѣчалъ, нынѣ благополучно царствующаго, Государя Императора, посѣтившаго Кавказъ.

Признательный къ заслугамъ неутомимаго намѣстника своего, Императоръ Николай I возвелъ его въ 1852 г. въ княжеское достоинство, съ низходящимъ потомствомъ и титуломъ свѣтлости, „въ изъявленіе особеннаго благоволенія и искреннѣйшей признательности за достохвальные труды, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ на пользу престола и отечества подъемлемые“.

Годъ пожалованья въ князья Воронцова, былъ однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ на Кавказѣ и однимъ изъ самыхъ гибельныхъ полчищамъ Шамиля. Не будь велѣдъ за этими успѣхами, войны у насъ съ турками, Кавказъ бы совершенно усмирень былъ въ это время. Но судьба рѣшила иначе, въ годъ разрыва съ Турціею, уложивъ въ постель и престарѣлаго, до того постоянно бодрого, князя Воронцова. Осенью 1853 года, силы его окончательно оставили, но изнемогая, онъ успѣлъ приготовить средство для отпора вторженія турокъ въ Закавказье, изъ Азіятской Турціи.

Ноября 18-го, князь Бебутовъ нанесъ туркамъ полное пораженіе при Башокадыкъ-Ларѣ, а 18-го декабря, генераль Баклановъ—горцамъ, близъ аула Гордали-Юртъ. Это были послѣднія торжества за время управленія Воронцовымъ Кавказа. Чувствуя полный упадокъ силъ, князь просилъ увольненія, и 4-го Марта 1854 г. оставилъ край имъ управляемый навсегда, а не на время, какъ предполагали. Пользованіе минеральными водами въ Германіи и морскія купанья въ Схефенингенѣ, лѣтомъ нѣсколько поправили силы престарѣлаго вождя, но осень вызвала новую потерю силъ и заставила угасающаго старца просить полного увольненія. Неохотно далъ его Николай I (19-го октября 1854 г.). Кончина Николая I была неожиданнымъ ударомъ для преданнаго слуги, потеря сестры — графини Пемброкъ, усилила его горестъ, но, онъ перенесъ эти потрясенія и казалось, сталъ поправляться. Въ августѣ 1855 г. пріѣхалъ въ Петербургъ; на весну 1856 г., уѣхалъ въ Германію и пользовался карлсбадскими водами, но на коронацію пріѣхалъ въ Москву. Участвовать въ торжествѣ помѣшала ему однако, лихорадка и, непрерываясь почти затѣмъ, 6-го ноября 1856 г. прекратила жизнь заслуженнаго дѣятеля, всѣ дни котораго, съ юныхъ лѣтъ посвящены были добру. Предреченіе отца исполнилъ достойный сынъ вполне и бронзовый образъ вождя администратора, будетъ говорить отдаленному потомству о немъ и его подвигахъ.

М. Спущникъ.

V.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ МИХАИЛОВИЧЪ

СПЕРАНСКІЙ.

(1772—1839.)

Января 1-го 1772 г. въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи, у священника Михаила Васильевича родился сынъ, нареченный Михаиломъ. Священство при Черкутинской церкви, въ теченіе чуть не двухъ столѣтій, сохранялось преемственно предками отца Михаила и сыну его предстояла таже участь: поучать на добрую жизнь часть сельчанъ прихода своей церкви, одной изъ трехъ въ богатомъ селѣ. Способности сына Михаила Черкутинскаго были необыкновенные и грамота далась ему въ раннемъ возрастѣ. Семи лѣтъ онъ попалъ въ училище, а затѣмъ въ семинарію и былъ вездѣ, по классамъ первымъ, все зная, все усматривая и отъ товарищей получивъ прозваніе *завсѣвдаша* по ихъ представленію себѣ — „Спасовы очи“. Къ тому времени когда Михаилу Михайловичу предстояло окончить курсъ во Владимірской семинаріи, явилось требованіе отъ новгородскаго митрополита Гавріила, выслать въ С.-Петербургу, въ Александровскую лавру, лучшихъ воспитанниковъ семинарій, для образованія „Главной семинаріи“ — готовившейся въ сто-

лицѣ духовной Академіи. Какъ лучшаго ученика, Михаила Черкутинскаго прозваннаго въ семинаріи „Сперанскимъ“, т. е. внушающимъ большія надежды, по своимъ способностямъ, послали первымъ въ Петербургъ, изъ Владиміра. И въ Петербургѣ онъ опередилъ скоро всѣхъ сверстниковъ, по лѣтамъ оказываясь моложе другихъ. Въ 20 лѣтъ отъ роду, Михаилъ Сперанскій, произнося проповѣди, былъ настолько уже замѣтенъ по таланту и знаніямъ, что митрополитъ Гавріиль испросилъ разрѣшенія св. Синода (9-го января 1792) не отсылать его во Владиміръ за окончаніемъ курса, а оставить здѣсь наставникомъ словесности. При этомъ сдѣлано было молодому наставнику предложеніе вступить въ монашество, но онъ рѣшительно отказался и, что многихъ удивило, митрополитъ на этомъ не настаивалъ, а въ 1795 году (8-го апрѣля) назначивъ Сперанскаго, бѣльца, префектомъ главной семинаріи. Повышенный такъ быстро, между тѣмъ, не думалъ продолжать училищной карьеры, выказавъ на составленіи курса реторики („правило высшаго краснорѣчія“) и тактъ; и знанія, и легкость облеченія въ форму самыхъ трудныхъ для передачи словами идей и положеній. Благодаря одной изъ случайностей, устраиваемыхъ судьбою для возвышенія избранниковъ, Сперанскому открылась служебная карьера, не многимъ доступная. Онъ сдѣлался извѣстнымъ и даже сталъ домашнимъ челоѣкомъ въ домѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Есть два, несхожія одно съ другимъ, извѣстія о томъ, какъ попалъ Сперанскій къ Куракину. По одному, нѣкто чинов-

никъ Ивановъ, землякъ Сперанскаго, изъ семинаристовъ же, по предложенію князя: отыскать человека молодого, легко пишущаго, для порученія ему должности секретаря, — указаль на своего знакома князю и привелъ его, въ назначенное время. По другому указанію (приводимому покойнымъ Падинымъ) и тоже очень вѣроятному, рекомендоваль Сперанскаго Столыпинъ. Разсказъ этотъ шелъ отъ сына того лица, очень дружнаго со Сперанскимъ. Пензенскій помѣщикъ, Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ оказалъ кн. А. Б. Куракину услугу, — выведя его изъ бѣды по взятому отъ казны подряду, выставки вина со своего завода — и черезъ это сдѣлался знакомъ и друженъ съ княземъ, даже очень близокъ къ нему. Привезя въ Петербургъ сына, для помѣщенія по совѣту князя, въ гражданскую службу, Столыпинъ былъ въ необходимости приготовить по наукамъ взрослому юношу, дома недостаточно наученнаго и взялъ для этой цѣли, изъ семинаріи Петербургской, Сперанскаго. Быстрое выполненіе имъ порученіе Столыпина было поводомъ рекомендаціи молодого наставника князю Куракину, искавшему учителя словесности для сына. И въ это время послѣдовало настояніе начальства духовнаго о монашествѣ. Сперанскій, князю Куракину полюбился и, по его ходатайству, вѣроятно, перестали принуждать къ постриженію ловкаго учителя, у князя Куракина выказавшаго умѣнье справляться съ письменною корреспонденціею вельможи, довольствуясь его разсѣяннымъ заявленіемъ, что нужно изложить въ письмѣ. Зная легкость писанья Сперанскаго, о

чемъ угодно, анекдотъ о написаніи пробныхъ одиннадцати писемъ, при первомъ знакомствѣ, пожалуй, не представляетъ ничего невѣроятнаго, но подставка фамилія чиновника Иванова у Куракина, могшаго рекомендовать Сперанскаго князю, представляется намъ не совсемъ вѣроятною, по неимѣнію такого лица въ штатѣ служащихъ, видныхъ сколько-нибудь. Такъ что, рекомендація Столыпина намъ кажется ближе къ дѣлу. Оно впрочемъ не такъ важно, въ сущности, чтобы доискиваться до мелочей тамъ, гдѣ фактъ несомнѣненъ — принятіе къ себѣ Куракинымъ Сперанскаго, скоро въ мнѣніи князя, разумѣется, поднявшагося, благодаря своимъ способностямъ и легкому усвоенію всякаго дѣла. А дѣлъ было не мало и по экспедиціи свидѣтельства счетовъ — государственному контролю въ зародышѣ — которымъ управлялъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ при Екатеринѣ II. Съ воцареніемъ Павла I, Куракинъ съ братомъ, люди преданные издавна новому императору, поднялись вдругъ высоко. Кн. Алексѣй Борисовичъ 4-го декабря 1796 г. назначенъ генераль-прокуроромъ, на мѣсто графа Самойлова и секретарь его, Сперанскій, — быстро усвоившій въ домѣ князя французскій языкъ (пользуясь уроками гувернера Брикнера), — могъ вдругъ тоже шагнуть „не въ примѣръ прочимъ“, какъ тогда выражались. Нужно было бросить семинарскую префектуру, уже формально просьба объ увольненіи митрополиту подана въ декабрѣ же 1796 г., а 2 января 1797 г., Сперанскій, произведенный въ титулярные совѣтники, зачисленъ въ штатъ генераль-

прокурора, съ окладомъ 750 р. въ годъ — по тому времени не малымъ. Черезъ три мѣсяца, Сперанскій получилъ еще чинъ, черезъ полгода — другой, въ началѣ 1798 г. — третій, коллежскаго совѣтника и вскорѣ затѣмъ — статскаго совѣтника, — четыре чина въ полтора года. Августа 8-го 1798 г. Куракина, назначенного сенаторомъ — въ знакъ не милости, — замѣнили на должность генераль-прокурора, Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Сперанскій, получившій уже мѣсто экспедитора, при удаленіи покровителя, думалъ оставить службу, но, тотъ воспротивился. Оставшись же, талантливый экспедиторъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, не только не оказался — въ качествѣ любимца предшественника, гонимымъ новымъ начальникомъ, но отличеннымъ имъ скоро, по талантливости. Не боясь за свою будущность, 3-го ноября 1798 года Сперанскій женился на англичанкѣ, нечаянно увидѣвъ ее и влюбившись съ такимъ пыломъ, что кончина жены, въ концѣ 1799 г., оставивъ вдовымъ, красиваго собою молодаго человѣка, всего въ 27 лѣтъ отъ роду, не возбудила въ немъ уже желанія вступить въ новый бракъ. Скандальная хроника относитъ впрочемъ, къ этому времени, связь поднимавшагося Сперанскаго, съ одною, высокопоставленною дамою большаго свѣта, не объясняя чѣмъ она кончилась.

Опровергать подобное извѣстіе нѣтъ, разумѣется, возможности, хотя всё относили безбрачіе Сперанскаго къ любви женѣ и дочери ея оставленной, и дѣйствительно, составляющей во всю жизнь отца, предметъ горячей заботливости его. Служба

шла своимъ чередомъ. Лопухина скоро смѣнилъ Беклешовъ, въ свою очередь въ 1800 г. осенью, замѣненный П. Хр. Оболяниновымъ, суровымъ, но умнымъ, оцѣнявшимъ способности въ другихъ безъошибочно. Сперанскій, по должности правителя „канцеляріи генераль прокурора по снабженію столицы продовольствіемъ“, еще при Беклешовѣ на него возложенной, долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ цесаревичу Александру Павловичу, при родителѣ занимавшему должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора. Будущій императоръ Александръ I, при Павлѣ I, въ числѣ искреннихъ друзей имѣлъ уже племянника канцлера Безбородко, Виктора Павловича Кочубея, по смерти дяди, лѣтомъ 1799 года вышедшаго въ отставку. Вѣроятно при управленіи Кочубея, Сперанскій, ему сдѣлавшійся извѣстнымъ, уже завѣдывалъ перепискою по экспедиціи ордена св. Андрея Первозваннаго. По крайвей мѣрѣ, безъ знакомства съ этою частью, покажется страннымъ назначеніе при Беклешовѣ, правителя его одной спеціальной канцеляріи (по снабженію продовольствіемъ столицы), Сперанскаго, съ прибавочнымъ жалованьемъ по 2,000 р. въ годъ, секретаремъ Андреевскаго ордена. Беклешовъ назначенъ 7-го іюля 1799 г. генераль-прокуроромъ и это совпадаетъ, какъ разъ съ отставкою Кочубея. Оболяниновъ, преемникъ Беклешова, уже испросилъ особое жалованье (по 1,500 руб. въ годъ), Сперанскому по должности секретаря орденъ св. Андрея и 31-го декабря 1800 года 2,000 десятинъ земли въ Саратовской губер-

ни, да орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Замѣтимъ, что съ вечерняго засѣданія Сената, въ октябрѣ 1799 года (въ Гатчинѣ), Наслѣдникъ престола сталъ присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ Сената, *занимая первое мѣсто*, послѣ Государя,— послѣ того неприсутствовавшаго. Что вечернее засѣданіе созвано было: рассмотреть проектъ объ учрежденіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, тѣсно связанный съ положеніемъ о городскихъ с.-петербургскихъ хлѣбныхъ амбарахъ, высочайше утвержденныхъ 12-го ноября 1799 г. По предмету, эти законоположенія несомнѣнно прошли черезъ руки Сперанскаго, если не имъ вполне написаны. Трудно не видѣть на этомъ подтвержденія о знаемости Сперанскаго уже въ это время, Наслѣдникомъ престола. Неудивительно, что съ воцареніемъ Александра I (12-го марта 1801 г.), о Сперанскомъ вспомнилъ онъ черезъ недѣлю. Марта 19-го Сперанскому, пожалованному въ статсъ-секретари, повелѣно состоять при Трощинскомъ, съ жалованьемъ по 2,000 р. въ годъ и обращеніемъ въ пенсіонъ, получавшихся до того окладовъ, черезъ двѣ недѣли послѣ этого (30-го марта) учрежденъ при дворѣ постоянный совѣтъ „для разсматриванія важныхъ государственныхъ дѣлъ“; при немъ образована канцелярія въ завѣдываніи Трощинскаго и Сперанскій опредѣленъ начальникомъ 3-й ея экспедиціи „дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ“. Іюля 9-го 1801 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Александръ I вызвалъ изъ за-границы Виктора Павловича Кочубея (23-го іюля 1801 года), назна-

чивъ его, въ званіе сенатора, состоять при особѣ своей. И это не могло быть невыгоднымъ для большаго возвышенія Сперанскаго, 9-го іюля 1801 года произведеннаго въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Чинъ этотъ заслужилъ будущій статсъ-секретарь трудами по завѣдыванію 3-ею экспедиціею канцеляріи совѣта „важныхъ государственныхъ дѣлъ“, ввѣренной Д. Пр. Трощинскому. Онъ цѣнилъ административныя стилистическія способности Сперанскаго, въ экспедиціи котораго сосредоточены были духовныя и гражданскія дѣла, быстро подготовлявшіяся къ слушанію совѣта, съ освѣщеніемъ и распутаніемъ всякихъ темныхъ, затруднительныхъ вопросовъ, не одними справками, но всестороннимъ обслѣдованіемъ. Богатыя способности помогали быстро приобрѣтать Сперанскому усвоеніе сущности дѣла, какъ бы не было оно запутано и усложнено. Эти драгоцѣнныя качества въ чиновникѣ не могли бы нигдѣ остаться незамѣченными, а тѣмъ болѣе у насъ, съ воцареніемъ Александра I, стремившагося улучшить и обновить во всѣхъ частяхъ систему государственной администраціи. Судьба готовила для предстоящихъ трудовъ Сперанскаго и онъ оказалъ дѣлу пересозданія существенныя услуги, трудомъ и умѣньемъ завоевалъ себѣ доступъ къ сосредоточенію движенія административной машины. Черезъ полтора года по водвореніи Александра I, уже явилось учрежденіе министерствъ (8-го сентября 1802 года). Кочубей получилъ въ завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ и привлекъ туда Сперанскаго, ввѣривъ ему управленіе второю экспеди-

цією (департаменту внутрѣнныхъ дѣлъ) государственнаго благоустройства. Всѣ проекты, впрочемъ, по министерству писались Сперанскимъ и изъ-подъ пера его являлись одни за другими положенія, въ формѣ докладовъ: о классѣ свободныхъ земледѣльцевъ (предоставлены министерствомъ внутрѣнныхъ дѣлъ разсмотрѣнія условій между помѣщиками и крестьянами 21-го февраля 1803 года); о средствахъ исправленія казенныхъ зданій (февраля 24-го); о вспоможеніи крестьянамъ по неурожаю (10-го марта); о формѣ сношеній правленія колонистовъ съ губернскимъ правленіемъ (16-го марта); о генеральномъ межеваніи Маллоросіи (10-го апрѣля въ тотъ же день); о вспоможеніи переселяющимся менонитамъ; о распространеніи новороссійской казенной фабрики (21-го апрѣля); объ опредѣленіи врачей къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ (24-го апрѣля); объ учрежденіи въ Петербургѣ комитета лифляндскихъ дѣлъ (мая 11-го); о назначеніи непремѣнныхъ работниковъ въ замѣнъ крестьянъ, приписанныхъ къ котронскимъ заводамъ (іюня 23-го); о соляномъ производствѣ въ Иркутской губерніи (іюня 26-го, іюля 30-го); объ удержаніи фабрикантовъ отъ притѣсненія фабричныхъ и отпускъ денегъ для водворенія переселенцевъ въ Новороссійскомъ краѣ. Наиболѣе важными мѣропріятіями были, послѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ, распространеніе тонкоруннаго овцеводства, пособія почтовымъ сборамъ государственнаго казначейства, вольный промыселъ солью, новое устройство медицинской части и возвышеніе одесской торговли. Министерство внутрѣнныхъ дѣлъ

предприняло изданіе „С.-Петербургскаго журнала“, въ которомъ Сперанскій самъ писалъ статьи ученаго содержанія, изящнымъ языкомъ. Онъ ввелъ его и въ дѣловую переписку, въ замѣнъ безобразнаго нанизыванья безсвязныхъ фразъ съ умышленною цѣлью затруднить пониманье крючковъ подъяческихъ.

Это нововведеніе, ненравившееся дѣльцамъ, для которыхъ закрывался одинъ изъ источниковъ прибытка, разумѣется, породило въ терявшихъ враждебность къ нововводителю. Они стали распространять на его счетъ безмысленныя клеветы, но ядъ ихъ не достигалъ до поднявшагося слишкомъ быстро и высоко, Сперанскаго. Оказываясь главнымъ дѣльцомъ у Качубея, въ болѣзнь его (1806 г.) Сперанскій сталъ являться съ докладами къ Государю и на столько понравился Его Величеству отчетливымъ исполненіемъ повелѣній и порученій, что Александръ I уволивъ дѣльца-статсъ-секретаря изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, взялъ его съ собою въ 1807 году въ Витебскъ, и въ 1808 г. въ Финляндію и Эрфуртъ. Тамъ происходило свиданіе Александра I съ Наполеономъ I. Сперанскій понравился властителю Франціи и полу-Европы и самъ приведенъ былъ въ восторгъ Наполеономъ, геніяльная натуркаотораго, какъ извѣстно, производила обояніе на того, кого думалъ или желалъ обласкать „сынъ судебъ.“ Съ Эрфуртскаго свиданія, Сперанскій сдѣлался очень близокъ Александру I, назначенъ имъ присутствующимъ въ Совѣтъ Коммисіи Законовъ и вскорѣ сдѣлался главнымъ двигателемъ въ ней дѣ-

ла, въ рукахъ Розенкампа чуть не останавливающихся. Въ 1809 г. сдѣлавшись товарищемъ Министра Юстиціи, Сперанскій сосредоточивалъ въ рукахъ своихъ всю распорядительную часть Коммисіи составленія законовъ и въ 1810 году, при подчиненіи ея учрежденному тогда Государственному Совѣту, сталъ единственнымъ хозяиномъ ея съ именемъ директора. Работа закипѣла тогда у геніяльнаго стилиста-законодателя и черновая подготовка Розенкампа совсѣмъ исчезала подъ редакціею директора, перевода на русскій. Баронъ Корфъ говоритъ, что „Сперанскій, наканунѣ внесенія въ Государственный Совѣтъ, прочитывая работу, перечеркивая большую часть ея, исправленное имъ Вронченко (старшій писмоводитель), приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали и, къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ“. Такъ составлено было все гражданское Уложеніе, двѣ части котораго одобрены и 3-я разсматривалась Государственнымъ Совѣтомъ въ 1812 г.

Если этотъ скороспѣлый трудъ былъ не безупреченъ по части ненадобныхъ заимствованій изъ кодекса Наполеона I, то и планъ лучшаго устройства финансовъ, какъ и Уложеніе неосуществленный, страдалъ отъ ошибокъ при дурномъ выполненіи теоріи правильнаго государственнаго хозяйства, въ основѣ нешибочной. Главныя положенія плана, улучшенія финансовъ заключались: въ пресеченіи выпуска ассигнацій, сокращеніи государственныхъ расходовъ, установленіи лучшаго контроля надъ издержками и прибавки налоговъ для выполненія чрез-

вычайныхъ затратъ на веденіе войнъ. На 1810 годъ расходы сокращены на 20 милльоновъ, экономическія суммы разныхъ вѣдомствъ объявлены принадлежащими Государственному Казначейству. Для восстановленія кредита, образованъ капиталъ для выкупа ассигнацій и учреждена Государственная Комиссія погашенія долговъ. Капиталъ погашенія предполагали составить отъ продажи государственныхъ имуществъ, въ теченіе 5-ти лѣтъ и надобность потребовала открытія внутренняго срочнаго займа свыше 100 милліоновъ. Единицею цѣнности оставленъ серебряный рубль. Всѣ эти мѣры могли быть полезны и если они неудались, то отъ злоупотребленій лицъ призванныхъ для выполненія положеннаго. Первая часть займа пошла хорошо, и продажа казенныхъ имуществъ въ первый годъ (на $\frac{1}{5}$ итога) состоялась, а дальше тормозили дѣло мѣстныя комиссіи формальностями умышленно придумываемыми для вымогательства отъ покупателей. За всѣмъ тѣмъ оборотъ 1810 г. составилъ передержку сверхъ бюджета въ 56 милліоновъ, совсѣмъ непредвидимую при опредѣленіи нормы расходовъ, по политическимъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ, невиннаго въ возникшихъ черезъ то затрудненіяхъ, винили Сперанскаго и враги его умышленно старались раздуть мнимую вину до преступленія противъ государства. Языкъ клеветы видѣлъ въ планѣ финансовъ завѣдомое обѣднѣніе Россіи, съ цѣлью предать ее Наполеону. Клеветы росли съ возвышеніемъ Сперанскаго и усиленіемъ къ нему довѣренности монарха. Горячіе патріоты, не понимая стрем-

лений законодателя, дали себя увлечь представленіями общаго вреда отъ переменъ, душой которыхъ былъ Сперанскій. Самыми важными законоположеніями, усилившими ряды ненавистниковъ талантливаго статсъ-секретаря-реформатора, были указы о экзаменѣ на чинъ 8-го класса и о придворныхъ званіяхъ. Послѣдній изъ этихъ указовъ лишалъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ привилегіи получать чины 4-го и 5-го класса прямо по этимъ званіямъ, безъ заслугъ и, слѣдовательно, направлень былъ для остановленія излишняго накопленія чиновныхъ лицъ, неспособныхъ къ дѣлу, но имѣвшихъ право по чину своему занять довольно значительныя должности. Вся клика обиженныхъ запретомъ пользоваться легкимъ возвышеніемъ, пристала къ безчисленнымъ почти массамъ низшаго чиновничества, безъ экзамена лишеннаго возможности подняться выше титулярнаго совѣтника. Если эти трутни производили волненіе не замѣтное на высотѣ, за то родовитые камергеры и камеръ-юнкеры вліяли на вооруженіе противъ Сперанскаго, — поповича-высочки, — въ средѣ высшаго круга. Честолюбцы пользовались этимъ вооруженіемъ высшаго класса для окончательной побѣды надъ соперникомъ, казалась стоявшимъ твердо и гордообращавшимся съ равными себѣ. Сношенія съ Феофилактомъ рязанскимъ и Лопухинымъ, да и самыя письма къ нимъ Сперанскаго неоставляютъ сомнѣнія въ его склонности къ религіозному мистицизму, представителемъ котораго съ крайнимъ направленіемъ является князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, сверстникъ по

воспитанію и близкій человѣкъ императора Александра I съ 1803 г. оберъ-прокуроръ св. Синода. Мистическія бесѣды несомнѣнно происходили и у Сперанскаго съ Александромъ I, въ послѣднее время даже, передъ его удаленіемъ.

Первымъ шагомъ къ нему, провожавшимъ путь къ болѣе дерзкимъ нападеніямъ на любимца царя, его „правую руку“ въ вопросѣ о реформахъ, была записка, охуждавшая переменны въ законодательствѣ и системѣ администраціи еще въ 1810 г. Записку эту приписывали тогда Арнфельду, но графъ Корфъ съ большею основательностью относить ее къ трудамъ Розенкампа, считавшаго себя оскорбленнымъ вмѣшательствомъ Сперанскаго въ свой трудъ. Графъ Растопчинъ руководилъ Карамзинымъ и ввелъ исторію графа въ кружокъ великой княгини Екатерины Павловны. Запискою „о старой и новой Россіи“ осуждалась легкомысленность переменъ чуждыхъ строю нашей исторической жизни. Неудовольствіе Александра I по передачѣ ему записки понятно; нападеніе на статсъ-секретаря, облакавшаго въ форму идеи монарха, было въ самомъ дѣлѣ осужденіе его задушевныхъ стремленій. Поэтому одному можно скорѣе придти къ заключенію о безвредности нападенія для Сперанскаго этимъ путемъ. Грубѣе нападало письмо приписывавшееся самому Растопчину. Въ этомъ письмѣ Сперанскій выставлялся главою заговора въ интересахъ Наполеона. Обвиненіе основано на предположеніи: будто бы Сперанскій совѣтовалъ государю усилить польскую армію, для того, чтобы оставить безъ защиты Петербургъ и

Финляндію. Донось рекомендовалъ Балашова избрать орудіемъ царской воли для удаленія Сперанскаго, которому дѣйствительно министръ полиціи приготовилъ западню, рискуя самъ подвергнуться опалѣ. Покрайней мѣрѣ такъ высказывалъ въ ссылѣ Сперанскій, выразившись въ Нижнемъ у Архіерея: „что еслибы Болашовъ не ускорилъ двумя часами, то былъ бы на мѣстѣ“ его; ловушка подставленная Сперанскому, заключалась въ предложеніи: „учредить изъ трехъ лицъ Сперанскаго, Болашова и Арнфельдта помимо монарха, безгласный тайный комитетъ, который бы управлялъ вмѣстѣ дѣлами употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерство единственно въ видѣ своихъ орудій“. Сперанскій отвергъ предложеніе, но не донесъ государю, а предлагатели донесли, объясняя умолчаніе недостаткомъ преданности статсъ-секретаря и его хитростью отверженіе словесное, когда умъ еще рассчитывалъ и ожидалъ новыхъ предложеній съ признаніемъ первенства между олигархами. Повѣрилъ ли вполнѣ Александръ I совѣту этому, вѣдаетъ одинъ Сердцевѣдецъ, но, внѣзапно, вечеромъ 17 марта 1812 г. Сперанскій потребованъ во дворецъ въ 8 часовъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генераль-адъютантъ и два министра. Сперанскій, — съ открытіемъ государственнаго совѣта, государственный секретарь, — позванъ прежде ихъ на аудіенцію, полную таинственныхъ разоблаченій. Цѣлые два часа продолжалась эта аудіенція, по окончаніи которой, Сперанскій вышелъ отъ государя, чуть живой, растерянный, убитый. Когда сбиралъ онъ

бумаги въ секретарской, государь тихо изъ дверей промолвилъ: — Прощайте Михаилъ Михайловичъ!

Изъ дворца проѣхалъ Сперанскій на квартиру М. Я. Магницкаго, свое гопомощника, тоже сосланнаго, но его не нашель уже дома. Пріѣхавъ же къ себѣ въ домъ, послѣдній съ лѣвой стороны въ Сергіевской улицѣ, крайній къ Таврическому саду, нашель у себя А. Д. Балашова, министра полициі, объявившаго ему указъ о немедленномъ выѣздѣ съ ожидавшимъ уже приставомъ Петербургской полициі. Убитый нравственно, Сперанскій не имѣлъ духа разбудить дочь для прощанья и въ полночь уже оставилъ Петербургъ, на дорогу даже взявъ мѣховую шапку у своего человѣка. Удаляясь отъ столицы онъ не ожидалъ, что не увидить ее девять лѣтъ, а думалъ скоро воротиться и въ первое время часто писалъ къ Государю. Не получая отвѣтовъ, только сталъ онъ понимать, что прежнія отношенія едвали возстановятся; но, возвращенія своего въ столицу ожидалъ вскорѣ, основываясь на словахъ Монарха, при послѣдней аудіенціи. Въмѣсто возврата, ожидали изгнанника новыя бѣды, какъ увидимъ, по милости враждебниковъ, Александръ I, какъ можно заключить по словамъ его, въ первое время чувствовалъ тягость утраты близкаго человѣка. Марта 18-го, на другой день высылки Сперанскаго, Императоръ высказался такъ въ разговорѣ съ княземъ Голицынымъ — „еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правой рукой!“

Въ Нижнемъ Новгородѣ, на завтракѣ у пресвященнаго, Сперанскій замѣтилъ вскользь, что Наполеонъ выказывалъ въ покоряемыхъ странахъ внимательность къ духовенству. Слова эти истолкованы въ посланномъ доносѣ намѣреніемъ сдѣлать духовенство покорнымъ орудіемъ плановъ Бонапарта, которому уже по петербургскому обвиненію, оказывался предавшимся Сперанскій финансовыми реформами, будто бы ведшій Россію къ безсилію, что доставить завоевателю легкую побѣду. Лишняя искра, — какою представляется нижегородскій доносъ, конечно произвела пожаръ, обрушивъ на голову изгнанника цѣлый потокъ незаслуженныхъ ничѣмъ оскорбленій со стороны предъубѣжденнаго народа. Съ удаленіемъ изъ Нижняго въ Пермь и общимъ устраненіемъ отъ ссылочнаго, какъ отъ измѣнника, тягость выпавшей доли сломила и уничтожила остатокъ надежды на лучшее въ статсъ-секретарѣ законодательѣ. Изгнанникъ нашелъ силу перенести этотъ ударъ въ одной религіи, занявшись переводомъ книги Өомы Кемпійскаго „о подражаніи Христу“. Примѣняясь всею душою къ источнику благъ, самыя бѣдствія посылающему для нашего нравственнаго возвышенія, бывшій министръ поднялся духомъ выше, чѣмъ были во дни счастья.

Спокойствіе, котораго прежде онъ не имѣлъ совсѣмъ, мучась нравственно отъ сознанія потери значенія и растройства финансоваго, мало по малу стало водворяться въ душѣ Сперанскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ улучшили его положеніе матеріально. Успокоиваясь, изгнанникъ глуже сталъ погружаться въ мисти-

цизмъ и такое настроеніе ума перешло въ письма его. Одно изъ нихъ посланное къ государю-миро-творцу Европы, тронуло на столько монарха, что скромное желаніе Сперанскаго: поселиться въ своей Новгородской деревнѣ,—признано возможнымъ; ему позволено тамъ поселиться. То правда, что и этому письму, улучшившему участь изгнанника, едва ли не предшествовала смиренное моленіе у Аракчеева, для котораго сосланный уже не былъ страшень. Два года успѣли охладить совѣмъ прежнія чувства къ нему Александра I. Поселясь въ своемъ Великолѣпнѣ (въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода), на основаніи разрѣшенія, даннаго, 16-го сентября 1814 года, въ сосѣдствѣ съ Аракчеевскимъ Грузинымъ, Сперанскій старается любезными письмами расположить къ себѣ врага, несомнѣнно принимавшаго участіе и въ назначеніи послѣ Перми тяжелаго бездѣйствія уму, искавшему дѣятельности. Прошло еще два года, посвященные окончательному образованію любезной дочери (Елизаветы Михайловны, родившейся 5-го сентября 1799 года и черезъ 2 мѣсяца оставшейся безъ матери), до назначенія бывшаго министра въ губернаторы въ Пензу (1-го октября 1816 года). Въ указѣ о назначеніи туда сказано, что дается имъ изгнаннику „способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ“. Эта фраза была отвѣтомъ Сперанскому на просьбу: явиться въ Петербургъ, отнимая у него возможность настаивать на ней. Онъ, стало быть, не давалъ еще покоя временщику, живя недалеко отъ столицы. То правда, что ходатайства прибыть въ Петербургъ, Сперан-

скій сталъ теперь возобновлять при всякомъ удобномъ случаѣ, и блистательное управленіе его запущенною губерніею — чего добраго, назначеннаго тоже, скорѣе всего съ враждебною цѣлью: запутать въ новыя интриги — давало часто возможность представлять о необходимости личнаго доклада дѣль монарху. Ходатайства эти возбуждалъ онъ въ 1818 году, и такъ какъ трудно было подыскать предлогъ для отказа на этотъ разъ, Аракчееву подали мысль: предложить Сперанскаго для обелѣдованія дѣль въ Сибири, при возбужденныхъ жалобами подозрѣніяхъ, насчетъ управленія генераль-губернатора Пестеля, тоже поддерживаемаго времянщикомъ. Это и было поводомъ назначенія Сперанскаго генераль-губернаторомъ Сибири, рескриптомъ 22-го марта 1819 года, при которомъ въ особомъ письмѣ императора заявлена невозможность дозволить прибыть въ Петербургъ, какъ просилъ Сперанскій, „по домашнимъ дѣламъ“. Я надѣюсь, писалъ теперь императоръ, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото-дня необходимѣе не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкою въ Петербургъ“. Порученіе ѣхать въ Сибирь, въ рескриптѣ изложено, какъ неотложная мѣра, отъ которой ожидалось больше пользы, чѣмъ отъ ревизіи сенаторами.

„Имѣвъ уже неоднократный опытъ сколь мало подобныя ревизіи достигаютъ своей цѣли, кольми паче нельзя ожидать лучшаго успѣха въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ, посему понялъ я

полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генераль-губернатора, препоручить вамъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній, не существовавшего до сего времени въ оныхъ управленія“, въ видѣ начальника, и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генераль-губернатора.

„Исправя сею властію все то, что будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: *сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и сдѣлавъ оному начертаніе на бумагѣ, по окончаніи занятій вашихъ, самимъ лично привезти оное ко мнѣ въ Петербургъ*, дабы имѣлъ я способъ узнать изустно отъ васъ настоящее положеніе сего важнаго края и прочнымъ образомъ установить на предбудущія времена его благосостояніе“.

„По моему исчисленію, возлагаемое на васъ *препорученіе можетъ продолжиться года полтора*, или, по большей мѣрѣ, *два....*“.

Такимъ образомъ, два года — крайній предѣлъ отсрочки, на этотъ разъ послѣдней, для возвращенія изгнанника, съ обѣщаніемъ затѣмъ личныхъ сношеній съ Государемъ. Тяжелъ подвигъ и обширна задача возлагаемая на этотъ разъ на способности и опытность человѣка, за семь лѣтъ воровчившаго всѣми дѣлами по измѣненію къ лучшему порядка дѣлъ во всей Имперіи; но Сперанскій, съ горечью въ сердцѣ принялъ и выполнилъ блистательно порученіе. Ревизія его самый почтенный періодъ его

служебной карьеры, гдѣ примѣтны на дѣлѣ всѣ приемы ускоренія многосложныхъ процессовъ, вдругъ выплывшихъ наружу и освѣтившихъ мракъ злоупотребленій, на которыя нарушители закона и правды смотрѣли какъ на невозможное открыть и выслить. Предавъ суду главныхъ виноватыхъ и освободивъ отъ преслѣдованій тысячи невинныхъ. Сперанскій думалъ въ половинѣ 1820 года кончивъ все, быть въ Петербургѣ, когда получилъ 7-го мая приказаніе явиться не раньше марта же будущаго года. Въ рескриптѣ этомъ, бросившемъ въ море горечи изгнанника, приказано однако представить о порядкѣ управления въ Сибири при отбытіи оттуда, стало быть идея, объ оставленіи тамъ уничтожалась. Иркутскъ — гдѣ открыты самыя тяжкія преступленія губернатора, оставленъ былъ Сперанскимъ въ февралѣ 1820 г. для поѣздки въ Кяхту и Нерчинскъ, 7-го марта генераль-губернаторъ былъ снова въ Иркутскѣ, въ іюлѣ отправилъ миссію въ Пекинъ и 1-го августа совсѣмъ оставилъ столицу Восточной Сибири, 11-го былъ въ Томскѣ и тамъ получилъ (17-го августа) разрѣшеніе оставить Сибирь по усмотрѣнію, съ чѣмъ, окончивалось собственно, изгнанническая жизнь. 8-го октября приѣхавъ въ Тобольскъ, Сперанскій оставилъ этотъ городъ 8-го февраля 1822 г., 11-го былъ въ Екатеринбургѣ, 14-го въ Кунгурѣ и 15-го въ Перми. Затѣмъ, два дня — до Казани, въ ночь слѣдующаго дня выѣздъ изъ нея, день до Симбирска, тамъ 2 дня; съ 25-го февраля по 6-е марта — въ Пензѣ, за своими дѣлами, 14-го въ Москвѣ и 22-го встрѣ-

ча съ дочерью въ Царскомъ Селѣ, и вечеромъ — въ Петербургѣ.

Девять лѣтъ и четыре дня пережиты въ изгнаніи. Наканунѣ Благовѣщенья послано донесеніе государю о прибытіи сюда, но свиданіе съ монархомъ, замедлилось не за однимъ неприѣздомъ его въ столицу, и по прибытіи, позванъ Сперанскій черезъ двѣ недѣли только. Свиданіе черезъ девять лѣтъ показало, что онъ сталъ государю — чужой. Это отчужденіе не измѣнилось въ послѣдніе четыре года жизни Александра I. Только съ занятіемъ, составленіемъ полнаго собранія законовъ и сводамъ законовъ, Николай I имѣлъ случай достойно оцѣнить, нестарѣвшійся умъ Сперанскаго. Засѣданіе государственнаго совѣта 19 января 1833 г. — было триумфомъ Сперанскаго. За совершеніе труда собранія и свода законовъ, Николай I обнялъ труженика и снявъ съ себя Андреевскую звѣзду, надѣлъ на него. Графское достоинство — 1-го января 1839 г. было послѣднею наградою Сперанскаго, хилаго, слабаго, но все продолжавшаго трудиться. Легкая простуда, по возвращеніи изъ Одессы, дошла окончательно поздно оцѣненнаго дѣльца, неоставляемаго злобною клеветою. Когда смерть — 11-го февраля 1839 года освободила тѣло отъ страданій, Императоръ Николай, на докладъ государственнаго секретаря Корфа о потерѣ, высказалъ слѣдующія слова: „Михайла Михайловича, не всѣ понимали, не всѣ умѣли довольно цѣнить. Сперва я и самъ въ этомъ, болѣе всѣхъ, можетъ быть, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ

идеяхъ, о его замыслахъ! Клевета осмѣлилась конуться его даже и по случаю исторіи 14-го декабря. Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствию всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію, съ неустававшею никогда дѣятельностію. Теперь всѣ знаютъ: чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны и клеветники давно замолчали“. Потомъ съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія прибавилъ великодушный Государь: „Другаго Сперанскаго мнѣ не найти! Да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту!“

Что можетъ біографъ прибавить отъ себя къ такой высокой оцѣнкѣ страдальца-труженика? Что онъ былъ человѣкъ всѣмъ желавшій добра и дѣлавшій его, кому представлялся случай. Что онъ любилъ науку и чтеніе; безпрестанно занимался въ изгнаніи, услаждая одиночество изложеніемъ нравственныхъ мыслей и философскихъ положеній. Высоконравственный, горячо любившій дочь и всѣхъ тѣхъ съ кѣмъ сближался, Сперанскій и въ домашнемъ быту былъ образцомъ христіанскихъ добродѣтелей.

VI.

АКАДЕМИКЪ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОСТРОГРАДСКІЙ.

1801 — 1861.

Михаилъ Васильевичъ былъ сынъ помѣщика, родился въ 1801 году 12-го сентября, Полтавской губерніи, Кобелкескаго уѣзда, въ деревнѣ Чаплиной. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ Остроградскій выказывалъ склонность узнавать величину и мѣру предметовъ, въ особенности сложныхъ такъ: онъ очень любилъ наблюдать за движеніемъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, для чего, нерѣдко, во время прогулокъ, со слезами на глазахъ просилъ родителей останавливаться, чтобъ ему была возможность подольше посмотреть на свои любимые предметы. Онъ носилъ всегда при себѣ шнурокъ съ камешкомъ, которымъ вымѣрять ямы и колодцы, попадавшіеся ему на пути. Съ ранняго дѣтства Михаила Васильевича можно было замѣтить, что изъ него выйдетъ человекъ съ умомъ наблюдательнымъ и способнымъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. На 9 году его опредѣлили въ пансіонъ при полтавской гимназіи, гдѣ онъ пробылъ очень не долго. Изъ пансіона онъ перешелъ въ гимназію, учился въ ней не съ особеннымъ прилежаніемъ, но былъ замѣченъ,

сержант а в

какъ бойкій и остроумный мальчикъ. По желанію отца онъ вышелъ изъ нее не кончивъ курса (изъ 3-го класса). Въ 1816 году его повезли въ Петербургъ для опредѣленія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но совѣтъ одного изъ родственниковъ Остроградскихъ измѣнилъ это намѣреніе и было рѣшено опредѣлить Остроградскаго въ университетъ. Приготовленіе его для поступленія туда, было поручено адъюнкту харьковскаго университета преподавателю военныхъ наукъ, Робушу. Остроградскій сначала выказывалъ полное нежеланіе заняться науками и постоянно стремился къ военной службѣ такъ, что когда отецъ рѣшительно не позволилъ ему опредѣлиться въ кременчугскій пѣхотный полкъ, Михаилъ Васильевичъ пришелъ въ отчаяніе. Наконецъ онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ, а въ 1817 году зачисленъ въ студенты физико-математическаго отдѣленія. Первое время своего студенчества Остроградскій занимался плохо и постоянно мечталъ о военной службѣ, но когда онъ поселился у преподавателя математики, Павловскаго, настроеніе Остроградскаго совершенно измѣнилось. Павловскій обратилъ вниманіе на способности юноши, показалъ ему всю несообразность его стремленій и сумѣлъ возбудить въ немъ любовь къ наукѣ. Остроградскій съ жаромъ принялся за математику и чрезъ 3 мѣсяца удивилъ Павловскаго своими успѣхами: онъ не только быстро усвоивалъ готовое, но усвоивъ тутъ же, творилъ свое. Послѣ 3-хъ-мѣсячныхъ занятій Остроградскій могъ упрощать самыя трудныя математическія формулы.

Въ 1818 г. 3-го декабря Остроградскій вышелъ изъ университета съ аттестатомъ, изъ котораго видно, что онъ въ короткое время оказалъ большіе успѣхи, какъ въ математикѣ, такъ и въ другихъ предметахъ, относящихся къ физико-математическому отдѣленію. Нѣсколько времени спустя, Остроградскій снова захотѣлъ поступить въ университетъ для усовершенствованія себя въ нѣкоторыхъ наукахъ, особенно въ прикладной математикѣ. Въ 1820 году онъ экзаменовался вмѣстѣ съ прежними студентами и имя его было превозглашено въ числѣ отличившихся, поэтому бывший ректоръ университета профессоръ математики, Осиповскій, оцѣнивъ способности и успѣхъ Остроградскаго, хотѣлъ удостоить его званіемъ кандидата, на основаніи новаго положенія о производствѣ въ ученія степени, но благодаря интригамъ экстреоординарнаго профессора Дубровича, имѣвшаго личность противъ Осиповскаго, Остроградскій званія кандидата не получилъ. Всѣ испытанія, которыми пришлось подвернуться Остроградскому во время рѣшенія вопроса: слѣдуетъ ли дать ему это званіе или нѣтъ, могли бы парализовать энергію молодаго математика; но къ счастью этого не случилось. За это время въ немъ окончательно остылъ воинскій недръ и укоренилась любовь къ наукѣ и сознаніе своихъ дарованій. Онъ поѣхалъ къ отцу и просилъ отпустить его путешествовать — поучиться у французскихъ знаменитыхъ математиковъ. Отецъ охотно согласился, но рассказываютъ, что эта его рѣшимость надѣлала много шума въ окологдѣ; поѣздка

заграницу была дѣломъ неслыханнымъ и опаснымъ для провинціаловъ того времени, поэтому родственники и сосѣди считали молодого Остроградскаго погибшимъ. Прежде всего онъ отправился въ Парижъ (1822 г.), тамъ въ Сорбонѣ и французскомъ коллегіумѣ посѣщаль прилежно лекціи. Своими блестящими дарованіями обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ французскихъ математиковъ Лапласа, Фурье, Ампера, Пуассона, Коши и съ нѣкоторыми изъ нихъ сблизился.

Въ 1825 г. Коши, въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ отзываясь объ Остроградскомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, такъ онъ говоритъ между прочимъ: „одинъ молодой русскій одаренный большою проницательностію и весьма свѣдущій въ исчисленіи безконечно малыхъ, далъ новое доказательство моихъ формулъ, помѣщенныхъ мною въ 19 тетради журнала политехнической школы“.

Извѣстія объ успѣхахъ Остроградскаго въ Парижѣ, произвели сильное впечатлѣніе въ Харьковскомъ университетѣ. Больше всѣхъ радовался Павловскій.

Въ 1826 г. Остроградскій представилъ парижскому институту мемуаръ: *Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique* *), имѣющій предметомъ рѣшеніе одного изъ вопросовъ математической физики. Изъ этого перваго труда Остроградскаго видно, что онъ послѣ 3-хъ лѣтнихъ занятій подъ руководствомъ знаменитыхъ геометровъ вполне овла-

*) Мемуаръ о распространеніи волнъ въ цилиндрическомъ бассейнѣ.

дѣль анализомъ и стоялъ на томъ уровнѣ, котораго достигли въ то время изысканія европейскихъ ученыхъ.

Отець звалъ его къ себѣ и чтобъ побудить къ скорѣйшему отъѣзду не высылалъ денегъ, между тѣмъ какъ Остроградскому хотѣлось еще остаться въ Парижѣ. Нуждаясь въ средствахъ къ жизни, Остроградскій занялъ должность преподавателя математики въ коллегіумѣ Генриха IV, откуда при оставленіи должности получилъ одобрителный аттестатъ. Вскорѣ послѣ этого Остроградскій появляется въ Петербургѣ. Приѣздъ сюда молодаго ученаго былъ чрезвычайно знаменателенъ. Около Остроградскаго собрался кружокъ любителей науки, желавшихъ ознакомиться съ новыми взглядами и методами въ анализѣ. Слушателямъ его особенно нравилась общность и изящество изложенія, заимствованныя имъ у Лагранжа и Коши. Императорская Академія Наукъ не замедлила избрать его въ адъюнкты по прикладной математикѣ въ 1828 году, вскорѣ потомъ онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго академика, а черезъ годъ ординарнаго. Многія другія ученые общества избрали его въ свои члены. Ему принадлежала одно изъ самыхъ почетныхъ для ученаго званій „члена корреспондента Парижской Академіи. Кромѣ того онъ избранъ членомъ академій: Туринской, Римской и Американской, а также почетнымъ докторомъ Александровскаго университета. Высшія спеціальныя заведенія въ Петербургѣ пригласили Михаила Васильевича преподавать математику и считали большею честью видѣть его у себя профессоромъ. Польза, доставляемая лекціями

Остроградскаго юношеству была несомненная, но тяжелая преподавательская обязанность отвлекала его отъ научныхъ занятій. Можно смѣло сказать, что еслибъ Остроградскій былъ вполнѣ обезпеченъ и не нуждался бы въ иныхъ занятіяхъ, кромѣ академическихъ, талантъ его былъ бы гораздо плодотворнѣе. Не смотря ни на что Остроградскій съ честью совершилъ свою ученую карьеру и занялъ высокое мѣсто между современными математиками.

Остроградскій между прочимъ неутомимо трудился на пользу военно-учебныхъ заведеній, гдѣ долгое время состоялъ главнымъ наблюдателемъ по математическимъ наукамъ. Для употребленія въ общихъ курсахъ кадетскихъ корпусовъ, онъ составилъ „Руководство къ начальной геометріи“.

Остроградскій издалъ 48 записокъ на французскомъ языкѣ, кромѣ того 3 его записки были напечатаны въ изданіяхъ парижской академіи наукъ и одна помѣщена въ *Bulletin scientifique de Ferussae*. Сверхъ того сдѣлалъ онъ разборъ 9-ти сочиненій, представленныхъ на соисканіе демидовскихъ премій; для военно-учебныхъ заведеній, кромѣ упомянутаго выше руководства составилъ конспектъ тригонометріи.

Самый замѣчательный трудъ Остроградскаго по чистому анализу есть мемуаръ: „*объ исчисленіи варьяцій кратныхъ интеграловъ*“. Наиболѣе замѣчательный результатъ изслѣдованій Остроградскаго въ математической физикѣ, есть выводъ общихъ интеграловъ уравненій движенія упругаго тѣла. Нѣсколько разъ Остроградскій читалъ публичные курсы, изъ которыхъ 2 на французскомъ языкѣ.

Своеобразность въ изложеніи чтеній Остроградскаго, нравилась только тѣмъ изъ его слушателей, которые были на столько развиты и подготовлены, что понимали его. Способныхъ учениковъ Остроградскій поощрялъ къ занятіямъ и отличалъ, а для бездарныхъ онъ былъ грозой. Михаилъ Васильевичъ вообще былъ веселаго характера, любилъ шутить со своими слушателями и сослуживцами; философствовалъ съ ними, рассказывалъ анекдоты и городскія новости. Онъ обладалъ хорошею памятью, зналъ много стихотвореній и особенно хорошо читалъ „Поэтъ и математикъ“. Въ душѣ онъ былъ чистый малорось и нерѣдко подшучивалъ надъ москалями.

Будучи здоровой комплекціи, Остроградскій рѣдко хворалъ и хорошо переносилъ суровый петербургскій климатъ. Въ бытность свою во второй разъ въ Парижѣ, онъ испортилъ себѣ глазъ, сталъ лечиться, но не дождавшись полнаго излеченія, отправился моремъ въ Петербургъ и дорогой простудилъ больной глазъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ совсѣмъ его лишился.

Въ 1861 г. Михаилъ Васильевичъ отправился на лѣто въ свою деревню „Долгое“ и тамъ опасно заболѣлъ; у него на спинѣ образовался нарывъ, а потомъ рана, которая истощала силы больного. Черезъ мѣсяць больной почувствовалъ себя лучше и порывался въ Петербургъ, куда призывали его обязанности службы, однако велѣдствіе ухудшенія здоровья, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и отправился только въ Харьковъ для совѣта съ лучшими докторами. На пути туда, онъ

остановился въ Полтавѣ, въ домѣ г. Старицкаго. Хозяинъ дома уговаривалъ его побережъся и не продолжать пути. Тутъ онъ опять совѣтовался съ докторами и казался началъ поправляться, но вслѣдствіе неосторожнаго употребленія пищи впалъ въ лихорадочное состояніе, затѣмъ у него сдѣлалась гнилая горячка и обнаружались признаки паралича легкихъ. Не смотря на всѣ старанія медиковъ, 20-го декабря 1861 г. въ 12 час. пополудни, Россія лишилась одного изъ выдающихся ея дѣятелей.

Тѣло покойнаго отвезено въ деревню Пашенную и поставлено въ фамильномъ склепѣ Остроградскихъ, какъ того желалъ покойный.

VII.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГЪЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ.

1799 — 1837.

Знаменитый поэтъ нашъ родился въ Москвѣ; 26-го мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, былъ изъ стариннаго рода Пушкиныхъ; мать, Надежда Осиповна, происходила изъ фамиліи Ганнибаловыхъ, родоначальникомъ которой былъ негръ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ Петра Великаго. Такимъ образомъ по рожденію Александръ Сергѣевичъ принадлежалъ къ избранному русскому дворянству. Развитіе маленькаго Александра было весьма медленное. Въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, мы не видимъ вовсе основныхъ качествъ его характера — впечатлительности, живости, энергіи, напротивъ до 7-ми лѣтъ онъ былъ робкій, тучный, неповоротливый и молчаливый ребенокъ. Надежда Осиповна любила даже болѣе другихъ своихъ дѣтей, сначала старшую дочь Ольгу, а затѣмъ младшаго сына Льва. Отецъ поэта былъ человекъ добрый, но легкомысленный: острякъ, блестящій въ обществѣ, но уже совсѣмъ не дѣловой. Воспитаніемъ дѣтей, какъ и вообще серьезными дѣлами, онъ не занимался, предоставивъ это

Александр Пушкин

женѣ, которая и старалась по мѣрѣ силъ исправлять недостатки сына. Отъ ея настойчивыхъ требованій, быть по живѣе, мальчикъ спасался обыкновенно къ бабушкѣ своей Марьѣ Алексѣевнѣ Ганибаль, гдѣ его уже никто не тревожилъ, а онъ могъ по долгу смотрѣть на ея работы. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная по своей опытности, здравому смыслу и по приключеніямъ жизни. Она владѣла также прекрасно роднымъ языкомъ: ея рѣчь и письменный слогъ приводили впослѣдствіи въ восторгъ друзей поэта. Бабушка была первой наставницей маленькаго Александра въ русской грамотѣ. Дальнѣйшее обученіе поэта было обыденное, дворянское того времени, съ цѣлой серіей гувернеровъ, гувернантокъ и велось преимущественно на французскомъ языкѣ, который и зналъ онъ за то въ совершенствѣ. По нѣмецки Пушкинъ совсѣмъ не учился, по англійски учился, но плохо, да и все вообще ученье подвигалось крайне медленно. Маленькій лѣнтяй, обладавшій замѣчательною памятью, зналъ уроки только тогда, когда спрашивали ранѣе его сестру, если же начинали экзамень съ него, то отвѣтомъ было молчанье. Первые четыре правила арифметики, которую онъ вообще плохо понималъ, стоили ему многихъ слезъ, особенно дѣленіе. Къ числу лицъ, вліявшихъ на поэта въ первомъ періодѣ дѣтства, надо отнести еще няню его Арину Родіоновну, принадлежавшую къ самому симпатичному типу нянь, ворчливо-добродушныхъ и безгранично любящихъ своихъ питомцевъ. Арина Родіоновна извѣстна своимъ знаніемъ русскаго сказочнаго міра,

который и передавала чрезвычайно оригинально пословицы, поговорки, присказки не сходили съ языка няни, и поэтъ, любившій ее всю жизнь родственною любовію, конечно ей обязанъ первымъ знакомствомъ съ народной поэзію.

Съ 9-го года у маленькаго Александра начала развиваться страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва Плутарха, потомъ „Иліаду“ и „Одиссею“, затѣмъ приступилъ къ бібліотекѣ отца своего, наполненной классиками и философами XVII и XVIII вѣковъ. Тайкомъ забирался онъ въ кабинетъ отца и проводилъ здѣсь безсонныя ночи, пожирая безъ разбора всѣ книги, попавшіяся ему подъ руку. Сочинять самъ Пушкинъ началъ очень рано: авторство (на французскомъ языкѣ) шло у него параллельно съ чтеніемъ. Прочитавъ Лафонтена онъ, началъ писать басни, ознакомившись съ Генриадой, написалъ шуточную поэму „La Tolyade“. Кромѣ того онъ любилъ импровизировать комедійки и устроилъ съ сестрою нѣчто въ родѣ театра, гдѣ актеромъ былъ онъ, а публикою сестра. Первый толчокъ къ чтенію и авторству былъ данъ Александру Сергѣевичу, конечно, примѣромъ отца, который былъ все-таки человѣкъ развитый, образованный и не чуждый литературы: онъ самъ писалъ французскіе стихи и принималъ въ своемъ домѣ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей: Карамзина, Батюшкова, Дмитріева и др. Расположеніе же къ чтенію, Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ сынѣ не только косвенно, но и прямо, прочитывая съ дѣтьми избранныя сочиненія.

11-го августа 1811 г. Пушкинъ выдержалъ пріемный экзаменъ и былъ принятъ во вновь открывавшійся царскосельскій лицей. Въ лицей характеръ мальчика совершенно измѣнился: оставаясь добрымъ и любящимъ, изъ неповоротливаго и робкаго, онъ сдѣлался живымъ, задорнымъ, расположеннымъ къ насмѣлкѣ и къ преслѣдованію непріязненныхъ личностей. Товарищи называли его за эти качества и за превосходное знаніе французскаго языка — французомъ. Несмотря на такое измѣненіе характера, расположеніе къ ученію осталось тоже. Онъ продолжалъ, правда, выказывать свою обширную, почти изумительную память, но ему не доставало продолжительныхъ, равныхъ усилій вниманія. Профессора (Кайдановъ, Куницынъ) аттестовали его даровитымъ, но мало прилежнымъ и не способнымъ овладѣвать предметами, требующими умственного напряженія. По словамъ брата поэта, Льва Сергѣевича, аттестатъ Пушкина по окончаніи курса свидѣтельствуетъ о плохихъ успѣхахъ даже въ русскомъ языкѣ. Страсть его къ чтенію здѣсь не уменьшилась и находила пищу въ довольно богатой библіотекѣ лицея. Кромѣ русской и французской словесности, онъ занимался еще исторіею и дѣлилъ между этими предметами всѣ свои чтенія. Авторство еще усилилось въ лицей. Помимо французскихъ, онъ началъ здѣсь писать и русскіе стихи. Вообще лицейское воспитаніе отличалось наклоностью къ литературѣ: воспитанниками издавались рукописные журналы, устраивались игры, на которыхъ участвовавшій долженъ былъ рассказать по-

вѣсть или продолжать начатую другимъ. На этихъ играхъ Пушкинъ передалъ, конечно, въ грубыхъ чертахъ двѣ повѣсти свои „Мятель“ и „Выстрѣль“, написанныя много лѣтъ позже. Вскорѣ первыя попытки русскихъ стихотвореній Пушкина, носившія слѣды несомнѣннаго таланта, были замѣчены. Особенно прославился онъ своими, дѣйствительно, ѣдкими и остроумными эпиграммами, жаль только, что дешевую славу, приобрѣтаемую ими, Пушкинъ предпочиталъ болѣе дѣльному отличію въ наукахъ. Не только масса, но и корифеи литературы заинтересовались даровитымъ юношею. Въ 1815 г. на публичномъ экзаменѣ Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и привелъ въ восторгъ присутствовавшего при этомъ Державина. Карамзинъ часто принималъ его у себя и бесѣдовалъ съ юношею объ отечественной исторіи. Жуковскій нарочно ѣздилъ въ Царское Село осведомляться о занятіяхъ Пушкина и прочитывалъ ему свои стихотворенія. Обладая необыкновенною памятью, Александръ Сергѣевичъ обыкновенно запоминалъ ихъ и на долго удерживалъ въ головѣ, если же случайно забывалъ какой-нибудь стихъ, то по одному этому признаку, Жуковскій считалъ послѣдній дурнымъ. Въ такихъ же нѣжныхъ, дружескихъ отношеніяхъ стоялъ къ Пушкину и А. И. Тургеневъ. Первыя русскія стихотворенія Пушкина были „Посланіе къ сестрѣ“ и помѣщенные въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г. „Къ другу стихотворцу“, „Кольна“ и др. Стихъ лицейскихъ опытовъ поэта еще очень неправиленъ, очень небреженъ, но онъ льется изъ-

подъ пера автора, повидимому, безъ малѣйшихъ усилій, хотя на самомъ дѣлѣ отдѣлка стоила ему значительнаго труда. Стихотворенія эти—подражанія отчасти французскимъ анакреонтическимъ поэтамъ, отчасти русскимъ писателямъ Батюшкову, Державину, Жуковскому и др., но въ нихъ встрѣчаются и оригинальные образы и приемы; они полны намековъ, бѣглыхъ линій, которыми поэтъ воспользовался въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ. Основной характеръ большинства изъ нихъ—веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію, что и доставило имъ успѣхъ въ публикѣ и между товарищами Пушкина.

9-го іюня 1817 года, Александръ Сергѣевичъ окончилъ курсъ въ лицѣѣ. Онъ считался 19-тымъ по выпуску и принадлежалъ ко второму разряду, т. е. имѣлъ право на чинъ 10-го класса и на 700 руб. асс. жалованья до полученія штатнаго мѣста. Его ученическая мечта была начать службу кавалерійскимъ офицеромъ, вѣдѣствіе чего, ему хотѣлось поступить въ гусарскій полкъ. Но этому рѣшительно воспротивился Сергѣй Львовичъ. Ссылаясь на недостатокъ средствъ, онъ предлагалъ сыну поступленіе въ пѣхотный гвардейскій полкъ. Последнему поэтъ предпочелъ гражданскую службу и вскорѣ былъ опредѣленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Тотчасъ по вступленіи въ жизнь, Пушкинъ бросился на удовольствія столичной жизни. Въ немъ всегда было замѣтно стараніе ничѣмъ не отличаться отъ окружающихъ его людей, а тонъ въ обществѣ

совпадалъ съ его наклонностями. Удаливость, молодечество, беззаботная растрата ума, времени и здоровья на знакомства, похождения и связи всѣхъ родовъ — составляли основу жизни золотой молодежи того времени. Для шумныхъ похвалъ сотоварищей по пирушкамъ, Пушкинъ писалъ тѣ легкія замѣтки, воспѣвавшія броженія юности, о которыхъ старался умалчивать съ людьми, понимавшими искусство. Отъ такой жизни, не смотря на крѣпость организма, развитаго гимнастическими упражненіями, поэтъ черезъ восемь мѣсяцевъ, по выходѣ изъ лица, лежалъ въ жестокой горячкѣ, приговоренный даже къ смерти докторами. Но такова сила генія: даже при такомъ образѣ жизни, талантъ Пушкина продолжалъ развиваться, и въ 1819 году достигъ самостоятельности. Правда, онъ не разрывалъ дружескихъ сношеній съ серьезными писателями: Карамзинымъ, Жуковскимъ и др. Уже по первымъ своимъ опытамъ онъ былъ зачисленъ ими въ члены литературнаго общества „Арзамасъ“, образовавшемся ради противодѣйствія неподвижному и устарѣлому обществу „Бесѣды любителей россійскаго слова“. Въ послѣднемъ царила важность, боязнь всякой новизны, въ „Арзамасѣ“ — веселость, шутка и покровительствовало все даровитое новое и живое. Къ „Арзамасу“ пристроились всѣ желавшіе новыхъ формъ для поэзіи и языка, и новыхъ источниковъ для искусства вообще. Предметами спора между обществами были сначала Карамзинъ и Жуковскій, а съ появленіемъ Пушкина, преимущественно его творенія. — Въ 1819 году, появилась, наконецъ,

настоящая Пушкинская поэзія: въ этомъ году написаны имъ такіе перлы; какъ „Элегія“ (Увы, зачѣмъ она блистаетъ...), „Уединеніе“, „Возрожденіе“ и пр. и окончена поэма „Русланъ и Людмила“, за исключеніемъ только эпилога, написаннаго въ 1820 году, на Кавказѣ. Появленіе „Руслана и Людмилы“ привело въ восторгъ публику и въ недоумѣніи литературныхъ консерваторовъ, видѣвшихъ въ ней униженіе поэзіи. Одобреніе друзей литераторовъ было также за Пушкинымъ: Жуковскій, по прочтеніи поэмы, подарилъ ему портретъ свой, украшенный надписью „ученику отъ побѣжденнаго учителя“. Мы, конечно, не считаемъ теперь Руслана за народную поэму, отдавая должное замѣчательному для того времени стиху, ее должно признать послѣднимъ блестящимъ метеоромъ, написаннымъ поэтомъ подъ вліяніемъ французскихъ писателей.

Жизнь, полная всевозможныхъ увлеченій, сопровождаемая неосмотрительностію и заносчивостію въ мнѣніяхъ и поступкахъ, сказала наконецъ въ 1820 году высылкою поэта изъ столицы. Первоначально предполагавшееся наказаніе было смягчено по ходатайству Н. М. Карамзина: Пушкинъ былъ переведенъ только изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, Генераль-Лейтенанта Инзова. Попечительный комитетъ находился въ Екатеринославль, куда и направился поэтъ. Высылка его изъ Петербурга была положительно полезна, для развитія таланта; она прервала веселую жизнь Пушкина и направила его мысли къ болѣе

серьезнымъ предметамъ, къ саморазвитію. По приѣздѣ въ Екатеринославль, онъ простудился и заболѣлъ лихорадкой. Въ это время чрезъ городъ проѣзжалъ генераль Раевскій съ семействомъ на Кавказъ. Пушкинъ отправился вмѣстѣ съ ними, скоро выздоровѣлъ и уже въ іюнѣ послалъ въ Петербургъ эпилогъ. „Руслана и Людмилы“. Кавказъ поразилъ впечатлительную натуру поэта и результатомъ поѣздки была поэма „Кавказскій плѣнникъ“ — первый опытъ Пушкина въ созданіи характера. Опытъ былъ не вполнѣ удачный, какъ это указалъ первый самъ авторъ, но не захотѣлъ передѣлывать своего творенія. Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ замѣчательны картины мѣстности природы и людей. Съ Кавказа Пушкинъ съ Раевскими отправился чрезъ Кубань въ Крымъ. И здѣсь поражала его природа: видъ моря ночью, берегъ съ его роскошной зеленью и горами и пр. Много пользы принесло поэту и самое пребываніе въ миломъ семействѣ почтеннаго Раевского, ветерана 1812 года. Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ измѣнилось и творчество его — такъ сталъ онъ писать антологическія стихотворенія, полныя жизни и чувства. Большая часть ихъ, правда, навѣяна еще А. Шенье, но Пушкинъ значительно улучшалъ его произведенія въ передачѣ (Нереида, Дорида и пр.). Къ слову: онъ мало подчинялся царящимъ мнѣніямъ, всегда былъ самостоятеленъ въ своихъ взглядахъ; такъ первый заговорилъ о А. Шенье, когда гремѣлъ еще Ламартинъ. Мѣриломъ постепеннаго нравственнаго развитія Александра Сер-

гѣевича могутъ служить его черновыя тетради, которыя онъ началъ систематически вести съ пребыванія въ Крыму. Надо отдать справедливость поэту: за исключеніемъ первыхъ двухъ годовъ, по выходѣ изъ лица, онъ чрезвычайно трудился надъ само-развитіемъ. Онъ много читалъ: тетради его полны выписокъ, замѣтокъ, мыслей, ихъ прерываютъ стихотворенія, отрывки поэмъ и черновыя письма къ друзьямъ; все это пестрится рисунками перомъ. — Результатомъ пребыванія Пушкина въ Крыму была поэма „Бахчисарайскій фонтанъ“, написанная подъ влияніемъ уже не французскихъ поэтовъ, а Байрона. Въ этой поэмѣ видимъ мы неслыханную ранѣе гармонію языка и роскошь стиховъ и описаній. Недостатки ея, какъ на примѣръ отсутствіе плана, объясняются тѣмъ, что, по словамъ самого Пушкина, онъ просто и суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ одной молодой женщины“.

Въ сентябрѣ 1820 года поэтъ возвратился къ своему начальнику по службѣ, генералу Инзову, но не въ Екатеринославль, а въ Кишиневъ, такъ какъ Инзовъ былъ уже назначенъ намѣстникомъ Бессарабіи. Служба Александра Сергѣевича была, конечно, только номинальная и позволяла ему постоянные разъѣзды: то въ имѣніе Каменку (Кіевской губерніи), принадлежавшее одному знакомому его, то въ Кіевъ, въ Одессу и т. д. Подвижность была въ натурѣ живаго и дѣятельнаго Пушкина; въ послѣдній періодъ своей жизни, уже женатый, онъ чрезвычайно часто мѣнялъ... даже квартиры свои въ Петербургѣ. Жизнь въ Кишиневѣ въ то

время была очень оживленная. Население было — сборище разнородных национальностей. Возстание греков наполнило город греческими и молдавскими фамилиями; кроме них были выходцы французские и итальянские, много русских офицеров генерального штаба, занятых съемками планов в новопробретенной области и т. д. Поэт зажил здесь прежнею светскою жизнью. Опять пошли различные развлечения, проказы, ссоры, доставлявшие не мало хлопот добродушному начальнику его Инзову, обращавшемуся с ним положительно, как отец с сыном. Частые разъезды были благодетельны для поэта — они освежали его: как в будущем „почувыв рифмы“ он убегает в имения свои Михайловское или Болдино, так в этот периодъ уѣзжаетъ въ Каменку и пр. Въ Каменкѣ написанъ, на примѣръ, „Кавказскій плѣнникъ“. Благодаря этому обстоятельству, поэтическая дѣятельность Пушкина въ Кишиневскій періодъ была весьма плодотворная. Изъ мелкихъ стихотвореній, онъ написалъ здѣсь Наполеона, Овидія, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ и пр.; изъ большихъ поэмъ, кроме Кавказскаго плѣнника и Бахчисарайскаго фонтана, — Братья разбойники и первая строфа Евгения Онѣгина. Здѣсь же онъ собралъ матеріалъ для поэмы „Цыгане“, такъ какъ въ 1822 году внезапно исчезъ на нѣкоторое время изъ Кишинева, отправился въ Измаиль и на пути присталъ къ цыганскому табору, при чемъ прожилъ нѣсколько дней жизнью кочеваго племени. Въ 1823 году генералъ Инзовъ сдалъ свою должность вновь назначенному

генераль-губернатору, графу М. С. Воронцову и управление Бессарабіей было соединено въ одной власти съ новымъ центромъ — Одессою. Пушкинъ былъ зачисленъ въ канцелярію новаго генераль-губернатора и перебрался въ Одессу. Жизнь въ Одессѣ была, конечно, еще оживленнѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ: театры, рестораны и пр. дѣлали его почти столичнымъ, но поэтъ пробылъ здѣсь недолго, такъ какъ новый начальникъ потребовалъ отъ него болѣе серьезныхъ служебныхъ занятій, на что Александръ Сергѣевичъ былъ не способенъ, вслѣдствіе чего, 8-го іюля 1824 года, послѣдовало увольненіе его отъ службы и въ томъ же мѣсяцѣ онъ переведенъ на жительство въ имѣніе своей матери, Михайловское, въ Псковской губерніи. Прощаясь съ Чернымъ моремъ, поэтъ написалъ чудное стихотвореніе „Къ морю“, которое было вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ выраженіемъ исключительнаго вліянія на него Байрона. Къ періоду пребыванія его на югѣ, относится начало страсти къ собиранію книгъ, на которыя Пушкинъ потратилъ очень много денегъ, но за то оставилъ послѣ себя отличную бібліотеку. Замѣчательно, что и въ этотъ періодъ, не смотря на путешествія, разъѣзды, свѣтскую жизнь, онъ находилъ время серьезно учиться, такъ на югѣ изучилъ онъ англійскій и итальянскій языки и много читалъ на нихъ. Онъ слѣдилъ также со вниманіемъ за ходомъ возрожденія Греціи.

Въ Михайловское Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ тревожномъ состояніи духа. Ему исполнилось 25 лѣтъ—первый пылъ молодости прошелъ,

наступилъ обычный въ жизни каждаго нравственный переломъ. Мощная натура поэта скоро осилила это состояніе и Пушкинъ еще дѣятельнѣе приступилъ къ труду и дальнѣйшему развитію. Въ Михайловскомъ онъ нашелъ теплое родственное чувство близкихъ и дорогой няни Арины Родіоновны, дружбу и наслажденіе творчествомъ въ тиши. Здѣсь приступилъ онъ къ изученію русскаго сказочнаго міра и обычаевъ народа, заслушивался по вечерамъ сказокъ няни, послужившихъ ему позже матеріаломъ для созданія уже такихъ вполне народныхъ произведеній, какъ напр. сказки о царѣ Салтанѣ, о купцѣ Остолопѣ и пр. Кроме того, онъ ходилъ по базарамъ, терся между простыми людьми, для изученія живой народной рѣчи. Такъ, между прочимъ, поэтъ доставилъ Кирѣевскому, для его извѣстнаго „Собранія народныхъ пѣсенъ“ матеріалъ по Псковской губерніи. Въ творествѣ Пушкинъ сдѣлалъ въ этотъ періодъ чрезвычайный шагъ впередъ: подъ влияніемъ изученія главнымъ образомъ Шекспира, онъ выработалъ свое понятіе о драмѣ и написалъ Бориса Годунова, любимое свое произведеніе. Здѣсь же написаны имъ „Цыгане“, шесть главъ „Онѣгина“ и „Графъ Нулинъ“.

Въ сентябрѣ 1826 года, Александръ Сергѣевичъ получилъ разрѣшеніе на вѣздъ въ Москву, а вскорѣ затѣмъ въ 1827 г. и въ Петербургъ. По прибытіи въ Москву, онъ былъ представленъ Государю Императору, который очаровалъ поэта своимъ величіемъ и добротою. Зима 1826—27 года прошла въ общественныхъ удовольствіяхъ, весною поэтъ былъ

снова въ деревнѣ и написалъ рядъ замѣчательныхъ стихотвореній, выражавшихъ его взглядъ на творчество („Чернь“, „Поэтъ“, „Эхо“, „Не дорожи любовію народной“). Последнее Пушкинъ понималъ произвольнымъ и самостоятельнымъ актомъ души поэта, независимымъ отъ требованій толпы. Съ 1826 по 1829 годъ онъ велъ обширную издательскую дѣятельность. Его произведенія расходились въ публикѣ въ небываломъ, до того времени, количествѣ экземпляровъ, на что указываетъ чрезвычайный авторскій гонораръ. Такъ за „Евгенія Онѣгина“ напр. было заплачено поэту 12 тыс. руб. асс. Въ 1828 г. самъ Пушкинъ говорилъ, что ему даютъ по 10 руб. за стихъ. Вообще онъ первый развилъ у насъ книжную торговлю. Въ 1827 году была написана первая проза Пушкина „Мысли и замѣчанія“, напечатанная въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ на 1828 годъ. За ней въ томъ же году послѣдовала повѣсть „Арапъ Петра Великаго“, пролежавшая въ портфелѣ автора до самой его смерти.

Въ началѣ зимы 1827 г. Александръ Сергѣевичъ покинулъ Михайловское и провелъ зиму то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Существованіе его въ это время было порывистое и безпокойное: такъ онъ просился даже участвовать въ турецкой кампаніи 1828 г., но получилъ отказъ. Въ этомъ году, снова въ деревнѣ, въ одинъ мѣсяцъ написана имъ замѣчательная по выразительному и простому стиху поэма „Полтава“, напечатанная въ 1829 г., непонятая въ началѣ и принятая холодно. Геніальный поэтъ былъ самъ учителемъ нашимъ въ художественности, при

томъ учителемъ постоянно двигавшимся впередъ на пути развитія. Общество не успѣвало, конечно, слѣдовать за гениемъ, оттуда разладъ и непониманіе, вызывавшія въ Пушкинѣ столько горечи. Только позже, въ 1832 году, уяснилъ онъ, наконецъ, себѣ свою роль и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на уколы критики не по разуму.

Въ мартѣ 1829 года Александръ Сергѣевичъ внезапно уѣхалъ на Кавказъ, не спросивъ даже разрѣшенія. По его собственному объясненію, онъ поѣхалъ только лечиться на водахъ, но желаніе видѣть войну увлекло его къ участию въ знаменитомъ походѣ того года подъ начальствомъ Паскевича. Онъ присутствовалъ при блестящихъ побѣдахъ этой кампаніи, былъ и при взятіи Эрзерума. Результатомъ путешествія были мелкія стихотворенія: „Донъ“, „Делибашъ“, „Кавказъ“ и пр., а также извѣстный журналъ, приведенный въ порядокъ только въ 1835 г. и напечатанный въ „Современникѣ“ 1836 г. подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Арзрумъ, во время похода 1829 года“. По возвращеніи изъ путешествія, Пушкинъ приступилъ къ новой поэмѣ „Галубъ“, но написалъ только программу ея и первый очеркъ. Это былъ первый проблескъ эпического творчества, развившагося только съ 1833 г. „Галубъ“ оконченъ былъ значительно позже, чрезъ 3—4 года. Въ 1830 г. поэтъ принялъ дѣятельное участіе въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига, и помѣстилъ въ ней много критическихъ замѣтокъ и статей. Poleмическія произведенія въ этой газетѣ, особенно въ 1831 году сопровождаемыя многочисленными ѣдкими

и остроумными эпиграммами, слишком увлекли автора, дѣло дошло до личностей и дѣятельность Пушкина за это время не соотвѣтствуютъ обычному у него чувству мѣры и изящества въ литературныхъ пріемахъ.

1830 годъ былъ особенно знаменателенъ для Александра Сергѣевича — это годъ избранія имъ супруги. Еще въ 1828 году познакомился онъ съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой, когда ей шель всего 16 годъ. Онъ былъ представленъ будущей своей невѣстѣ на балѣ и тогда же сказалъ, что участь его связана съ нею. Уже тогда своею красотою Наталья Николаевна обращала на себя общее вниманіе. Когда же въ 1830 г. молва о успѣхахъ ея на празднествахъ въ честь присутствія въ Москвѣ высочайшаго двора, достигла Петербурга, то Пушкинъ стремительно уѣхалъ въ Москву и вскорѣ сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. Въ августѣ 1830 г. онъ отправился въ имѣніе Пушкиныхъ, село Болдино, Нижегородской губерніи, для принятія той части его, которая была отдана ему отцомъ. Дорога въ Москву изъ деревни скоро была загорожена многочисленными карантинами и поэтъ поневолѣ долженъ былъ остаться здѣсь до декабря мѣсяца. Въ уединеніи онъ предался чрезвычайному творчеству, изумительному по количеству созданныхъ въ такое короткое время твореній. Такъ въ Болдинѣ написаны: „Домикъ въ Коломнѣ“, „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Донъ-Жуанъ“, четыре прощальныя строфы 8-й главы Онѣгина, около 30 мел-

кихъ стихотвореній, кромѣ того пять повѣстей (Бѣлкина), „Лѣтопись села Горохина“ и рядъ полемическихъ статей. Такую необычайную дѣятельность можно объяснить тѣмъ, что, вѣроятно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ произведеній, были готовы уже планы и содержаніе. Прибавимъ, что въ Болдинѣ Пушкинъ читалъ еще многихъ англійскихъ писателей и пересматривалъ все, что объ немъ писано въ журналахъ.

Вскорѣ по возвращеніи Александра Сергѣевича въ Москву, 18-го февраля 1831 года послѣдовало бракосочетаніе его съ Гончаровой. Новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ и поселились въ Царскомъ селѣ, гдѣ ихъ совершенно уединило развитіе холеры въ столицѣ. Въ годъ женитьбы начались и историческія изслѣдованія поэта: въ іюль ему былъ дозволенъ входъ въ государственныя архивы, для собиранія матеріаловъ по исторіи Петра Великаго. Вслѣдствіе этихъ занятій, 14-го ноября того же года, онъ вновь принятъ на службу въ государственную коллегію и съ особою милостию — жалованьемъ по 5,000 руб. асс. въ годъ, которая была началомъ многихъ дальнѣйшихъ царскихъ щедротъ. Въ Царскомъ селѣ поэтъ написалъ стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Письмо Онѣгина къ Татьянѣ“ и нѣсколько русскихъ сказокъ. Послѣднія вызваны турниромъ съ Жуковскимъ: каждый изъ нихъ обязался написать по русской сказкѣ. Произведенія Пушкина: „Царь Салтанъ“, „Купецъ Остолопъ“ и проч., были вполнѣ на-

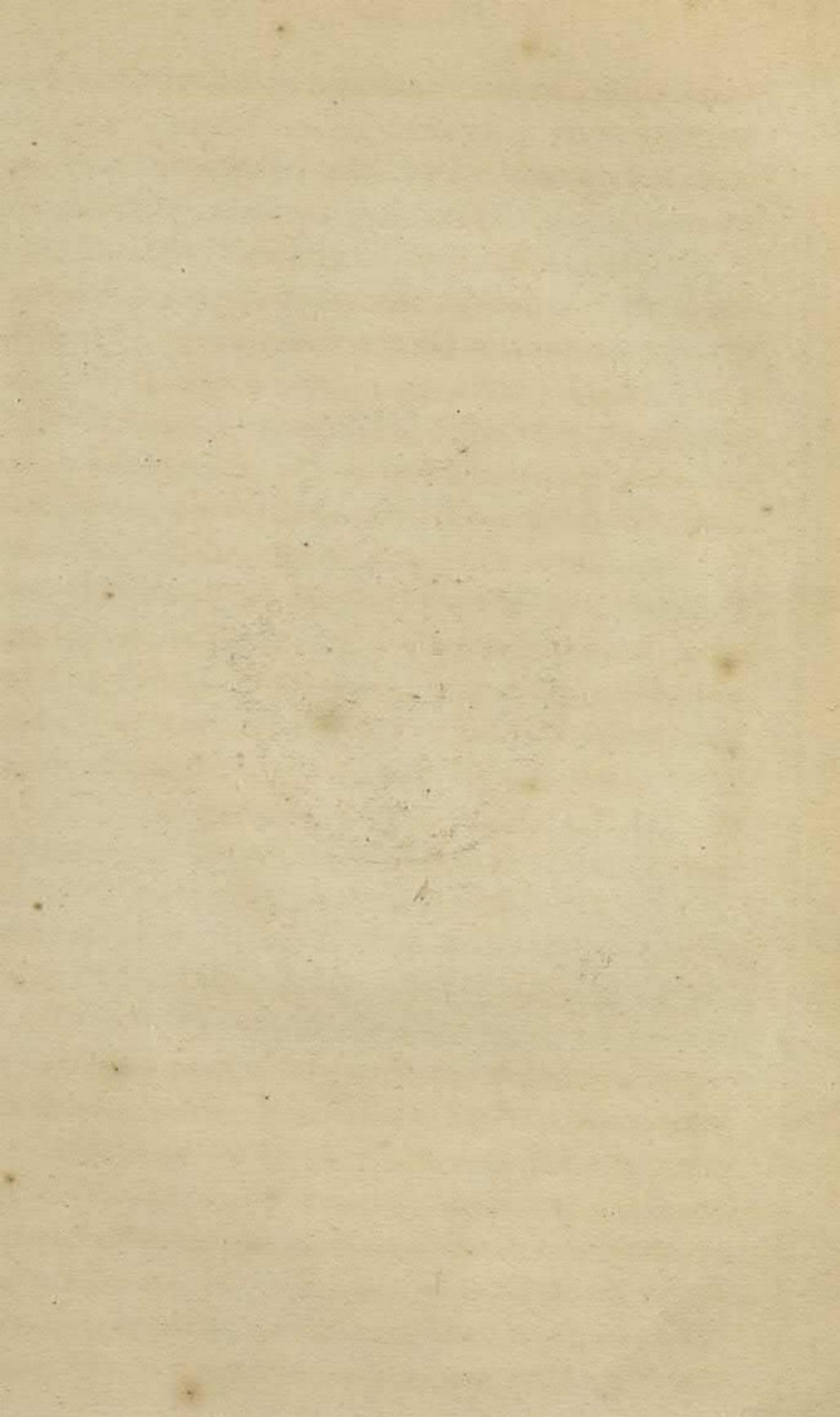
родны; сказки же Жуковского: „Спящая царевна“ и „Берендѣй“ принадлежали германскому міру, хотя сюжетъ „Берендѣя“ взятъ изъ сказокъ Арины Родионовны.

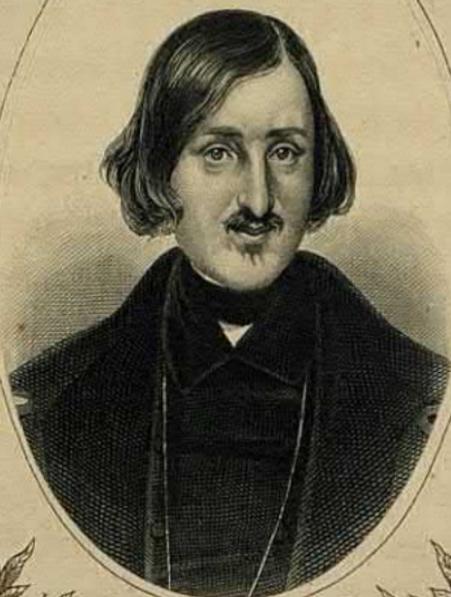
Въ октябрѣ 1831 года Пушкинъ переѣхалъ въ Петербургъ. Въ томъ же году онъ издалъ въ свѣтъ Бориса Годунова и повѣсти Бѣлкина. Первый, хотя и далъ поэту 10,000 руб., былъ принятъ холодно публикою: толпа еще не доросла до пониманія великаго творенія поэта. Въ этомъ періодѣ началось близкое знакомство его съ Гоголемъ, которому, какъ и вообще всѣмъ даровитымъ начинающимъ писателямъ, Пушкинъ оказывалъ чрезвычайное покровительство. Какъ извѣстно, сюжеты обоихъ величайшихъ произведеній знаменитаго автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ были уступлены ему Александромъ Сергѣевичемъ. Съ зимы 1832 года Пушкинъ началъ посвящать все свое время трудамъ въ архивахъ, при этомъ на ряду съ исторіей Петра Великаго, онъ заинтересовался Пугачевскимъ бунтомъ. Матеріалы для исторіи послѣдняго были вполне собраны уже къ осени 1833 года. Въ началѣ этого года онъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи Наукъ, засѣданія которой прилежно затѣмъ посѣщалъ и вообще серьезно смотрѣлъ на ученое сословіе, что доказывается нѣкоторыми статьями его, напримѣръ „Россійская академія“ и пр. Въ томъ же году написаны въ Петербургѣ имъ „Капитанская дочка“, „Дубровскій“, „Русалка“ и „Пѣсни западныхъ славянъ“. Въ августѣ поэтъ получилъ разрѣшеніе на посѣщеніе мѣсть, извѣстныхъ въ дѣятельности Пу-

гачева. Онъ посѣтилъ Казань, Симбирскъ, Оренбургъ, разговаривалъ со стариками, еще помнившими событія бунта и вернулся въ Болдино. Здѣсь написана имъ „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“ и эпическая поэма „Мѣдный всадникъ“, а также приведены въ порядокъ матеріалы исторіи Пугачевского бунта. По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ получилъ разрѣшеніе на печатаніе послѣдняго произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ награды — чинъ камеръ-юнкера и 20,000 р. заимообразно на изданіе книги. Съ 1833 года у поэта начинается развиваться религіозное настроеніе, выразившееся впослѣдствіи нѣсколькими стихотвореніями, на примѣръ „Странникъ“, „Молитва“ и пр. По словамъ друзей, онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и заучивалъ наизусть много молитвъ. 1834 годъ былъ посвященъ хозяйственнымъ хлопотамъ и семейству: Пушкинъ приготовилъ только новое изданіе повѣстей Бѣлкина и написалъ нѣсколько стихотвореній. Въ слѣдующемъ году ему пожалованы заимообразно еще 30,000, такъ что долгъ его возросъ до 50,000. Оба эти года отличаются развитіемъ многочисленныхъ знакомствъ въ обществѣ, которымъ поэтъ посвящалъ много времени, продолжая, впрочемъ, дѣятельно заниматься собираніемъ матеріаловъ по исторіи Петра Великаго и свodomъ всѣхъ сказаній о даннхъ приобрѣтеніи Камчатки Россіей. Оба эти труда, вслѣдствіе неожиданной смерти Александра Сергѣевича, такъ и остались сырыми матеріалами. Въ 1835 году имъ написаны также „Египетскія ночи“, которыя появились въ „Современникѣ“ уже послѣ смер-

ти поэта. Скоро затѣмъ, въ 1836 году, Пушкина постигло горе: онъ потерялъ мать, которую похоронилъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ. Какъ бы предчувствуя близкую кончину свою, онъ едѣлалъ въ этомъ монастырѣ вкладъ и на собственную могилу. 1836 годъ провелъ онъ, главнымъ образомъ, въ изданіи въ свѣтъ новаго, его собственнаго журнала „Современника“, о чемъ такъ давно мечталъ, и отчасти въ занятіяхъ въ московскихъ архивахъ. Для „Современника“ онъ написалъ много различныхъ статей. Поэтическая же дѣятельность его выразилась, между прочимъ, уже упомянутыми нами стихотвореніями „Молитва“ и „Подражаніе итальянскому“, выразившими религіозное настроеніе автора. Годъ этотъ былъ тяжелъ для Пушкина тѣмъ, что его уже начинала мучить клевета о женѣ, поведшая къ роковой катастрофѣ въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Пылкій характеръ поэта не снесъ клеветы: 27-го января 1837 года онъ сразился на пистолетахъ съ Дантесомъ (Георгъ Геккернъ) и былъ смертельно раненъ, а 29-го января, въ пятницу, скончался послѣ страшныхъ мученій, окруженный друзьями. Горе всей столицы было чрезвычайное: люди всѣхъ сословій приходили поклониться праху гениальнаго человѣка. Пушкинъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія и заботы о семействѣ мучили его на смертномъ одрѣ. Но Государь успокоилъ его, извѣстивъ, что принимаетъ на себя всѣ заботы объ этомъ. На самые похороны было ассигновано 10,000 руб., всѣ долги сняты и вновь назначено 50,000 на изданіе всѣхъ сочиненій.

поэта, сборъ денегъ съ котораго долженъ былъ идти на составленіе капитала дѣтей. Кромѣ того, два сына зачислены въ Пажескій корпусъ и вдовѣ назначена пенсія. Прахъ Александра Сергѣевича, по Высочайшему повелѣнію, преданъ землѣ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда).

Front

VIII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГОГОЛЬ.

1809—1852.

Гоголь родился 19-го марта 1809 г. въ Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Отець его, Василій Афанасьевичъ Гоголь Яновскій (Гоголь откинулъ вторую половину своей половины и, въ послѣдствіи, просилъ мать свою адресовать письма „просто Гоголю“, „потому что“, прибавлялъ онъ шутливо, „кончикъ моей фамиліи я не знаю гдѣ дѣлся; можетъ быть, его поднялъ кто нибудь на большой дорогѣ и носить, какъ свою собственность“) жилъ съ семьей въ усадьбѣ своей, Васильевкѣ, въ которой, такимъ образомъ, протекло раннее дѣтство знаменитаго писателя. Семья Василія Афанасьевича служила центромъ кружка образованныхъ людей тамошней мѣстности. Самъ онъ славился какъ талантливый юмористическій рассказчикъ, выписывалъ столичные журналы, устраивалъ домашніе спектакли, даже писалъ комедіи. Подобная обстановка, разумѣется, должна была вліять самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе умственныхъ способностей Николая Васильевича. Сначала отецъ помѣтилъ его, вмѣстѣ съ другимъ сыномъ, скоро

умершимъ, въ Полтаву, для приготовленія въ мѣстную гимназію, но затѣмъ, по открытію въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, въ 1821 году отдалъ его туда на полный пансіонъ. Прилежаніемъ Гоголь не отличался, кромѣ того занимать-ся серьезно ему мѣшало и его крайне слабое здорье. Въ письмахъ къ отцу онъ то и дѣло жалуется на боль въ груди и нервное разстройство. Переходитъ изъ класса въ классъ и кончитъ курсъ (въ 1828 г.), правда, съ грѣхомъ пополамъ, ему удалось только благодаря его блестящимъ способностямъ.

Впрочемъ, если ученье его въ гимназіи и не подвигалось особенно хорошо, то умственное его развитіе свершалось довольно быстро. Онъ съ жадностью накидывался на книги, выписывалъ ихъ самъ на свои карманныя деньги, просилъ отца высылать ему журналы, самъ писалъ для себя и товарищескаго кружка, устраивая спектакли и пр. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ, и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею

пріятностью. Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго“.

Усиленное чтеніе и литературныя занятія, очень естественно, вліяли на раннее умственное развитіе Гоголя. Такъ, напримѣръ, изъ воспоминаній Кулиша, намъ извѣстно, что онъ, будучи 16—17 лѣтнимъ юношей уже отлично зналъ человѣческое сердце и умѣлъ затрогивать самыя тончайшія жибры его, чему свидѣтельствомъ служить приводимый имъ анекдотъ. Гоголь, прогуливаясь, увидѣлъ на завалинкѣ бабу съ ребенкомъ, подсѣлъ къ ней, вступилъ въ разговоръ и распространился о дальнѣйшей судьбѣ ея сына: какъ онъ выростетъ, станетъ пьянствовать, буянить, бить ее, какъ сопьется съ кругу и угодить въ солдаты. Гоголь такъ искусно развивалъ свою идею, рисовалъ такія яркія картины, что баба, поругавшись съ нимъ предварительно, ударилась, наконецъ, въ слезы. Гоголь посидѣвъ немного, началъ утѣшать огорченную мать, незамѣтно перешелъ къ изображенію судьбы совершенно противоположной, насказалъ ей всякихъ благополучій (и разбогатѣетъ-то ея сынъ, и въ контору-то попадетъ, и приказчикомъ-то сдѣлается), такъ что баба совсѣмъ просіяла.

Первыя литературныя опыты Гоголя носятъ на себѣ слѣды господствовавшаго тогда въ литературѣ романтическаго вкуса: стремленіе къ возвышеннымъ предметамъ и высокому слогу. Въ такомъ, именно, духѣ написанъ имъ „Гансъ фонъ - Кюхельгартенъ“, изданный Гоголемъ въ первый же годъ по приѣздѣ въ Петербургъ и затѣмъ, подѣ вліяніемъ насмѣшекъ

надъ нимъ, сожженный почти до послѣдняго экземпляра. Однако проблески самобытности видны даже и въ первыхъ, неудачныхъ его сочиненіяхъ. Сознаніе своихъ силъ возбуждало въ немъ непреодолимое желаніе обратить на себя вниманіе, стать во главѣ другихъ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ своихъ, писанныхъ имъ еще въ нѣжинской гимназіи, мы встрѣчаемъ сѣтованія на то, что „тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое“! Изъ тѣхъ же писемъ мы можемъ вывести заключеніе, что Гоголь, съ самой ранней юности, былъ склоненъ къ мечтательности и мистической вѣрѣ въ предопредѣленіе. Въ 1825 году, по случаю смерти отца, онъ писалъ матери о душевномъ своемъ настроеніи слѣдующее: „Къ вечеру я примѣтилъ въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія къ Всевышнему. Благословляю тебя священная вѣра! въ тебѣ я нахожу истинное утѣшеніе и утоленіе своей горести“.

Тотъ внутренній разладъ, та двойственность натуры, которая выступила съ необыкновенною яркостью въ послѣдніе годы жизни Гоголя, повидимому, таилась въ немъ и въ юношескомъ возрастѣ. По крайней мѣрѣ, не задолго до своего выпуска, онъ пишетъ матери, что онъ для всѣхъ почитается загадкою, и никто не разгадалъ его совершенно. „У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей.

Вѣрите ли, что я внутренно смѣялся надъ собою съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый скромный, тихій, учтивый; въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и пр.; въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до крайности, у иныхъ—умень, у другихъ—глушь“.

Въ 1829 году Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ опредѣлиться на службу. Въ Нѣжинѣ онъ мечталъ о столицѣ, какъ о какомъ нибудь раѣ; но, разумѣется, ему очень скоро пришлось разочароваться. Средства его были крайне ничтожны и онъ испытывалъ страшную нужду, терпѣлъ и голодъ и холодъ. Скоро ко всѣмъ бѣдамъ присоединилась болѣзнь. По настоянію докторовъ въ августѣ 1829 г. предпринялъ онъ поѣздку въ Травемюнде, близъ Любека. Такъ какъ средствъ у него не имѣлось, то онъ принужденъ былъ затратить деньги, посланныя матерью для уплаты въ опекунскій совѣтъ, за заложенное имѣніе. Изъ-за границы, впрочемъ, онъ вернулся очень скоро и занялся пріисканіемъ себѣ мѣста. Впослѣдствіи Гоголь утверждалъ, что въ молодости онъ не чувствовалъ никакой склонности къ литературѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ именно съ намѣреніемъ составить себѣ служебную карьеру; но въ указанный нами періодъ времени, въ письмѣ своемъ къ матери, онъ налегалъ на то, что мѣста онъ искалъ лишь въ удобность ей.

Въ началѣ 1830 г. Гоголь получилъ канцелярское мѣсто въ министерствѣ удѣловъ съ жалованьемъ въ годъ по 500 рублей ассигнаціями. Посто-

ронней, журнальной работой онъ зарабатывалъ не болѣе ста рублей, такъ, что существовать на собственные средства онъ положительно не могъ и долженъ былъ просить помощи отъ матери. Такъ какъ послѣднее обстоятельство ужасно мучило его, то онъ всѣми силами старался выбиться изъ нужды и, даже, стремился было поступить въ актеры, но сдѣланное ему испытаніе не удалось и Гоголь оставилъ навсегда мечты о театрѣ. Гоголь чрезвычайно тяготился своей должностію. Кромѣ того, что она не давала ему средствъ къ существованію, она еще отнимала у него слишкомъ много времени, и давила его своей мертвящей скукой. Мать его все еще продолжала мечтать о блестящей служебной карьерѣ, Гоголь же всей душой рвался на иной путь, куда призывалъ его геній. Стремленія эти отчасти отражаются въ его письмахъ, хотя онъ тщательно маскируетъ ихъ риторическими, ничего не объясняющими фразами. „Безумный, пишетъ онъ напримѣръ, въ одномъ письмѣ, я хотѣлъ — было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностію свѣта... И я осмѣлился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ бесплодно“.

Въ это время Гоголь напечаталъ свою идиллію „Гансъ фонъ-Кюхельгартенъ“, о которой говорено выше. Неудача перваго опыта сильно повліяла на него и навела на мысль бросить преданья старины,

и заняться описаніемъ дѣйствительности. Петербургъ и та сфера, въ которой онъ вращался была ему еще слишкомъ мало знакома, Малороссію же онъ успѣлъ позабыть съ дѣтства; живя постоянно въ Нѣжинѣ онъ наѣзжалъ съ роднымъ лишь на короткія лѣтнія вакаціи. Задавшись однако мыслью непременно написать, что нибудь изъ малороссійской жизни, онъ прибѣгъ къ крайне оригинальному средству, а именно: просилъ мать свою сообщить ему самымъ подробнымъ образомъ объ обычаяхъ, нравахъ и даже одежды малороссіянъ. „Прошу также, добрая и несравненная маменька, прибавлялъ онъ въ припискѣ, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія“. И вотъ съ подобными-то скудными свѣдѣніи Гоголь принялся за писаніями своихъ малороссійскихъ разсказовъ и, благодаря силѣ своего громаднаго таланта, создалъ рядъ яркихъ картинъ.

Въ 1830 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина появился первый его разсказъ „Вечеръ на канунѣ Ивана Купала“ (Бисаврюкъ, малороссійская повѣсть, разсказанная дьячкомъ Покровской церкви). Хотя Свиньинъ и не рѣшился напечатать Бисаврюка безъ большихъ передѣлокъ (такъ сильно было тогда общее благоговѣніе предъ пресловутымъ романтизмомъ) но, тѣмъ не менѣе, первая попытка Гоголя на новомъ поприщѣ не прошла для него безслѣдно, такъ какъ съ этой эпохой именно совпадаетъ его сближеніе съ Пушкинымъ. Пушкинъ, впрочемъ, едва ли могъ оцѣнить Гоголя по его твореніямъ — ихъ было слишкомъ мало еще въ пе-

чати — но одинъ гениальный писатель, повидимому, предбугадалъ другаго, въ лицѣ едва только достигшаго совершеннолѣтія юноши.

Сближеніе съ Пушкинымъ не прошло для Гоголя безслѣдно, даже и по отношенію къ матерьяльному положенію. Поэтъ успѣшилъ ввести Гоголя въ свой литературный кружокъ, къ которому принадлежали, между прочимъ, Жуковскій и Плетневъ. Стараніями послѣднихъ Гоголь въ скоромъ времени получилъ штатное мѣсто и 1,000 рублей жалованья, а въ 1831 г. опредѣленъ въ Патріотическій институтъ для дѣвицъ, въ качествѣ старшаго учителя исторіи. Имѣя болѣе свободнаго времени Гоголь прилежнѣе занялся литературой. Въ 1831 году въ “Сѣверныхъ Цвѣтахъ” явилась его глава изъ романа „Гетманъ“, съ подписью 0000 (четыре 0; въ имени и полной фамиліи Гоголя буква эта повторяется дѣйствительно четыре раза), въ „Литературной Газетѣ“ два разсказа: „Учитель“ и „Успѣхъ посольства“, подъ псевдонимомъ П. Глечикъ и „Нѣсколько словъ о преподаваніи дѣтямъ географіи“ съ подписью Г. Яновъ. Въ 1832 г. изданъ имъ отдѣльной книжкой рядъ разсказовъ подъ общимъ именемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. „Повѣсти изданныя насичникомъ Рудымъ Панькомъ“. Псевдонимъ, Рудый Панько, выдуманъ Плетневымъ. Въ первой книжкѣ „Вечеровъ“ помѣщены: „Вечеръ на канунѣ Ивана Купала“ (Бисаврюкъ) съ значительными измѣненіями противъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Сорочинская ярмарка“ Майская ночь“, или „Утопленница“, „Пропавшая грамота“. Во второй — „Ночь передъ Рожде-

ствомъ“, „Страшная мѣсть“, „Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка“, „Заколдованное мѣсто“.

„Вечерами“ восторгались не только друзья писателя, но и публика. Успѣхъ ихъ былъ громаднѣйшій. Гоголь въ это время писалъ матери: „Я не знаю, какъ могутъ люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названія людей!...“ Объ измѣненіи его матерьяльныхъ средствъ къ лучшему, мы уже можемъ заключить изъ того обстоятельства, что въ апрѣлѣ 1831 г. онъ пишетъ матери, что придетъ на слѣдующій годъ въ деревню, не прося у нея денегъ на дорогу, а въ началѣ 1832 г. высылаетъ на свадьбу сестры 500 рублей. Какъ сказано выше, Гоголь чрезвычайно тяготился тѣмъ, что долгое время принужденъ былъ жить на счетъ матери; помогать своей семье было всегдашней его мечтой. Лѣто 1832 г. онъ провелъ въ деревнѣ, о чемъ съ восторгомъ сообщаетъ одному изъ своихъ школьныхъ пріятелей и зоветъ его посмотреть какъ онъ блаженствуетъ: лѣниво возвращается съ поля отъ косарей или беззаботно лежитъ подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды съ льдомъ. Въ это время слава Гоголя уже достигла и его родины. „Мы весьма знаемъ, писалъ ему въ то время изъ Лубенъ какой-то Василій Ивановичъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше (а не пасичника); это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“ очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это видѣть пріятно“.

Матерьяльное положеніе его семьи, находившее-

ся въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ, произвело на Гоголя подавляющее впечатлѣніе. Онъ сталъ снова хандрить и жаловаться на разные недуги. Прѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ Погодинымъ, Шевыревымъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Языковымъ (поэтомъ) и Кирѣевскимъ. Благодаря своей впечатлительной и воспріимчивой натурѣ, онъ вдругъ сильно увлекся исторіей и сталъ на нее смотрѣть, какъ на цѣль своего существованія, такъ что даже писалъ новому своему другу Погодину: „Главное дѣло — Всеобщая Исторія, а прочее — постороннее“.

Вернувшись изъ Москвы, Гоголь дѣйствительно собрался писать исторію Малороссіи и исторію среднихъ вѣковъ. Однако изъ этого предположенія ничего не вышло, въ прямомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, такъ какъ изъ собранныхъ имъ малороссійскихъ преданій, онъ создалъ „Тараса Бульбу“. Занявъ съ помощію своихъ друзей кафедру всеобщей исторіи въ 1834 г., онъ вообразилъ, что попалъ на настоящую свою дорогу и о литературныхъ своихъ трудахъ отзывался съ пренебреженіемъ. Первая его лекція, напечатанная въ Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія. „О среднихъ вѣкахъ“ привлекла многочисленную аудиторію и произвела извѣстное впечатлѣніе, но затѣмъ жаръ къ исторіи сталъ мало по малу потухать въ немъ и онъ принужденъ былъ сознаться Погодину, что онъ историкъ по неволѣ и давно уже „помѣшался на комедіи“. Къ концу перваго-же семестра никто не ходилъ болѣе на лекціи Гоголя, да и онъ сталъ тяготиться своей профессурою. Въ это время онъ оканчивалъ цѣлый рядъ очерковъ: „Ста-

росвѣтскіе помѣщики“, „Тарась Бульба“, „Вій“, „Портретъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“, и приготавливалъ „Ревизора“ къ постановкѣ на сценѣ. „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, была написана раньше. Въ 1835 г. Гоголь наконецъ вышелъ въ отставку. Въ томъ же году появилось новое изданіе его сочиненій въ двухъ томахъ: „Арабески“ и „Миргородъ“.

Въ апрѣлѣ 1836 года окончень, наконецъ, „Ревизоръ“. Очень возможно, что этимъ великимъ произведеніемъ мы обязаны Пушкину. Какъ извѣстно, онъ далъ сюжетъ Гоголю, рассказавъ, какъ въ Устюжнѣ одинъ проходимецъ выдалъ себя за ревизора и обобралъ жителей, но, главное, онъ своимъ вліяніемъ заставилъ Гоголя, какъ тотъ самъ признается, взглянуть на дѣло серьезно и приняться за большое сочиненіе. Слѣдуетъ замѣтить, что Гоголь писалъ своего „Ревизора“, зная Россію столько же, сколько зналъ Малороссію, приступая къ своимъ рассказамъ изъ малороссійскаго быта. Личное знакомство его съ нею, ограничивалось двумя поѣздками на перекладныхъ отъ Петербурга до Полтавы. Ни вѣрность изображенія, ни яркость красокъ, однако, не пострадали отъ этого.

Постановка „Ревизора“ на сцену встрѣтила затрудненія со стороны нѣкоторой части общества, видѣвшей въ немъ посягательство на все „святое“, Но высокое заступничество Государя спасло великое произведеніе. Гоголь отмстилъ публикѣ, написавъ „Театральный разъѣздъ, послѣ перваго представленія комедіи“. Однако, тревоженія эти разбу-

дили въ душѣ Гоголя никогда не засыпавшія въ немъ тревоги. Въ письмахъ его къ друзьямъ встрѣчаемъ прежнія сѣтованія. Долги и болѣзнь поддерживали въ немъ безпокойное состояніе духа. Мнимая неудача „Ревизора“ еще болѣе усилила въ немъ мрачное настроеніе и онъ сталъ подумывать о переселеніи въ Кіевъ. Петербургъ опротивилъ ему. Въ Кіевъ, однако, равно какъ и въ Москву, куда тоже собирался на житье, онъ не поѣхалъ. Въмѣсто того, Гоголь собрался за границу и пробылъ тамъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ только два раза побывалъ въ Россіи, да и то на короткое время. Добровольное свое изгнаніе онъ объяснялъ, какъ требованіемъ здоровья, такъ и желаніемъ заѣхать подальше отъ Россіи для того, чтобы „увидѣть Россію“. „Во все мое пребываніе въ Россіи, пишетъ онъ, Россія у меня разѣвевалась и разлеталась. Я не могъ никакъ собрать ее въ одно цѣлое; духъ мой упалъ и самое желаніе знать ее ослабѣвало. Но какъ я только выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась въ мысли моей въ одно цѣлое, желанье знать ее, пробуждалось во мнѣ вновь и охота знакомиться со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ рождалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одномъ разговорѣ я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіи недѣли“. Но этими словами далеко еще не объяснялось все. Въ душѣ его совершалось нѣчто весьма тяжкое, что онъ опредѣляетъ названіемъ „внутренней исторіи“ и „строгимъ анализомъ надъ

собственной душой“. Анализъ этотъ, какъ и слѣдовало, приводилъ его къ тревожному мечтанью; онъ то считаетъ себя ничтожнѣйшимъ изъ созданій, то гордится этимъ сознаниемъ, видитъ въ немъ выраженіе высшей, избранной природы. Выѣзжая изъ Петербурга, онъ писалъ Погодину, что ѣдетъ „глубоко обдумать свои авторскія обязанности“, что нынѣ онъ чувствуетъ „что неземная воля направляетъ его путь“.

Сюжетъ „Мертвыхъ душъ“ принадлежалъ, какъ и сюжетъ „Ревизора“ Пушкину. Гоголь предъ отъѣздомъ за границу, уже сготовилъ весь планъ въ воображеніи. Между прочимъ, онъ пишетъ о будущей своей поэмѣ слѣдующее: „чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія коренныя свойства наши. Словомъ, хотѣлось бы, чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ, какъ бы неволью весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатства и даровъ, доставшихся на его долю преимущественно предъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно предъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если

бы даже нашель ихъ въ себѣ самомъ“. Последнія слова, о лирической силѣ и силѣ смѣха указываютъ именно на ту двойственность въ характерѣ, о которой мы говорили выше, и которая привела къ такой трагической развязкѣ.

Въ 1842 г. появился первый томъ „Мертвыхъ душъ“. Въ немъ мы почти не видимъ слѣдовъ болѣзненнаго настроенія и весь онъ пропитанъ той силою смѣха, на которую такъ надѣялся Гоголь. Но злой недугъ точилъ уже безсмертнаго творца поэмы. Первый ударъ, нанесенный Гоголю судьбой, была смерть Пушкина (1837). Вѣсть эта поражала тогда всякаго, какъ громомъ. Можно вообразить себѣ какъ отозвалась она на впечатлительной и больной душѣ Гоголя. „Все наслажденіе моей жизни, писалъ онъ, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ“. Въ 1839 г. Гоголь не надолго пріѣзжалъ въ Россію для устройства сестеръ, помѣщенныхъ имъ еще въ 1832 г. въ институтъ. По возвращенію его за границу въ 1840 г. болѣзнь усилилась. Къ ней присоединилась тоска, которой, по его словамъ, нѣтъ описанія. Едва живой добрался онъ до Рима. Тамъ ожидала его новая неудача. Онъ хлопоталъ о мѣстѣ при лицѣ, которому былъ порученъ надзоръ за пансіонерами Академіи Художествъ, но получилъ отказъ. Ему пришлось сдѣлать новый заемъ подъ „Мертвыя души“, очень естественно, что болѣзненное настроеніе усилилось въ немъ, благодаря всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ. Въ письмахъ, писанныхъ имъ въ 1841 г. слѣды подобнаго настроенія встрѣчаются

все чаще и чаще. Такъ, напримѣръ, сестрѣ своей онъ отвѣчаетъ: „мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученье, возложенное на насъ Пославшимъ. Молись Ему о томъ, чтобы Онъ Самъ внушилъ тебѣ совѣтъ“. Между тѣмъ для печатанія „Мертвыхъ душъ“ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Это, разумѣется, стоило новыхъ тревогъ Гоголю. Плетневу онъ пишетъ изъ Москвы о намѣреніи своемъ совсѣмъ отложить печатаніе перваго тома и подвергнуть его передѣлкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что участь его была такая-же точно, какъ и участь втораго тома—сожженнаго имъ въ 1845 г.—если бы, по счастью, не послѣдовало разрѣшенія печатать. Издавъ „Мертвыя души“ и выпустивъ полное собраніе своихъ сочиненій въ 4 томахъ, (I „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, II „Миргородъ“, III „Арабески“,—куда присоединены новыя повѣсти: „Шинель“ и напечатанные въ „Современникѣ“ Плетнева „Коляска“ и „Носъ“, IV „Ревизоръ“, „Женитьба“ и драматическіе отрывки и сцены). Гоголь уѣхалъ за границу на цѣлыхъ шесть лѣтъ и прожилъ тамъ почти до самой смерти.

Продолжительное пребываніе за границей вдали отъ друзей, отъ благотворныхъ вліяній, подѣйствовало чрезвычайно пагубно на Гоголя. Онъ окружилъ себя лицами, настроеніе которыхъ, по его мнѣнію, ближе всего подходило къ его собственному и сталъ все болѣе и болѣе увлекаться мыслью „изучить самого себя“. Средствомъ къ самоизученію, Гоголь выбралъ переписку съ друзьями, которые высылали ему сочиненія въ родѣ „Трубы словесъ“, „Розыска“ Дмитрія

Ростовскаго и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, раздражали Гоголя чуть ли еще не болѣе первыхъ, сообщая ему слухи о немъ самомъ. Ко всему этому присоединялись еще и матеріальныя затрудненія. Въ 1845 году, впрочемъ ему было назначено отъ Государя по 1000 рублей на три года и отъ наслѣдника по 1000 франковъ; но физическое состояніе, а вслѣдствіи того и нравственное, было въ самомъ отчаянномъ положеніи. „Я мало чѣмъ лучше скелета, писалъ онъ. Дѣло доходило до того, что лицо дѣлалось зеленѣй мѣди, руки почернѣли, превратились въ ледъ, такъ что прикосновеніе ихъ ко мнѣ самому было страшно, и при 18° въ комнатѣ, я не могъ ничѣмъ согрѣться.“

Въ такомъ именно состояніи Гоголь редактировалъ свою „Переписку“, составленную изъ писемъ его къ друзьямъ изъ Швальбаха, въ половинѣ 1846 г. отправилъ онъ ея начало въ Петербургъ для печатанія, подъ названіемъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.“ Не смотря на то, что остальная часть была прислана имъ вскорѣ за первой, но книга появилась лишь въ началѣ 1847 г. и то въ сильно сокращенномъ видѣ, какъ вслѣдствіи общей цензуры, такъ и цензуры друзей. Обстоятельство это вызвало сильное неудовольствіе въ Гоголѣ.

Переписка въ публикѣ возбудила частью сожалѣніе, частью осужденіе. Нѣкоторые считали Гоголя сумашедшимъ.

Въ 1848 году Гоголь осуществилъ давнишнюю мечту свою и изъ Италіи сдѣлалъ поѣздку въ Па-

лестину, на поклоненіе Гробу Господню. Оттуда онъ возвратился съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ и поселился въ Москвѣ. Тамъ онъ съизнова написалъ нѣсколько главъ для втораго тома „Мертвыхъ душъ“, но жизненные силы видимо угасали въ немъ. Въ 1851 году онъ снова хотѣлъ было уѣхать за границу, доѣхалъ до Одессы, но потомъ вернулся въ Москву. Изнуривъ себя окончательно постомъ и молитвой, онъ умеръ отъ нервной горячки 21-го февраля 1852 г. на 43 году. Найденные послѣ его смерти отрывки втораго тома „Мертвыхъ душъ“ были изданы въ 1855 году въ числѣ пяти главъ.

IX.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ

ГЛИНКА.

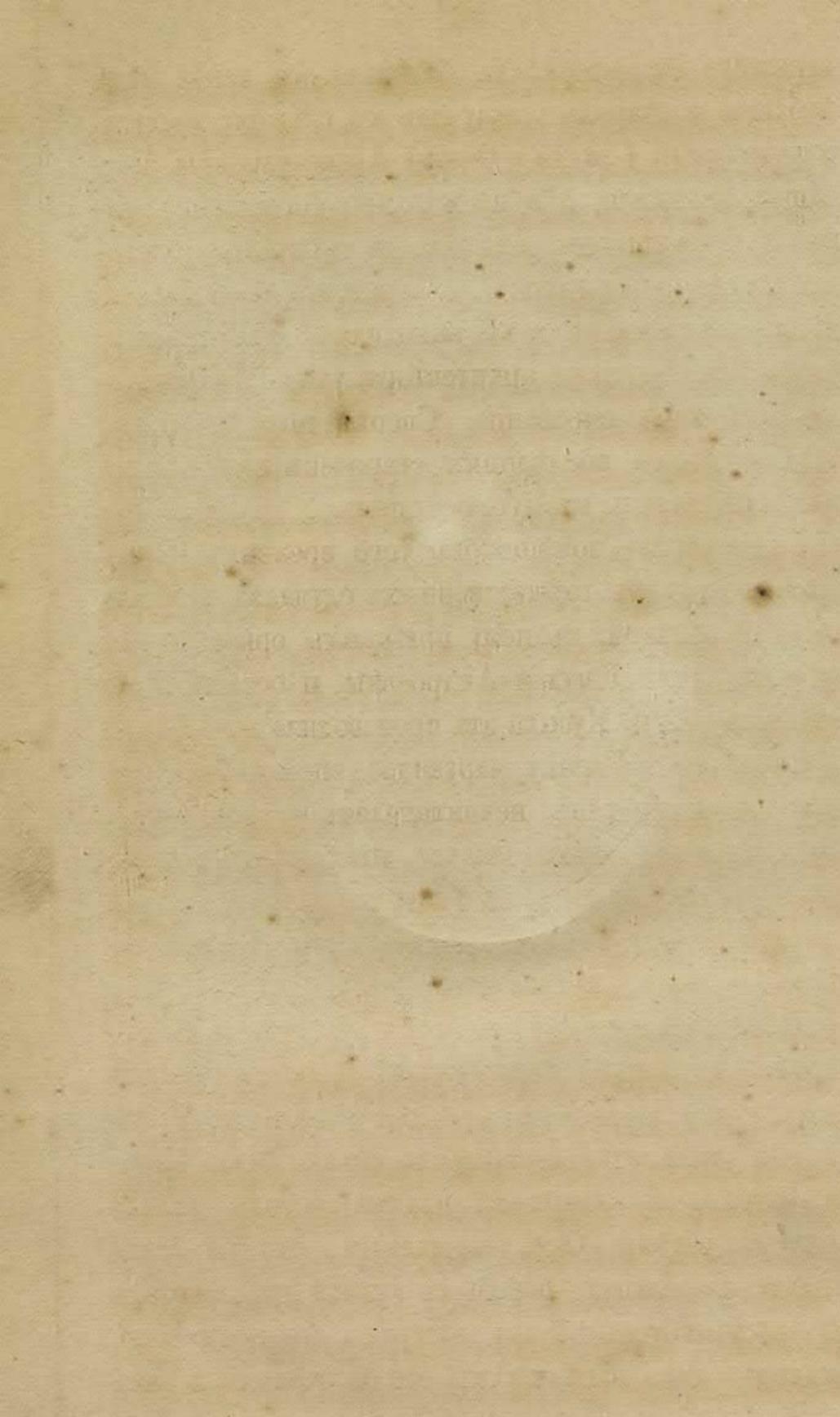
1804—1857.

Глинка родился 20-го мая 1804 г., въ селѣ Новоспасскомъ (Смоленской губерніи, въ 20-ти верстномъ разстояніи отъ гор. Ельни) принадлежавшемъ отцу его, отставному капитану Ивану Николаевичу Глинкѣ. Мать Михаила Ивановича, Евгенія Андреевна, урожденная Глинка, первоначальное воспитаніе сына передала матери своего мужа, Феклѣ Александровнѣ, въ комнатѣ которой и росъ маленькій Миша, рѣдко выдаясь съ родителями. Онъ былъ ребенокъ слабый, болѣзненный, нервный. Не смотря на баловство обожавшей его бабушки, оставался кроткимъ и послушнымъ; „недотрогою“, какъ говоритъ Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ становился лишь тогда, когда его тревожили во время занятій. Онъ очень рано выучился читать, нерѣдко приводилъ окружающихъ въ умиленіе чтеніемъ священныхъ книгъ, любилъ рисовать и чувствовалъ страсть къ колокольному звону, жадно вслушивался въ него и потомъ подражалъ звонарямъ ударяя въ мѣдные тазы.

Послѣ кончины Феклы Александровны, Глинка

Munich Germany

перешель къ матери. Та баловала его менѣе чѣмъ бабушка и старалась приучить къ свѣжему воздуху, отъ котораго Глинка у Феклы Александровны, женщины болѣзненной и не молодой, совершенно отвыкъ; старанія эти, однако, не увѣнчались благоприятнымъ результатомъ. Для присмотра за дѣтьми, кромѣ нянекъ, въ домѣ находилась французенка; отецъ нанялъ также архитектора, учившаго Михаила Ивановича рисованію. Сверхъ того, не рѣдко бесѣдовалъ съ послѣднимъ старичекъ возбуждившій въ немъ страсть къ путешествіямъ.

По обычаю помѣщиковъ того времени, Иванъ Николаевичъ въ торжественныхъ случаяхъ угощалъ сосѣдей музыкой: къ нему пріѣзжалъ оркестръ его шурина, брата Евгеніи Андреевны, и оставался по нѣскольку дней. Музыка эта производила на 10-ти—11-ти лѣтняго Глинку чарующее впечатлѣніе, онъ становился разсѣянъ, невнимателенъ и весь погружался въ неизъяснимо сладкое, томительное состояніе. Учитель неоднократно журилъ его, за то, что онъ только о музыкѣ и думаетъ. „Что дѣлать“, отвѣчалъ Глинка, „музыка душа моя“.

Первоначальное ученіе подъ руководствомъ гувернантки, плохой педагогички, требовавшей знанія уроковъ въ долбяшку, шло не блестяще. Музыкѣ она учила тоже совершенно механически. Глинка, однако, не смотря на плохой методъ дѣлалъ быстрые успѣхи. Онъ утверждаетъ, что не глядя на бессознательную любовь къ музыкѣ предпочиталъ тѣ пьесы, которыя были доступны его пониманію. Скрипачъ дяди началъ учить его на скрипкѣ, и самъ

владѣя смычкомъ не совсѣмъ свободно сообщилъ этотъ недостатокъ и Глинкѣ.

Въ началѣ зимы 1817 г. Глинка былъ помѣщенъ въ новооткрытый благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ. Преподавателями въ старшихъ классахъ были люди свѣдующіе, профессора, кончившіе курсъ въ заграничныхъ университетахъ, въ младшихъ же грубые невѣжды въ родѣ англичанина Биттона, француза Трипе и т. п. Подъинспекторъ Ив. Ек. Колмаковъ пользовался громадной популярностью между воспитанниками благодаря своей добротѣ и своему чудачеству. Глинка, мастерски передразнивавшій его, не могъ забыть его всю жизнь. Про него воспитанники сложили стихи: „Подъинспекторъ Колмаковъ, умножаетъ дураковъ; онъ глазами все моргаетъ и жилетъ свой поправляетъ“. Глинка же подобралъ къ нимъ музыку. За обѣдомъ начиналось нѣчто въ родѣ серенады. Колмаковъ прислушивается, начинаетъ догадываться о продѣлкѣ и рѣшительно направляется въ ту сторону гдѣ слышется пѣніе. Увы! подойдя близко онъ видитъ, что въ этомъ углу ученики сидятъ смиренно и прилежно жууютъ, пѣсня же раздается въ совершенно противоположной сторонѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Глинка сталъ брать уроки на фортепьяно у знаменитаго Фильда и, разумѣется, оказалъ чрезвычайно быстрые успѣхи. По отъѣздѣ Фильда, онъ продолжалъ заниматься съ ученикомъ послѣдняго Оманомъ, а позднѣе съ Цейнеромъ. Цейнеръ однако требовалъ, чтобъ Глинка теоретическіе его уроки училъ въ долбяшку; Глинка же

возмущался этимъ и потому скоро взялъ себѣ въ учителя Карла Мейера. Въ день выпуска, въ 1822 г. Глинка, въ четыре руки съ Мейеромъ, на двухъ рояляхъ сыгралъ публично А-мольный концертъ Гумеля. Занятія на скрипкѣ шли не такъ успѣшно. Въ 1819, 20 и 21 годахъ Глинка, посѣщая родителей на вакаціи, игралъ въ оркестрѣ дяди и, какъ кажется, увлекался Россиніевской музыкой. Въ Петербургѣ родители и родственники возили его въ театръ и онъ былъ въ восторгѣ отъ оперы и балетовъ. Учился Глинка по началу очень прилежно. Способности у него были богатые и онъ, въ особенности въ языкахъ (нѣмецкомъ, латинскомъ, англійскомъ и персидскомъ) оказалъ поразительные успѣхи. Но впоследствии онъ заѣдился и сталъ negliжировать ученіемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1822 г., отчасти за прежнія заслуги, отчасти благодаря ловкимъ уверткамъ онъ кончилъ курсъ первымъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса.

Такъ какъ Иванъ Николаевичъ желалъ, чтобъ сынъ его служилъ въ иностранной коллегіи, то Глинка вышедши изъ пансіона продолжалъ заниматься французскимъ языкомъ; но языкъ этотъ казался ему чѣмъ-то дикимъ и вовсе не поэтическимъ и потому успѣхи были крайне плохіе. Впрочемъ въ 1823 г. отецъ пожелалъ, чтобы Глинка воспользовался представившемся удобнымъ случаемъ для поѣздки на Кавказъ и прибегъ бы къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ. (Въ своихъ воспоминаніяхъ Глинка поясняетъ, что двоюродная сестра его, которую лечили магнетизмомъ, въ состояніи ясновидѣнія, посовѣтывала подобное лече-

ніе. Это не единственный случай, доказывающій странное суевѣріе нашего великаго композитора. Онъ вѣрилъ напримѣръ въ роковое предзнаменованіе трехъ горящихъ свѣчей и т. п.). Кавказскія минеральныя воды подѣйствовали на Глинку неблагопріятнымъ образомъ и здоровье его не только не улучшилось, а даже сдѣлалось хуже прежняго. По возвращенію въ Петербургъ, въ 1824 г. онъ опредѣлился въ канцелярію Совѣта Путей Сообщенія, помощникомъ секретаря; служба эта нравилась ему тѣмъ, что отнимала у него въ день не болѣе часа, и была причиной знакомства его съ графомъ Сиверсомъ, большимъ любителемъ музыки и его музыкальнымъ кружкомъ. Въ слѣдующемъ 1825 г. Глинкой написаны первое аллегро сонаты D-моль для фортепьяно съ альтомъ и романсъ „Неискушай меня безъ нужды“ (слова Баратынскаго). Уѣхавъ въ деревню на помолвку сестры, Глинка для „милой племянницы своей“ (Глинка предпочиталъ мужскому обществу дамское и былъ баловнемъ послѣдняго), въ Смоленскѣ написалъ варьяціи на модный въ то время романсъ *Benedetta sia la madre*, для семейства же ген. Апухтина музыку для пролога: „Кончина Александра и восшествіе на престоль государя Николая Павловича“, состоявшую изъ хоровъ и аріи. Самъ Глинка изображалъ въ ней генія. Вообще этотъ періодъ жизни Глинки слѣдуетъ назвать мечтательнымъ: онъ увлекался поэзіей Жуковскаго, сочинялъ тоскливые романсы и „любилъ поплакать сладкими слезами умиленія“.

Въ 1827 г. случилось весьма важное обстоятельство. Нѣкто Погодинъ, въ послѣдствіи сенаторъ и

гофъ-интендантъ, узнавъ, что отецъ Глинки желаетъ заняться важной операціей, основываясь на безукоризненной репутаціи Ивана Николаевича, самъ предложилъ войти съ нимъ въ долю и внесъ 500,000 руб. асс. для залоговъ. Выгода отъ этой операціи освободила имѣнія Глинки отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ долговъ. Въ томъ же году Михаилъ Ивановичъ, благодаря личнымъ и чрезвычайно мелочнымъ придиркамъ своего начальника, подалъ въ отставку.

Знакомство съ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Голицынымъ имѣло важное вліяніе на развитіе музыкальныхъ способностей Глинки. Онъ умѣлъ ободрить молодого и застѣнчиваго композитора, возбуждать его къ дѣятельности, писалъ для него стихи и выполнялъ его сочиненія. Черезъ него Глинка сошелся со многими представителями аристократической молодежи и, между прочимъ, съ камеръ-юнкеромъ Штеричемъ, съ которымъ впоследствии подружился. Съ Голицынымъ и его кружкомъ Глинка катался по Черной рѣчкѣ въ двухъ катерахъ, иллюминированныхъ фонарями и акомпанировалъ музыкантамъ на фортепьяно, прилаженнымъ къ кормѣ. Объ этихъ „серенадахъ“ писали въ „Сѣверной Пчелѣ“ и этотъ успѣхъ поощрилъ друзей-музыкантовъ къ новымъ предпріятіямъ. Такъ они дали представленіе кн. Кочубею (президенту Государственнаго Совѣта) и Глинка, въ кисейномъ платьѣ и рыжемъ парикѣ исполнялъ роль Донны Анны въ „Донъ-Жуанѣ“ Моцарта.

Глинка съѣздивъ на Иматру, плѣнился пѣсней, которую пѣлъ его ямщикъ — чухонецъ, заучилъ ее, и впоследствии употребилъ ее главною темою для

баллады „Финна въ Русланѣ,,. Въ тотъ же годъ (1829) написана имъ музыка на слова Дельвига „Не осенній частый дождикъ“, которой онъ впоследствии воспользовался для романса Антонида „Не о томъ скорблю, подруженки“. Осенью у Штерича Глинка слышалъ персидскую пѣсню. Мотивъ ея послужилъ для хора: „Ложится въ полѣ мракъ ночной“ въ оперѣ „Русланъ и Людмила“.

Здоровье Глинки между тѣмъ разстраивалось все болѣе и болѣе. Въ 1828 году, уже осматривавшій его докторъ Шпиндлеръ, объявилъ, что у него цѣлая „кадриль болѣзней“, и посоветывалъ года на три уѣхать за границу. Въ 1830 году, наконецъ состоялось это путешествіе. Глинка поѣхалъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ то время теноромъ Ивановымъ, которому, по настоянію Ивана Николаевича, былъ данъ двухлѣтній отпускъ. Сверхъ того, послѣдній обязался подпиской матеріально поддерживать Ивана, во время его пребыванія за границей.

Глинка проѣхалъ черезъ Дрезденъ, гдѣ совѣтывался съ докторами, пославшими его въ Аахенъ лечиться водами, въ Швейцарію и Италію. Жилъ въ Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ и посѣтилъ Венецію, Римъ и нѣкоторые другіе города. Два раза онъ и Ивановъ чуть не умерли отъ случайной отравы (имъ приготовили кушанье въ нелуженной кастрюлѣ). Глинка много работалъ, постоянно вращался въ кругу пѣвцовъ, композиторовъ, любителей музыки, ознакомился съ труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и писать для пѣнія. Последнее, благодаря Ноццари (тенору) и Фодоръ — русской пѣ-

вицѣ, поселившейся навсегда въ Италіи вмѣстѣ съ мужемъ французомъ. Этотъ періодъ жизни Глинки слѣдуетъ по всей справедливости назвать итальянскимъ, такъ какъ Глинка вполне подпалъ подъ вліяніе тамошнихъ артистовъ и даже поддѣльвался подъ ихъ стиль. Ложность этого пути, впрочемъ скоро была признана гениальнымъ композиторомъ, и онъ, въ послѣднее время пребыванія въ Италіи, жестоко скучалъ. Физическіе его недуги по временамъ принимали ужасающіе размѣры и доводили его до галлюцинацій. Вслѣдствіе сильнаго раздраженія нервной системы, голосъ Глинки, бывшій сиповатымъ и неопредѣленнымъ, вдругъ превратился въ звонкій и высокій теноръ. Въ Вѣнѣ Глинка прибѣгъ къ гомеопатическому способу леченія и, по его словамъ, почувствовалъ облегченіе. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, онъ попробовалъ и самъ сочинить что нибудь въ томъ же родѣ, и изобрѣлъ тему, послужившую въ послѣдствіи для краковьяка въ оперѣ „Жизнь за Царя“. Узнавъ о кончинѣ отца своего, Глинка вернулся въ Новоспасское въ 1034 году. Въ іюнѣ того же года онъ переѣхалъ въ Москву и тутъ, впервые, запала ему мысль написать оперу. Слово къ ней у него не было, но какъ онъ выражался: „въ головѣ вертѣлась „Марьяна Роша“ и онъ сочинилъ нѣсколько сценъ, вошедшіе впоследствии въ оперу „Жизнь за Царя“.

Въ 1834 г. Глинка снова намѣревался ѣхать за границу и подалъ даже прошеніе о выдачѣ паспорта; однако обстоятельства сложились иначе. Въ домѣ Стунѣевыхъ онъ встрѣтилъ ихъ родственницу, Марью

Петровну Иванову, къ которую и влюбился. Кромѣ того онъ усердно сталъ посѣщать Жуковского и тотъ не только одобрилъ намѣреніе Глинки писать русскую оперу, но даже пожелалъ самъ написать къ ней слова. Онъ же предложилъ Глинки выбрать сюжетомъ подвигъ Ивана Сусанина. Хотя Жуковскому не удалось выполнить своего обѣщанія (сочиненіе текста былъ передано Розену), тѣмъ не менѣе, его сочувствіе ободрило Глинку, вселили въ него энергію. Онъ съ жаромъ принялся работать; у него разомъ возникъ планъ цѣлой оперы и мысль противопоставить русской музыкѣ — польскую. Началъ онъ съ увертюры, которую написалъ на четыре руки для фортепьяно, съ означеніемъ инструментовки. Барону Розену пришлось подлаживать свои стихи подъ готовую музыку. Но онъ этимъ не затруднялся. „Закажешь бывало столько-то стиховъ“, говоритъ Глинка въ своихъ запискахъ, „такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложнаго и даже небывалаго — ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово“. Жуковский смѣялся, „что у Розена по карманамъ разложены стихи; скажи какого сорта надо — и бери“. Когда же стихи выходили неудачные (какъ, напр., знаменитый квартетъ „Такъ ты для земнаго житья грядущая женка моя“), тогда онъ упорно отстаивалъ ихъ и на всѣ увѣренія Глинки въ ихъ негодности, отвѣчалъ упрямо: „вы не понимаетъ, это сама лучшій поэзія“.

Въ концѣ апрѣля 1835 г. Глинка женился. Сначала онъ жилъ съ женою счастливо, но скоро дѣла приняли довольно грустный оборотъ. Глинка отли-

чавшійся добродушіемъ, винить въ томъ тещу; но судя по тому, что намъ извѣстно о женѣ Глинки, онъ и безъ посторонняго вліянія не могъ быть счастливъ съ подобной женщиной. Чтобъ охарактеризовать ее, приведемъ два случая: когда Глинка писалъ свою безсмертную „Жизнь за Царя“, жена жаловалась всѣмъ, что онъ изводитъ слишкомъ много нотной бумаги. Въ другой разъ она, при постороннихъ, обратилась къ мужу съ такой фразой: „Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ, Пушкинъ, котораго убили на дуэли!“ „Я не думаю быть умнѣе Пушкина, возразилъ ей Глинка, но изъ-за жены себя подъ пулю не поставлю“. Впослѣдствіи Глинка развѣхался съ нею, а она, отъ живаго мужа вышла за другаго. Глинка хлопоталъ о разводѣ, перенесъ много непріятностей, а къ концу концовъ бросилъ это дѣло. Позднѣе онъ увлекался многими женщинами, но особо глубокой привязанности, долгой и прочной онъ, какъ кажется, не чувствовалъ ни къ одной.

Глинку обязали подпискою не требовать за оперу вознагражденія, и наконецъ въ пятницу, 27-го ноября 1836 года она была поставлена въ первый разъ на сценѣ Большаго театра. Глинка, черезъ Гедеонова, получилъ разрѣшеніе посвятить оперу Государю Императору и потому вмѣсто „Ивана Сусанина“ названа она „Жизнь за Царя“. Успѣхъ ея былъ огромный. Тотчасъ по окончаніи спектакля Глинку позвали въ боковую императорскую ложу. Государь благодарилъ его, но замѣтилъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ. Глинка объяснилъ, что случилось

это по недоразумѣнію. По его программѣ занавѣсъ долженъ сейчасъ опуститься. Императрица и великіе князья тоже благодарили Глинку. Въ скоромъ времени онъ получилъ за оперу высочайшій подарокъ: перстень въ 4,000 руб. асс.

1-го января 1837 г. Глинка былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Въ 1838 г. въ апрѣлѣ, по высочайшему повелѣнію посланъ въ Малороссію для набора пѣвчихъ, откуда вывезъ 19 мальчиковъ и три взрослыхъ (въ томъ числѣ извѣстнаго Гулака-Артемовскаго). Онъ имѣлъ счастье представить ихъ Государю Императору и Его Величество. проэкзаменовавъ, остался очень доволенъ. Глинка получилъ награду въ 1,500 асс. Однако, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и стеченія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (ссора съ женой и проч.), Глинка сталъ тяготиться службою и вышелъ въ отставку 18-го декабря 1839 года.

Первую мысль о „Русланѣ и Людмилѣ“ подалъ Глинкѣ князь Шаховской. Айвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника — какъ извѣстно, Глинка былъ связанъ узами самой тѣсной дружбы съ братьями Кукольниками и въ домѣ послѣднихъ, съ 1835 года образовался довольно замкнутый товарищескій кружокъ, жившій одной общей жизнью — сообщилъ Глинкѣ три татарскія пѣсни, двѣ изъ которыхъ вошли въ лезгинку, а третья въ анданте, сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы „Русланъ и Людмила“. Вообще Глинка надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; но преждевременная кончина великаго поэта разрушила этотъ планъ. У Куколь-

ника, подстрекавшаго Глинку приняться скорѣй за оперу, находился нѣкто Бахтуринъ; онъ-то именно и взялся за составленіе плана и, какъ говоритъ Глинка, составилъ его въ четверть часа, подъ пьяную руку. Въ продолженіе всего 1839 года Глинка не писалъ ничего для „Руслана“. Въ этотъ годъ скончался братъ Михаила Ивановича, Андрей, и, немного попозже, произошелъ разрывъ съ женой. Самъ Глинка захворалъ серьезно — у него началась горячка, къ счастью, скоро прерванная.

27-го ноября 1842 года было первое представленіе „Руслана и Людмилы“. Пѣвица Петрова была нездорова и потому роль Ратмира отдана воспитанницѣ того же имени, не сладившей съ своей партіей. Декорации Роллера, поссорившагося съ директоромъ Геденовымъ, оказались въ 4-мъ дѣйствіи чрезвычайно плохими. Хоръ въ головѣ не удался. Потому опера была принята публикой холодно и послѣ паденія занавѣса, вмѣстѣ съ жидкими аплодисментами раздались свистки. „Выходите ли мнѣ на вызовъ?“ спросилъ Глинка Дубельта. „Иди, отвѣчалъ тотъ, Христосъ страдалъ болѣе тебя“.

Съ третьяго представленія, однако, въ оперѣ приняла участіе Петрова и публика пришла въ восторгъ. Глинка за „Руслана“ получилъ „разовые“, т. е. 10 процентовъ съ $\frac{2}{3}$ сбора. За всю зиму пришлось на долю композитора до 3 тысячъ руб. сер. Булгаринъ нещадно напалъ на новую оперу въ своей „Сѣверной Пчелѣ“, графъ же Вьельгорскій постоянно твердилъ: *c'est un opera manqué* (неудавшаяся опера).

Въ 1845 году Глинка вторично выѣхалъ за границу и, на этотъ разъ, посѣтилъ Парижъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, на концертѣ — монстръ Бермоза сыграна „Лезгинка“ и г-жей Соловьевой спѣта каватина изъ оперы „Жизнь за Царя“, „Въ поле чистое гляжу“. Но ни та, ни другая, успѣха не имѣли. Вообще Глинка подмѣтилъ, что французы — плохіе слушатели музыки и плохіе цѣнители. Самъ онъ тоже давалъ концертъ, въ которомъ, между прочимъ, исполнены были „Краковьякъ“, „Маршъ Черномора“, вальсъ—Scherzo и итальянскій романсъ „il desiderio“. Публики собралось много, были всѣ русскія дамы, но тѣмъ не менѣе Глинка понесъ 1,500 франк. убытку. Въ половинѣ мая 1845 года Глинка отправился въ Испанію, объѣхалъ большую часть ея, изучая народные пѣсни и мотивы. Въ Мадритѣ написана имъ „Хота“. Въ концѣ 1847 года, по желанію престарѣлой матери Глинка вернулся въ Россію. Скоро здоровье его опять стало разстраиваться и онъ уѣхалъ въ Варшаву. Вообще съ этихъ поръ Глинка сталъ вести самую кочующую жизнь: ѣздилъ то въ Варшаву, то въ Петербургъ, то въ Смоленскъ. Такъ продолжалось съ 1847-го по 1852 годъ. Въ это время, для оркестра князя Варшавскаго имъ написаны: „Халео“ по-пурри „Воспоминанія о Кастильи“, „Слышули голосъ твой“, „Заздравный кубокъ“, „Маргариту“ и, наконецъ, „Камаринскую“. Въ іюнѣ 1851 года, въ Варшавѣ, онъ получилъ вѣсть о смерти своей матери. Это извѣстіе такъ поразило его, что онъ получилъ нервное пораженіе въ тѣхъ самыхъ пальцахъ, которыми онъ держалъ письмо съ этимъ извѣстіемъ. Въ

маѣ 1852 года Глинка снова уѣхалъ за границу, посетилъ Парижъ и собрался было въ Испанію, но мучительныя нервныя страданія заставили его изъ Тулузы вернуться обратно въ Парижъ. Глинка грустилъ по родинѣ, мечталъ о тихой, замкнутой жизни въ домикъ съ садикомъ, гдѣ было бы достаточно мѣста для любимыхъ имъ животныхъ и птицъ. Въ это же время онъ все болѣе и болѣе сталъ пристращаться къ серьезной музыкѣ великихъ мастеровъ: Бетховена, Баха, Генделя, Глюка. Въ маѣ 1854 года онъ пріѣхалъ въ Царское село, къ сестрѣ своей Людм. Ив. Шестаковой. Въ Петербургѣ онъ много занимался съ извѣстной пѣвицей Леоновой и началъ оперу „Двумужница или Волжскіе разбойники“, куда вошли прежде написанные имъ отрывки изъ „Тарасы Бульбы“. Либретто предполагаемой оперы, къ сожалѣнію, не успѣло во время. Подъ вліяніемъ физическихъ страданій „упалъ духомъ“ и сталъ опять рваться изъ Петербурга. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1856 года онъ уѣхалъ въ Берлинъ и болѣе уже не возвращался. Въ ночь съ 2-го на 3-е февраля 1857 года Глинка скончался тихо и спокойно. Въ послѣднія его минуты никого не было въ комнатѣ; онъ умеръ, прижимая маленькій образъ (благословеніе матери) къ губамъ своимъ.

Не задолго до его смерти (9-го января 1857 года) на парадномъ концертѣ у прусскаго короля было исполнено тріо „Ахъ, не мнѣ бѣдному“. Кромѣ того, въ томъ же году собирались ставить въ Берлинѣ „Жизнь за Царя“. То и другое обстоятельство очень радовало Глинку.

Тѣло его привезено изъ заграницы 22-го мая 1857 года и погребено на кладбищѣ Невскаго монастыря вблизи могиль Крылова, Гнѣдича, Баратынскаго, Карамзина и Жуковскаго.

H. Kapamburun

Х.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ

КАРАТЫГИНЪ.

(1802 — 1854.)

Знаменитый русскій трагикъ родился въ Петербургѣ 26-го февраля 1802 г. Отецъ и дѣдъ его служили при театрѣ, въ качествѣ музыкантовъ; мать его, первокласная трагическая актриса, была чрезвычайно образованною женщиною для того времени. Въ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась, русскую словесность преподавалъ Гречъ, музыки же она училась у знаменитаго Фильда и была прекрасною пѣянисткою. Хотя родители Василя Андреевича были очень не богаты, однако они желали дать сыну фундаментальное образованіе, для чего и отдали его въ Горный корпусъ, гдѣ онъ готовился къ гражданской службѣ. Домашній театръ при Горномъ корпусѣ зажегъ впервые въ юношѣ любовь къ искусству. Находясь уже на службѣ въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, онъ часто игрывалъ въ домашнихъ спектакляхъ, гдѣ его увидѣлъ князь Шаховской, извѣстный драматургъ, и предъугадалъ его талантъ. Какъ директоръ русской труппы того времени, Шаховской старался привлечь Каратыгина на сцену и образовать его по тогдашней классической

манерѣ. Въ 1818 г. Каратыгинъ познакомился съ писателемъ Катенинымъ, совѣты котораго значительно содѣйствовали ему въ достиженіи самобытности въ игрѣ и отрѣшенія отъ ложно классическаго вліянія. На сцену Императорскихъ Театровъ Каратыгинъ выступилъ 18 лѣтъ отъ роду, въ 1820 году, въ роли „Фингала“ (трагедія Озерова) и заслужилъ единодушное одобреніе публики. Съ тѣхъ поръ началась его блистательная дѣятельность, которое можно раздѣлить на 3 эпохи. Въ первую Каратыгинъ игралъ преимущественно въ классическихъ трагедіяхъ, во вторую, когда на нашу сцену проникъ романтизмъ, Каратыгинъ явился, представителемъ героевъ новой французской драмы и въ 3-ю онъ является геніальнымъ изобразителемъ обще-человѣческихъ типовъ въ трагедіяхъ Шекспира: Гамлетъ, Отелло, Каріоланъ, Лиръ. Появленіе у насъ романтизма относится къ 1828 года и начинается „Разбойниками“ Шиллера, роль Карла Моора явилась поворотной точкой въ артистической дѣятельности Каратыгина. За Разбойниками послѣдовала новая французская драма „Игрокъ“ Дюканжа. Съ этого времени начинается періодъ наибольшей славы Василія Андреевича, дошедшей до зенита исполненіемъ роли, въ патріотической драмѣ Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“ (1834 года). Послѣ этого Василій Андреевичъ начинаетъ создавать роли одну за другой. Такъ создана имъ роль Людовика XI, въ драмѣ „Заколдованный Домъ“; а позднѣе, въ 1837 году роль Гамлета.

Въ часы свободные отъ занятій, Василій Ан-

дреевичъ, какъ и его мать, занимался литературою, отыскивалъ для себя роли и переводилъ, — исключительно новѣйшія французскія пьесы. Такимъ образомъ переведено имъ множество французскихъ драмъ, изъ которыхъ до 20 были играны на русской сценѣ. Послѣднимъ его переводомъ была драма Гюго „Бургграфы“ 1844 года. — Во время своихъ путешествій за границу, Василій Андреевичъ познакомился съ Александромъ Дюма и возбудилъ въ немъ глубокое уваженіе къ своему таланту.

Онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1854 году.

XI.

КАРЛЪ ПАВЛОВИЧЪ

БРЮЛЛОВЪ.

(1799—1852.)

Карлъ Павловичъ Брюлловъ родился въ 1799 г. О дѣтствѣ его нѣтъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній, извѣстно только, что онъ чрезвычайно рано сталъ чувствовать склонность къ рисованію и оказывалъ необычайно быстрые успѣхи въ этомъ искусствѣ. Въ 1809 году, онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, Александромъ, впоследствии сдѣлавшимся извѣстнымъ архитекторомъ, поступилъ въ Академію Художествъ пансіонеромъ. Академія, въ то время было закрытое заведеніе, преслѣдовавшее и общеобразовательныя и спеціальныя цѣли. По дошедшимъ до насъ разговорамъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что общеобразовательная часть велась неудовлетворительно. Свѣдѣнія почерпаемыя воспитанниками, оказывались отрывочными и очень скудными. Что же касается собственно спеціальной части, т. е. обученія рисованію, живописи, перспективѣ и т. д., то имъ заправляли люди знающіе и глубоко-преданные своему дѣлу. (Какъ напр. Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ и пр.), къ сожалѣнію въ то время въ Академіи царило такъ называемое

Купилъ Третьяковъ

классическое направлѣніе, т. е. педантическое и мертвенное. Историческая живопись ставилась выше остальнаго, а въ ней, на первомъ планѣ красовалось соблюденіе извѣстныхъ рутинныхъ приѣмовъ и условныхъ формъ. Очень естественно, что подобное направлѣніе наложило свою руку и на талантъ молодого художника. Брюлловъ будучи ученикомъ, считался весьма искуснымъ и опытнымъ рисовальщикомъ. Онъ изучилъ превосходно анатомію костей и мускуловъ, и потому всевозможныя изгибы тѣла, ракурсы и всякаго рода трудности были ему ни почемъ. Вѣрность рисунка давала самымъ фантазіямъ его тотъ характеръ простоты, который принадлежитъ этюдамъ, снятымъ съ натуры. По внутреннему же своему настроенію онъ былъ колористъ. Игра свѣта и тѣни, контрасты между ними плѣняли его и онъ предавался ихъ изученію съ рѣдкимъ жаромъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, въ мнѣніяхъ его относительно свѣтовыхъ контрастовъ произошелъ переворотъ. Очень можетъ быть, что со временемъ онъ совершенно сбросилъ бы съ себя все привитое къ нему извнѣ и пошелъ бы по новой, болѣе рациональной дорогѣ; но смерть слишкомъ рано похитила его у искусства. Для состязанія на золотую медаль, Брюллову и его однокурсникамъ была назначена программа „Нарцисъ, глядящійся въ воду“. Товарищи Брюллова видѣли въ ней только случай для анатомическаго этюда и тѣмъ довольствовались. Брюлловъ же пожелалъ вникнуть глубже въ свой предметъ. Онъ очень часто хаживалъ въ Строгановскій садъ, нравившійся ему кра-

сотою своего мѣстоположенія. Тамъ наблюдая за игрой свѣта солнечныхъ лучей, скользившихъ между густыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ, онъ силою своего воображенія, угадалъ, такъ сказать, всю прелесть и нѣгу полуденныхъ странъ. Мечтаніи эти помогли ему въ созданіи его „Нарциса“. Онъ показалъ отливы солнечныхъ лучей между листьями, всю разнообразную игру свѣта и тѣни и прозрачность отблесковъ въ тѣни, на тѣлѣ молодаго красавца. Слетѣвшій съ дерева листокъ держался надъ гладкой поверхностью воды, не возмущая ея яснаго зеркала. Такимъ образомъ получилась уже не одна анатомическая фигура, а цѣлая картина.

Самостоятельность молодаго художника поразила и даже утратила профессоровъ, и они обошли Брюллова (маленькаго Наполеона, какъ прозвали его въ Академіи) первой наградой. Въ 1821 г. онъ кончилъ курсъ, а въ 1822 г. онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ прилежно занялся копировкой съ картинъ древнихъ мастеровъ, а затѣмъ и оригинальнымъ творчествомъ.

Вообще большую часть своей жизни Брюлловъ провелъ за границей. Онъ объѣздилъ Италію, Германію, Грецію и былъ въ Лондонѣ, Брюсселѣ и на островѣ Мадерѣ, куда его послали доктора, такъ какъ всю свою жизнь Карлъ Павловичъ былъ человѣкомъ болѣзненнымъ и нервнымъ.

О происхожденіи знаменитаго и капитальнѣйшаго его произведенія: „Послѣдній день Помпеи“, мы знаемъ слѣдующее. Брюлловъ въ бытность свою въ Южной Италіи посѣтилъ Помпею и, затѣмъ, въ непродолжительномъ послѣ того времени присут-

ествовалъ на оперѣ Паччини „Послѣдній день Помпей“ производившей фуроръ. Брюлловъ такъ увлекся эффектнымъ сюжетомъ, что тотчасъ же начертилъ планъ картины. Противопоставленіе яркаго вулканическаго пламени и бѣлаго свѣта молніи, чрезвычайно заняли Брюллова, какъ мы сказали любившаго подобныя эффекты, и онъ съ жаромъ принялся за работу. Когда однако планъ былъ начерченъ и первый пылъ нѣсколько поостылъ, Брюлловъ понялъ, что однихъ свѣтовыхъ эффектовъ для подобной картины мало, и что планъ его страдаетъ отсутствіемъ единства. Въ возмещеніи этихъ недостатковъ, онъ придумалъ изобразить цѣлый рядъ отдѣльныхъ и трогательныхъ эпизодовъ, родъ поэмы, что, какъ мы знаемъ и удалось ему вполнѣ.

„Послѣдній день Помпей“ возбудилъ въ итальянцахъ самый горячій энтузіазмъ. Въ Римѣ и Миланѣ Брюллову были сдѣланы торжественныя оваціи. Слава его облетѣла всю Италію. На улицахъ всѣ проходящіе снимали предъ нимъ шляпу. Въ театрахъ публика вставала при его появленіи. Самъ Брюлловъ рассказывалъ, что потерявъ паспортъ, онъ былъ безпрепятственно пропущенъ карауломъ, лишь только назвалъ свою фамилію. Другой разъ, въ театрѣ, когда онъ явился въ кассу и всѣ билеты оказались распроданными, его окружила густая толпа и всѣ, даже дамы, наперерывъ предлагали ему свои мѣста.

Такой же точно восторженный пріемъ ожидалъ его и на родинѣ. Журналы разсылались въ похвалахъ его произведенію, товарищи устраивали въ честь его торжественныя обѣды, даже представители

высшаго круга считали за честь знакомство съ творцомъ „Помпей“.

Только во Франціи, гдѣ картина его появилась на выставкѣ, въ 1834 г. отнеслись къ нему холодно и произведеніе его вызвало критику. Съ тѣхъ поръ Брюлловъ къ Франціи и французамъ относился почти враждебно.

Князь Г. Г. Гагаринъ, знавшій близко Брюллова, рассказываетъ о немъ слѣдующій характерный эпизодъ. Возвращаясь на корабль изъ Афинъ (въ 1835 году), гдѣ онъ перенесъ злокачественную желтую лихорадку, Брюлловъ, благодаря врожденной своей наблюдательности оказалъ капитану корабля Корнилову, (бывшему впослѣдствіи начальникомъ черноморскаго флота и погибшему геройскою смертію при защитѣ Севастополя) и всему экипажу вообще серьезную услугу. Вѣтеръ все время дулъ противный и корабль цѣлыхъ 11 дней стоялъ въ Дарданеллахъ почти безъ движенія. Брюлловъ замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ проливъ дѣлаетъ поворотъ, стремленіе воды образуетъ обратное теченіе вблизи самаго берега и, что кромѣ того, въ моментъ захождения солнца, въ проливѣ ежедневно водворяется минутъ на пять совершенное безвѣтріе. Брюлловъ посовѣтывалъ Корнилову воспользоваться пятиминутнымъ штилемъ и добраться до попутнаго стремленія. Корниловъ согласился послѣ нѣкотораго колебанія и опытъ удался блестяще.

Изъ Афинъ Брюлловъ проѣхалъ въ Константинополь и прилежно изучалъ городъ, отъ котораго онъ былъ въ восторгѣ. Тамъ же, въ Константино-

поль, Брюлловъ занялся чтеніемъ исторіи Карамзина и послѣдствіемъ этого занятія появилась сначала мысль о возможности существованія русской національной живописи, а потомъ первая идея будущей картины: „Осада Пскова“. Идея этой картины создалась у него мгновенно и во всей полнотѣ; но впослѣдствіи онъ подвергнулъ первоначальную мысль свою многочисленнымъ измѣненіямъ. Переселившись изъ Стамбула въ Перу, Брюлловъ сталъ скучать, нерѣдко предавался кутежамъ, сталъ пить. Вино, однако, не развеселяло его и, напившись онъ дѣлался угрюмъ, строптивъ и мраченъ.

Вскорѣ онъ былъ удостоенъ званія профессора и принужденъ былъ вернуться на родину. По высочайшему повелѣнію получилъ онъ командировку въ Псковъ и тамъ занялся изученіемъ художественныхъ древностей. Знакомство съ Псковомъ однако не послужило на пользу его „Осадѣ“. Картина эта, не смотря на все старанія Брюллова, на безпрепятствныя поправки, никакъ не удавалась. Безъ того раздраженный и измученный художникъ только прибавлялъ себѣ муки своимъ трудомъ. Это не „Осада Пскова“ говаривалъ онъ, а „досада отъ Пскова“.

Вообще въ послѣдній періодъ жизни Брюллова, взгляды его на живопись значительно измѣнились. Эффекты, основанные на контрастахъ свѣта и тѣни, по его словамъ, страшно ему надоѣли. „Я хочу, чтобъ у меня все было въ свѣту, все было залито свѣтомъ, какъ у Поля Веронеза“, твердилъ онъ. Онъ мало по малу утрачивалъ свой идеализмъ; можетъ быть врожденный талантъ восторжествовалъ бы надъ

гнетомъ, наложеннымъ первоначальнымъ классическимъ развитіемъ и онъ постигъ бы силу и значеніе реализма, но, какъ мы сказали, смерть слишкомъ рано похитила его. Онъ умеръ въ 1852 г. въ маленькомъ городкѣ около Рима отъ аневризма и похороненъ тамъ же на протестантскомъ кладбищѣ Monte Festaccia. Надъ нимъ воздвигнуть памятникъ, выполненный профессоромъ Шуруповымъ.

Брюлловъ оставилъ послѣ себя такъ много масляныхъ и акварельныхъ картинъ, эскизовъ и т. п., что нѣтъ возможности перечислить ихъ всѣхъ. Мы ограничимся переименованіемъ самыхъ выдающихся его произведеній.

Кромѣ превосходныхъ копій съ древнихъ итальянскихъ мастеровъ, кромѣ картинъ: „Послѣдній день Помпей“ и „Осада Пскова“ Брюлловъ написалъ: для Казанскаго собора: „Взятіе Богородицы на небо“, для лютеранской церкви Св. Петра „Распятіе“, для Сергіевской пустыни (1840 г.) „Троицу“, для церкви на Аптекарскомъ островѣ (1845 г.) „Вседержителя“, „Богородицу“ и „четырехъ Евангелистовъ“, для домашней церкви гр. Адлерберга (1846 г.) превосходный по рисунку транспарантъ „Спаситель во гробѣ“; портреты императрицы Александры Федоровны, великихъ княженъ: Маріи, Ольги и Александры Николаевны (1837 — 1839); Елизаветы, Маріи и Екатерины Михайловны (1846); портреты: Жуковскаго, гр. Перовскаго, Демидовой, Н. Кукольника, А. Брюллова (1846) кн. Оболенскаго и многихъ другихъ; жанровыя картинки: „Турчанка“, „Турецкое кладбище“, „Прогулка султанскихъ женъ въ лодкѣ“, „Одалиска“,

„Утро“ и „Полдень“. „Прогулка на островѣ Мадерѣ“, „Кардиналь Ришелье, танцующій передъ Анной Австрійской“ (рисованы акварелью и карандашемъ); картины мифологическія „Эндиміонъ и Діана“ и др. Имъ же начата, но, къ сожалѣнію, недокончена (по совершенно разстроившемуся здоровью) разрисовка Исаакіевскаго плафона. Работа эта, по проектамъ и эскизамъ Брюллова dokonчена профессоромъ П. Басинымъ.

ХП.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ПИМЕНОВЪ.

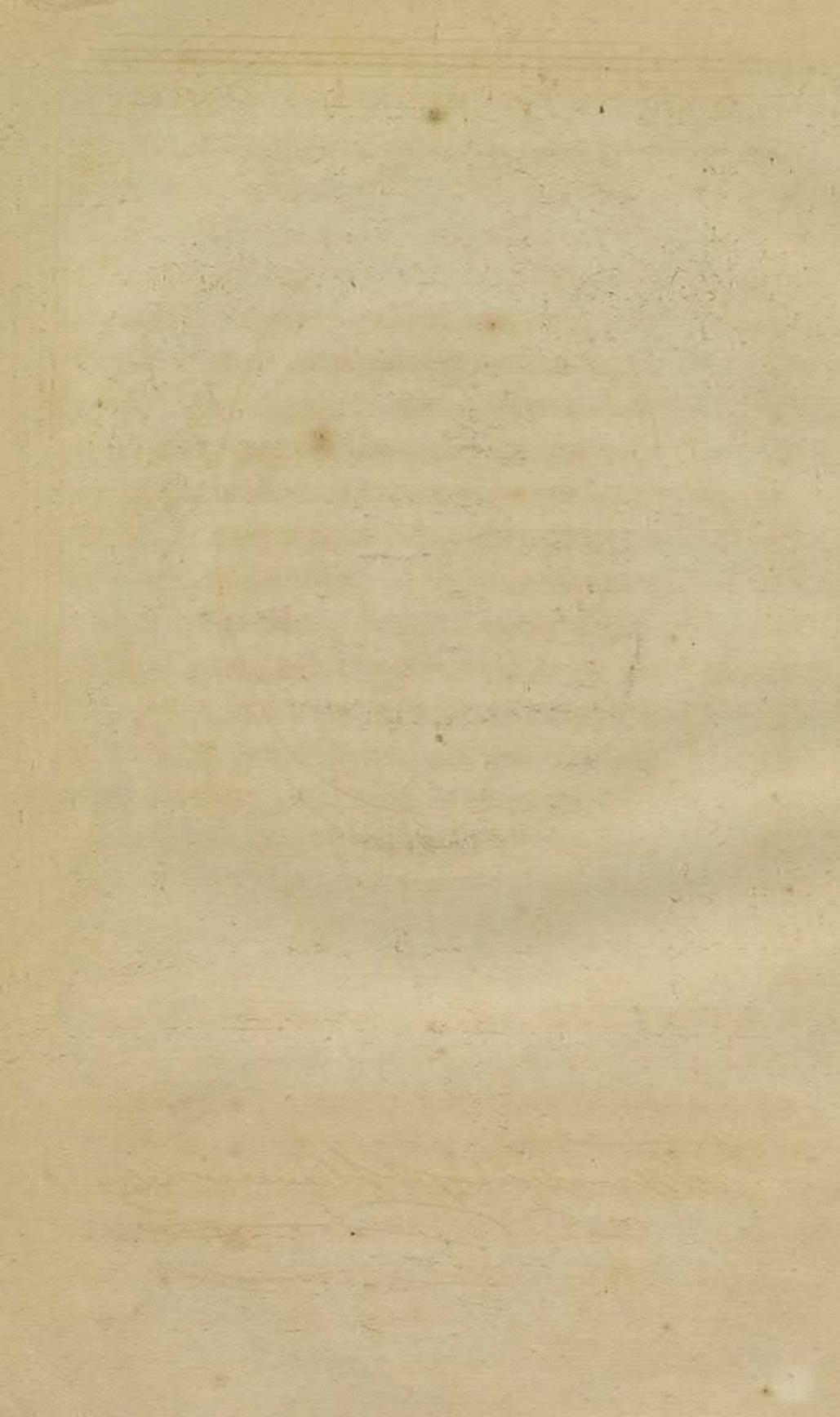
(1812 — 1864).

Николай Степановичъ Пименовъ, скульпторъ, сынъ скульптора, профессора Императорской Академіи Художествъ, родился 24-го ноября 1812 года въ Петербургѣ, въ маленькомъ домикѣ въ 3-й линіи, занятомъ отцомъ его, какъ должностнымъ лицомъ, при квартирѣ имѣвшемъ мастерскую, доступную публикѣ и скульпторамъ. Среди художниковъ росъ талантливый ребенокъ, начавшій лѣпить раньше, чѣмъ принялся за карандашъ, а карандашемъ владѣвшій опять-таки раньше посѣщенія рисовальныхъ классовъ Академіи.

Двѣ серебряныя медали даны Н. С. Пименову за композиціи барельефовъ, изъ которыхъ первый былъ исполненъ имъ въ 18 лѣтъ отъ роду. Несмотря на ранній возрастъ композитора, „явленіе ангела Агари въ пустынь“ — такой барельефъ, который можно бы смѣло приписать опытному мастеру. Такое начало, заставляло предполагать блестящую будущность, и надежды эти дѣйствительно оправдались. Въ двадцать лѣтъ отъ роду, Николай Степановичъ принялъ на себя окончаніе работы покойнаго отца, а именно колоссальныя статуи для фасада зданія Правительствующаго Сената, по-

Творецъ и художникъ
С. С. С.

строенаго К. И. Росси. Академія поручилась передъ правительствомъ за молодаго художника, и юный скульпторъ блистательно оправдалъ это довѣріе. Его статуи „Законъ и Правосудіе“ считаются лучшими на всемъ фасадѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Степановичъ успѣлъ окончить къ сроку и свой программный барельефъ „Гекторъ въ ложницѣ Елены, упрекаетъ Париса въ бездѣйствіи“, — за который получилъ 2-ю золотую медаль.

Тогда (1833 г.) въ Академіи Художествъ былъ такой порядокъ, что удостоенные 2-ой залотой медали при выпускѣ, оставались на три года для выполнения программы на 1-ую золотую медаль, дававшую право на пенсіонерство въ Италиі. Пименовъ былъ въ числѣ 10-ти подобныхъ кандидатовъ, имѣя соперникомъ сына священника Академической церкви Александра Васильевича Логановскаго, отличавшагося искусствомъ лѣпки, но не обладавшимъ даромъ творчества. Логановскому видимо покровительствовалъ ректоръ Академіи И. П. Мартосъ и, для того, чтобы соперничество съ талантливымъ Пименовымъ не оказалось свыше силъ Логановскаго, выбралъ для программы обнаженныя фигуры, надѣясь замаскировать недостатокъ творчества въ Логановскомъ мастерской копировкой. При такой задачѣ, казалось, талантъ Пименова былъ окончательно связанъ, тѣмъ болѣе, что и натурщика съ изящными формами дали Логановскому. Но, послѣднее обстоятельство послужило Пименову лишь на пользу: онъ не сталъ рабски слѣдовать натурѣ, а приложилъ все свое стараніе, дабы придать фигурѣ жизнь

и движеніе. Народность въ творческомъ трудѣ талантливаго скульптора нашего сохранилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ получился граціознѣйшій образъ идеальнаго „бабочника“, которому, говоря безъпристрастно оказывался уже не подѣ пару тяжеловатый „сваячникъ“ Логановскаго, рабски сработанный съ натурщика. Разница была такъ поразительна, что рѣшивъ заранѣе доставить пенсіонерство Логановскому, Мартосъ не могъ не дать 1-ой медали Пименову, дерзкому на слова и говорившему, что тогдашніе его учителя „если всѣхъ вмѣстѣ взять — мизинца Козловскаго не стоятъ“. Безсмертный поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ, посѣтивъ выставку 1836 г., при первомъ взглядѣ на трудъ Пименова, сказалъ: „Слава Богу! наконецъ и скульптура въ Россіи явилась народная“. Постоялъ передъ статуею довольно долго, написалъ въ своей записной книжкѣ слѣдующее четверостишіе:

„Юноша трижды шагнулъ, наклонился рукой о колѣно

„Бодро оперся, другой — поднялъ мѣтеую кость.

„Вотъ ужъ прицѣлился..... Прочь! раздайся народъ
любопытный;

„Врозь раступись: не мѣшай русской удалой игрѣ“.

Растроганный поэтъ, вырвалъ листокъ изъ книжки, и съ пожатіемъ руки, передалъ его неменѣе растроганному художнику. Неблаговоленіе начальства выразилось только дачею Пименову 2000 руб., а Логановскому 3000 рублей, за модель статуи подѣ бронзу. По волѣ Императора Николая I вылитые

изъ металла статуи Пименова и Логановскаго, поставлены въ Царскосельскомъ саду, у подъѣзда Александровскаго дворца, и даютъ каждому желающему возможность самому рѣшить: чья лучше работа? Съ окончаніемъ ея, въ іюль 1837 года, Н. С. Пименовъ поѣхалъ въ Римъ; немного ранѣе онъ занялся выполненіемъ колоссальнаго бюста генераль-маіора Бахтина, и нарочно ѣздилъ въ Орель для лѣпки головы съ натуры; постановка бюста (бронзоваго) въ корпусной залѣ совершилась, когда уже онъ былъ въ Италіи.

На пути въ Римъ, Пименовъ съ двумя товарищами (живописцемъ Завьяловымъ и архитекторомъ Кудиновымъ) по случаю холеры въ 1837 г. — останавливался въ Вѣнѣ. Они пробыли въ Австріи до лѣта 1838 г.; Пименовъ занялся въ это время живописью, которую не оставлялъ и въ первое время по прибытіи въ Римъ. Въ Вѣнѣ написаны имъ „два отдыхающіе Словака“: а въ Римѣ голова Микель Анджело и другаго художника вѣка возраженія, находящіяся теперь въ Музеѣ Императорской Академіи Художествъ. Особенно хороша голова Буонаротти, чтимаго имъ болѣе всѣхъ остальныхъ старыхъ мастеровъ.

Наставникомъ своимъ Пименовъ выбралъ флорентійскаго скульптора Бартолини, незамѣчая сперва его односторонности во взглядѣ на искусство. Бартолини выше и прежде всего цѣнилъ выраженіе, не гонясь за благородствомъ и граціею формъ. Поддавшись его теоріи, Пименовъ скоро почувствовалъ, что въ погонѣ за выраженіемъ нельзя

въ тоже время терять изъ вида и изученія формъ. Усиленно принявшись наверстывать потерянное время, художникъ нашъ на столько пристрастился къ штудированью, что съ примѣтною робостью и неохотою принялся за собственную композицію „мальчика, просящаго милостыню“. Круглая фигура выполнена имъ очень удачно, хотя, недовольный своимъ техническимъ выполненіемъ, Пименовъ не одинъ разъ ломалъ и передѣлывалъ цѣлыя части своей статуи. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, тогда Наслѣдникъ Престола, посѣтивъ Италію, посѣтилъ и студию Пименова, заказавъ ему „нищаго“ выполнить въ мраморѣ. Это произведеніе (1842) находится въ Петергофѣ, въ верандѣ павильона на островкѣ. Послѣ Августѣйшаго заказа, Пименовъ выполнилъ еще экземпляръ своей статуи, для графа С. С. Уварова (1844 г.) А. Я. Нелидова (въ Курскѣ) и Судіенко (въ Кіевѣ).

Выполнивъ „Нищаго“ въ первый разъ, Пименовъ вылѣпилъ „мальчика подкрадывающагося къ бабочкѣ сидящей на деревѣ, изъ дупла котораго выползшая змѣя, готова ужалить въ пятку шалуна“. Эту группу хвалили, но находили не совѣтъ удачною и выраженіе лица грубымъ, хотя формы тѣла мальчика были очень изящны, а лѣпка ничего почти неоставляла желать въ техническомъ отношеніи. Неудовлетворяясь самъ „ловящимъ бабочку“, — Пименовъ выполнилъ граціознаго мальчика, „кормящаго птичку, вышедшую изъ гнѣзда“; эту статую выполнилъ онъ для Великой Княгини Маріи Николаевны и она украшаетъ одну изъ залъ Маріинскаго дворца. Но, эти

мелкія такъ сказать занятія, не вполне занимали мысли художника, талантъ котораго успѣлъ получить достаточное развитіе. Въ 1844 году, онъ прислалъ въ Петербургъ (съ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, Кривцовымъ) модель богатыря „Янъ Усмовичъ съ быкомъ“. Видѣвшій эту группу въ Римѣ, въ 1847 г. — недавно умершій, профессоръ Московскаго университета Ѳ. Вас. Чижовъ — плѣнился ею до того, что воротаясь въ Москву, подбивалъ тамошнихъ капиталистовъ на заказъ, въ складчину, выполненія изъ бронзы „Яна Усмовича“ для фонтана, могшаго украсить Иверскую площадь Бѣлокаменной, — гдѣ одна только Красная имѣла памятникъ Минину и Пожарскому. Пименовъ, въ этихъ видахъ написалъ объясненіе къ своему проекту (выполнивъ модель уже во Флоренціи), въ 1844 г. Въ это время онъ женился на дочери извѣстнаго антикварія, Антоніо Нибби, красавицѣ Корнелии, вызвавъ преслѣдованіе папской власти, недававшей ему покойно жить въ Римѣ. Уѣхавъ поэтому во Флоренцію, Н. С. Пименовъ долженъ былъ здѣсь поселиться, на первыхъ же порахъ занявшись прибавкою къ „Яну Усмовичу“ двухъ другихъ группъ, богатырей „Горыни“ и „Дубыни“, поражающихъ трехглавыхъ чудовищъ. Изъ соединенія ихъ составлялась срѣдняя группа „фонтанъ Богатырей“, пьедесталь для котораго имѣлъ боковыя впадины (низкія ниши) служившія помѣщеніемъ лежащихъ фигуръ четырехъ русалокъ, да рѣкъ Волги и Днѣпра. Изъ сосудовъ въ рукахъ рѣкъ могла литься широкими потоками вода, выше которой красовалась роскошная, полная движенія и силы — тройственная

группа борцовъ за Русь, по народнымъ пересказамъ. Вмѣстѣ съ богатырями, Пименовъ обработывалъ по предложенію Монферрана, эскизы сидящихъ группъ четырехъ евангелистовъ, въ паруса Исаакіевскаго собора. Выполнивъ три группы въ глинь, — когда оставался въ рисунокѣ только св. Маркъ, Пименовъ узналъ, что рѣшеніемъ комиссіи техниковъ (между которыми былъ однимъ изъ вліятельныхъ голосъ медальера-вице-президента Императорской Академіи Художествъ) скульптура въ парусахъ найдена тяжелою и не эффектною. Хотя золоченныя рельефы по своду выполнены декоративно и вышли эффектными. Дѣло въ томъ, что графъ Толстой взялъ на себя скульптуру входныхъ вратъ въ соборъ, но не получилъ заказа въ парусахъ.

Пименовъ между тѣмъ сжился уже съ идеею круглыхъ фигуръ для священныхъ изображеній и мысль художника создавала грандіозныя типы, полныя величія и характера. Остановить вдругъ настроеніе творчества было немислимо. Поэтому, имѣя энергичную фигуру „Каина“ скомпанованную и вылѣпленную изъ глины въ небольшой модели, еще въ 1839 году, — Пименовъ, въ pendant создалъ „Молящагося Авеля“, но статуя эта ни чѣмъ несоотвѣтствовала первой и не улучшалась при двухъ передѣлкахъ. Неудача въ „Евангелистахъ“, сгладилась отъ возникшихъ новыхъ надеждъ, возбужденныхъ милостію Монарха. Прибывъ во Флоренцію, по пути въ Россію, Императоръ Николай I, 10-го декабря 1845 года посѣтилъ студию Пименова и остался восхищеннымъ его трудами. Государь лично выразивъ свое благо-

воленіе талантливому ваятелю, благоволилиъ заказать ему „сочинить проекты шести группъ, для украшенія постоянного моста черезъ Неву“. Въ исполненіе Высочайшей воли, Пименовъ сочинилъ и нарисовалъ карандашемъ и перомъ подъ гравюру, восемь проектовъ. Изъ нихъ, *четыре* (2, 3, 4 и 5) выбраны были Государемъ для постановки по сторонамъ моста, на обоихъ берегахъ Невы, а проектъ подъ № 1. „Торжество надъ водною стихіею“—тема самаго Государя — назначался для помѣщенія при раздѣлѣ подъемныхъ сѣздовъ съ моста, на мѣстѣ теперешней часовни св. Николая, построенной Штакеншнейдеромъ. Проектъ этотъ, самимъ художникомъ цѣнимый выше всего, что ему удавалось скомпановать, заключался въ группѣ изъ четырехъ аллегорическихъ фигуръ, на подножіи изъ куска необдѣланнаго камня, украшеннаго четырьмя тритонами.

Второй проектъ Пименова выражалъ „торжество христіанства въ Россіи“ и представлялъ *низверженіе идоловъ* при Владимірѣ. Съ рисунка своего выполнивъ модель группы Пименова, въ 1854 г. послалъ ее на всемірную выставку, въ 1862 г. Третій проектъ группы на Николаевскій мостъ выражалъ „охраненіе русскихъ предѣловъ“, представляя *Александра Невскаго*, послѣ совершенной побѣды, вкладывающаго мечъ въ ножны, и возносящаго благодареніе Богу; аллегорія *Москвы*, въ группѣ изъ трехъ фигуръ, на пьедесталѣ, украшенномъ четырьмя геніями, были четвертымъ проектомъ Пименова, а аллегорія *Петербурга* — пятымъ. Геніи на пьедесталѣ здѣсь были тоже, но фигуръ было не три, а четыре въ группѣ. *Новгородъ*, съ фи-

гурою старца Волхова, былъ темою шестаго проекта, *Сибирь* — въ группѣ изъ восьми фигуръ была темою седьмаго проекта, а *Казань* — восьмаго, „низверженіе идоловъ“ и „Александра Невского“ назначилъ Императоръ Николай I поставить по сторонамъ нынѣшней часовни, съ края моста къ водѣ, группы же „Петербургъ“ и „Москва“ — при вѣздѣ на мостъ, со стороны Англійской набережной. Позволительно думать о величїи эффекта, такъ украшеннаго моста, по мысли талантливаго художника, четыре года посвятившаго на композицію, настолько грандіозныхъ предназначеній. Думая объ этомъ, невольно приходитъ въ голову широкость задуманнаго по заказамъ папы Юлія II, Микель Анджеломъ Буонаротти, выполниваго большую часть своихъ геніальныхъ предположеній. Видно, что избитая фраза *хорошенькаго по немножку*, для всего великаго и въ искусствѣ, какъ въ жизни, оказывается чуть не непреложнымъ закономъ, дѣлая судьбу нашего Пименова, во многомъ схожею съ участію Микель Анджело, любимаго имъ мастера, которому онъ силился подражать и котораго личность, изготовивъ строго вѣрный костюмъ, представлялъ на пышномъ маскарадѣ въ Императорской Академіи Художествъ, въ 1861 году.

Чтобы остаться вѣрными себѣ въ точности передачи всего, что извѣстно намъ о Пименовѣ, предстоитъ упомянуть, послѣ проектовъ, оставшихся только въ идеѣ, да въ эскизахъ работы художника менѣе цѣнные, дошедшія до осуществленія, въ бытность его въ Италіи. До 1843 г., — послѣ указанныхъ

выше работъ, выполнилъ еще Пименовъ *портретъ статуэткн князя Паскевича и графа Шувалова* (сына графа Павла Андреевича и графини Варвары Петровны, во второмъ бракѣ княгини Бутера-Радоли). Въ 1844 году дѣлалъ Пименовъ изъ *мрамора* „голову Аполлона Бельведерскаго“, бюстъ супруги Г. Θ. Орлова, въ натуральную величину, со сквозною вуалью, находящійся у дочери ея графини Оренни, во Флоренціи. Изъ эскизовъ лучшій былъ въ этомъ году, „Амуръ съ завязанными глазами“, и нѣсколько портретныхъ бюстовъ и статуэтокъ, изъ которыхъ въ мастерской художника, въ Академіи, по смерти его оказались статуэткн Суханова и Всеволожскаго. Возведенный за своего „нищаго“ въ академики нашей Императорской Академіи Художествъ, Пименовъ еще пять лѣтъ продолжалъ жить въ Италіи, началъ въ это время бюстъ изъ мрамора, харьковскаго помѣщика Н. В. Суханова и выполнилъ бюстъ его сына. Въ мастерской художника, во Флоренціи, выполненъ только по рисунку его, а не самимъ имъ, фонтанъ изъ мрамора: находящійся на Собственной дачѣ близъ Петергофа, и въ 1849 году конкурсный проектъ для памятника Крылову—очень грандіозная композиція, въ Петербургѣ пропавшая, оставшись вѣроятно неутвержденною за не представленіемъ на конкурсъ. На комъ лежитъ въ томъ вина, — осталось тайною, но художникъ своего эскиза обратно не получилъ.

Всего этого, выполненнаго Пименовымъ, всякій согласится, очень довольно и для двѣнадцатилѣтней дѣятельности таланта, несомнѣнно въ это именно время окрѣпшаго и вполнѣ почувствовавшаго свои

силы. Все выполненное за это время Пименовымъ, носить на себѣ, положимъ, до извѣстной степени изысканность и, ради стремленія къ усиленному эффекту, манерность. Но и этотъ недостатокъ не мѣшаетъ видѣть въ исполнителѣ живой талантъ и эффектъ поражающій. Въ группахъ для Невскаго моста, положимъ, есть части напоминающія подражаніе Бернини съ его летящими драпировками, но можемъ ли мы за это упрекать художника, усматривая подобное нарушеніе закона изящности въ рисунокѣ, зная, что при выполненіи многое выходитъ далеко не такъ, какъ задумывалось. Къ Пименову это особенно приложимо; въ виду его строгости къ самому себѣ. Больше грѣшатъ, впрочемъ, подражательностью Бернини композиціи для фасада храма Спасителя въ Москвѣ, которыхъ впрочемъ не пришлось выполнять Пименову, а исполненное тамъ Рамазановымъ и барономъ Клодтомъ, уже на столько ниже выполненія Пименова, что не можетъ быть и рѣчи о сравненіи, или о вопросѣ: какъ бы у него вышло? Модели группъ для Невскаго моста, уже безконечно самобытнѣе, сильнѣе и изящнѣе рисунковъ, стало быть, примѣняя только подобную возможность улучшать при выполненіи задуманное, мы можемъ оцѣнить подлинное художественное значеніе собственныхъ работъ автора исаакіевскихъ иконописныхъ группъ, гдѣ выказалъ художникъ все свое умѣнье и вкусъ.

Пріѣхалъ Пименовъ въ Петербургъ 12-го ноября 1850 года, и представивъ эскизы мостовыхъ группъ, получилъ заказъ выполнить группы для малыхъ иконостасовъ въ Исаакіевскій соборъ. Онѣ, какъ извѣст-

но, представляют „Преображеніе“ и „Воскресеніе Христа Спасителя“ въ колоссальныхъ круглыхъ фигурахъ (7½ футовъ вышина статуи). Окончателность превосходнаго выполненія этихъ колоссовъ, всего въ 1½ года, вполнѣ изумительна и доказываетъ, какъ работалъ Пименовъ, когда житейскія невзгоды не мѣшали ему творить и не отнимали силъ, связавшись въ узелъ безвыходнаго положенія. Октября 10-го 1854 года, Академія, за исаакіевскія группы признала Н. С. Пименова профессоромъ, и съ 15-го ноября 1855 года, по смерти Витали, онъ вступилъ наставникомъ въ Академію Художествъ.

Судьба самаго великаго изъ твореній Пименова въ это время уже рѣшилась. Онъ выполненіемъ десяти колоссальныхъ статуй за 14,000 руб. сер., по причинѣ ошибочно объявленной дешевой цѣны онымъ, приведенъ былъ въ крайнее положеніе и имѣлъ счастье просить защиты Ея Императорскаго Высочества, президента Академіи, испрашивая ходатайства о прибавкѣ за означенныя работы для Исаакіевского собора 10,000 руб., но Его Сіятельство, г. предсѣдатель комиссіи, о построеніи собора, изволилъ объявить, что въ этой прибавочной суммѣ отказано.

Дѣло и по выполненію мостовыхъ группъ разошлось, по казавшейся докладчикамъ высокою суммѣ, запрашиваемой Пименовымъ, хотя понимающіе достоинство выполненія этаго не находили. Оцѣнивалъ и находилъ дорогимъ гонораръ, испрашиваемый Пименовымъ, графъ П. А. Клейнмихель; Императорская Академія Художествъ находила, на-

противъ, просимое Пименовымъ вознагражденіе умереннымъ. Пименовъ на запросъ графа Клейнмихеля о цѣнѣ группъ, объявилъ за всю эту громадную работу, металлъ и отливку 247,000 руб. сер., изъ коихъ 138,000 руб. сер. за модели (27 фигуръ) и 109,000 руб. за бронзу, назначивъ срокъ для исполненія своей работы семь лѣтъ. Это найдено слишкомъ значительною суммою, и Пименовъ сбавилъ съ моделей 3,000 руб., а баронъ Клодтъ съ бронзы 9,000 руб. Графъ Клейнмихель словесно объявилъ, „что и это тоже дорого“. Желая еще больше облегчить средства къ выполненію группъ касательно бронзовой работы, Пименовъ уговорилъ гальвано-пластическое и литейное заведеніе взять 72,000 руб. за отливку, чеканку и постановку на мѣсто;—но и эта смѣта его сіятельствомъ не принята. Тогда въ запискѣ своей Пименовъ выставилъ крайнія условія для выполненія 4-хъ группъ въ семь лѣтъ: 37,000 руб., и его семилѣтнее содержаніе, казенные матеріалы для выполненія“ и при этомъ, чтобы „особенная плата дѣлана помощникамъ, работникамъ и натурщикамъ, а не на счетъ его, Пименова. Что же касается до суммы, которую Пименовъ могъ бы выработать въ продолженіе семи лѣтъ, то онъ въ этомъ, по мѣрѣ достоинства его работы, совершенно ввѣряетъ себя Высочайшей милости Государя Императора“. На это отъ графа Клейнмихеля не послѣдовало никакого отвѣта. Можно ли же, зная этотъ ходъ дѣла о мостовыхъ группахъ, возлагать вину въ неосуществленіи блистательнаго предположенія на память художника, жившаго для искусства, но дѣй-

ствительно, не политика, не умѣвшаго достигать успѣха окольными путями. Враги Пименова — а, какъ талантъ, имѣлъ онъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, — больше всего напирали на гордость его, и въ силу такого о немъ мнѣнія, успѣли добиться полного уничтоженія всякихъ надеждъ для скульптора между русскими едва ли не перваго, по могучести таланта и возвышенности стиля.

Въ 1853 году открытъ былъ конкурсъ на сочиненіе проектовъ памятника адмиралу Лазареву, лучшимъ найдено предположеніе Пименова: фигура адмирала стоящая (въ 3 сажени вышиною), на пьедесталѣ, съ пушками, съ четырехъ сторонъ накрестъ. Пименовъ выполнилъ модель окончивъ исаакіевскія группы и заказъ за нимъ высочайше утвержденъ 29-го декабря 1854 года, а къ апрѣлю 1855 г. морское вѣдомство заключило съ художникомъ формальное условіе на выполненіе памятника изъ бронзы, причемъ художнику за модель назначено 20,000 руб. и за отливку 11 тыс. руб. Въ іюлѣ того же года послѣдовало отложеніе дѣла, снова разрѣшеннаго въ 1857 году, ибо выполнивъ статую, Пименовъ не видѣлъ памятника открытымъ. При воцареніи Государя Императора Александра Николаевича Пименовъ выполнилъ модель коронаціи съ изображеніемъ Его Императорскаго Величества. Профессоръ получилъ Высочайшій сансъ и при поднесеніи Государю отливка изъ серебра своего медальона, удостоенъ награжденія перстнемъ. Затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію Пименовъ выполнилъ модель конной группы Св.

Георгія, для украшенія залы ордена Св. Георгія въ Кремлевскомъ дворцѣ. За выполненіемъ модели заказъ отмѣненъ. Августа 5-го 1856 года Пименовъ выполнилъ самый сходный и самый изящный бюстъ президента Императорской Академіи Художествъ, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, въ натуральную величину. Около этого же времени сдѣланы имъ медальоны Императоровъ Николая I-го и Александра II-го и бюстъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго — для празднованія 25-ти-лѣтія Его Высочества въ званіи шефа лейбъ-гвардіи уланскаго полка. Приэтомъ, для помѣщенія медали, Пименовъ выполнилъ модель фигурнаго серебрянаго пьедестала съ орломъ, штандартами, пиками и арматурою. Въ это же время (1856 г.) получилъ художникъ заказъ Императрицы Александры Ѳеодоровны — выполнить стоящую статую Императора Николая I, изъ мрамора въ натуральную величину, для помѣщенія на дачѣ Ея Величества, въ Александріи. Модель выполнена прекрасно, и окончательно, до обложенія драпировкою. Въ этомъ видѣ найденная, статуя докончена съ эскиза, по смерти Пименова одновременно съ утвержденіемъ модели статуи Лазарева, Пименовъ составилъ проектъ памятника адмиралу Корнилову. Онъ поставилъ фигуру его на двойномъ пьедесталѣ: верхній украшенъ по боковымъ фасамъ барельефами погребальнаго шествія и преданія земли тѣла его, а на нижнемъ пьедесталѣ каждый фасъ представляетъ по одному геройскому дѣянію Корнилова и

въ углахъ помѣщены пушки. Модель эта неосуществлена. Впослѣдствіи (1856 года ноября) послѣдовалъ заказъ общаго монумента всѣмъ тремъ черноморскимъ героямъ: Корнилову, Нахимову и Истомину. Въ исполненіи этой воли Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Пименовъ составилъ проектъ монумента въ формѣ часовни, въ стилѣ старинныхъ московскихъ церквей. Фигуры адмираловъ, помѣщены были внѣ часовни этой на особыхъ подножіяхъ, отставленныхъ отъ каждой стѣны и отъ столбовъ, въ углахъ ея. Столбы увѣнчаны были главами на башенкахъ крестами, а подъ самую средину часовни выше прочихъ башенка заканчивалась ангеломъ съ распростертыми крыльями. Съ четвертой стороны часовни была арматура изъ орудій, а входы въ часовню устроены въ пьедесталахъ статуй. За этимъ проектомъ, — представленнымъ Его Высочеству 22-го декабря 1856 года — Пименовъ получилъ Высочайшій заказъ модели статуи фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго, для постановки въ Варшавѣ. Государю Императору благоугодно было повелѣть изобразить фельдмаршала въ шинели, съ открытою головою, а у ногъ стоящей статуи, — каску; на граняхъ пьедестала 2 барельефа герба князя и надпись. Позу фигуры фельдмаршала, Пименовъ взялъ съ портрета писаннаго Крюгеромъ, какъ самаго лучшаго по естественности движенія, не только по сходству лица и по фризу той грани, гдѣ помѣщенъ гербъ, положилъ два фельдмаршалскіе жезла австрійскій и прусскій. Съ оборотной же стороны изобразилъ фигуры „Славы и му-

жества“ поддерживающіе доску, на которой геній войны вписываетъ титуль и лѣта князя Варшавскаго, а на грунтѣ накрестъ положенные русское ружье и шпага въ лаврахъ. Боковые барельефы поддерживали фигуры плѣнныхъ непріятелей, съ украшеніями изъ оружія.

Барельефы представляли эпизоды славной жизни фельдмаршала: „Встрѣчу благополучно царствующей Государыни Императрицы, невѣстою Государя Наслѣдника, въ Варшавѣ“, „Сраженіе подъ Парижемъ“, „Вступленіе графа Паскевича въ Таврисъ“, „Взятіе имъ Эрзерума“ и „Штурмъ Варшавы“. За модель статуи Пименовъ назначилъ 12,000 руб., за модель пьедестала съ барельефами 14,000 руб., и за отливку всего изъ бронзы 20,000 руб. Статуя была выполнена и весь памятникъ по смерти Пименова, фонъ-Бокомъ. Въ 1858 г. Пименовъ произвелъ колоссальный бюстъ Императора Николая I въ здѣшнюю биржевую залу и выполнилъ проектъ медали по этому случаю. Затѣмъ, для юбилея 50-лѣтней службы генерала А. Я. Вильсона, выполнилъ бюстъ его, изъ каррарскаго мрамора и модель медальона для медали. Для 25-ти-лѣтія шефства Великаго Князя Михаила Николаевича въ Л. Гв. Конногренадерскомъ полку, Пименовъ произвелъ отлитую изъ серебра фигуру „Славы“, держащей юбилейную медаль, имъ же сочиненную. Для монумента Императору Николаю I, поставленнаго у Синяго моста, скомпанованъ барельефъ „обнародованіе Свода Законовъ“, изобразивъ засѣданіе Государственнаго Совѣта 19-го января 1833 года и въ немъ возложеніе Государемъ на

Сперанскаго Андреевской ленты. Прекрасно выполнилъ рисунокъ, отъ исполненія барельефа съ 14-ю портретными фигурами на срокъ съ февраля до Августа, впрочемъ онъ отказался, нежелая выполнять декоративно только.

Въ началѣ 1860 года принялъ художникъ выполненіе памятника князю М. С. Воронцову, въ Тифлисѣ и до смерти успѣлъ выполнить превосходно фигуру меньше натуры (съ головою) безъ драпировки, — тоже скомпанованной на манекенѣ. Выполненіе въ настоящую величину совершено по смерти художника съ этой модели.

Затѣмъ сдѣлалъ профессоръ Пименовъ *шесть моделей* половинныхъ статуй, для носовой части корветовъ: „Богатырь“ и „Варягъ“, и фрегатовъ: „Пересвѣтъ“, „Ослабя“ и „Дмитрій Донской“ и „Св. Александръ Невскій“. Достойный профессоръ успѣлъ и подготовить для выполненія съ этихъ моделей, рѣзчиковъ адмиралтейскихъ, введя при выполненіи изъ дерева тотъ же приѣмъ, который въ употребленіи у скульпторовъ при выполненіи изъ мрамора, а именно: *выводъ на пункты* (въ низовье дерева въ подлежащую глубину сверленіемъ круглыхъ скважинъ, по размѣру). До того адмиралтейскія рѣзчики употребляли шаблонную рѣзку.

Къ 1860 году принадлежитъ и докончаніе Пименовскаго бюста Императора Николая I поставленнаго въ Эрмитажѣ, пять лѣтъ работы доказываетъ высшую добросовѣстность профессора, дѣйствительно доведшаго окончательность до высшей степени, при постоянномъ недовольствѣ своимъ

трудомъ. Этою чертою его характера объясняется частое нарушеніе сроковъ по принимаемымъ имъ заказамъ исполненій, но едвали любитель искусства найдетъ эту неаккуратность преступленіями со стороны художника, строгаго къ себѣ больше, чѣмъ его собратія, поспѣвавшія сдавать къ сроку свои работы. Неудовольствіе его современниковъ просрочку неоправдывая взяшагося выполнить, для потомства будетъ имѣть другое значеніе въ вопросѣ опредѣленія художественныхъ достоинствъ Пименова, какъ мастера.

Мы не будемъ говорить, что художникъ былъ совсѣмъ правъ въ неблагопріятномъ оборотѣ большинства даваемыхъ ему порученій, но позволимъ одно себѣ представить въ его оправданіе. Онъ былъ, какъ талантъ, впечатлительнѣе всякаго другаго и несправедливость, а тѣмъ болѣе происки и интриги вреднѣе на него дѣйствовали, повергая въ бездѣйствіе при раздраженіи и обидѣ. Поводовъ для того и другаго, бывало много и были они часты, а затѣмъ присоединились ко всѣмъ непріятностямъ и мученія ревности, далеко не неосновательной. Весь этотъ адъ въ душѣ, при неудачѣ въ дѣлахъ извнѣ и наростаніи долговъ, сломилъ, наконецъ, крѣпкую натуру Пименова. Онъ получилъ неизлечимую болѣзнь. Ходъ ея, между тѣмъ, вслѣдствіе неудачи съ памятникомъ „Тысячелѣтія“ и поэту Пушкину, получилъ быстрый, неотвратимый характеръ. Уже чувствуя припадки болѣзни, сведшей въ гробъ его, Пименовъ ѣздилъ въ Севастополь, осенью 1861 года. Воротясь оттуда, художникъ вылѣпилъ модель па-

мятника Пушкину, поставивъ поэта на скалѣ; ниже его помѣстивъ парящаго генія, съ хартією и лирою, а внизу, въ лицѣ русскаго молодца, вырубаящаго на скалѣ слова „Пушкину—Россія“!—себя. Въ маѣ 1862 г. онъ представилъ эту модель съ описаніемъ и сочинилъ жетонъ „на освобожденіе крестьянъ“. Лѣтомъ 1864 г. опасная болѣзнь заставила художника ѣхать за границу, но недостатокъ средствъ позволилъ ему совершить поѣздку только осенью и, воротился онъ оттуда, сильнѣе заболѣвъ еще въ Берлинѣ. Силы оставили уже почти изможденное тѣло и простуда, быстро развила водяную. Декабря 5-го 1864 г., Пименовъ пересталъ страдать, оставивъ кучу недоконченныхъ твореній, 22,000 р. долга и осиротѣлое семейство безъ куска хлѣба.

Какъ человѣкъ онъ, по словамъ враговъ, былъ вспыльчивъ, раздражителенъ, неуживчивъ, но не то говорили ученики, не то думали друзья искусства и не то скажетъ о Пименовѣ безпристрастная исторія. Она скажетъ, что Николай Степановичъ Пименовъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, никогда не кривившій душою; какъ художникъ онъ стоитъ выше всѣхъ русскихъ скульпторовъ, и какъ наставникъ выше многихъ.

